

Мадлен Эссе

Обрученные Венецией

16+

Мадлен Эссе Обрученные Венецией

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34714937

SelfPub; 2019

Аннотация

Италия эпохи Возрождения. Интриги, ненависть, козни, политические распри, войны. И в созданном мире алчности и славы человек упорно ищет любви. Но будет ли мужчина любить тогда, когда презирает всё, что связано с женщиной? Тогда, когда есть риск оказаться предателем перед своими союзниками, перед самим собой? И все потому, что она – наследница генуэзского герцога, он – сенатор Венеции, и отношения между ними расценят как измену. Волей судьбы она оказывается в его власти, а он – на распутье относительно дальнейших действий: предаться своим чувствам или воспользоваться шансом и отомстить?

Содержание

Историческая справка	6
Пролог	8
Глава I. Пленённые мечты	17
«Вы желаете жениться на мне?»	17
«Существуют вещи, которые нам не подвластны»	39
«Все женские несчастья исходят от мужчин...»	55
«Она – не ангел! Но кто тогда... колдунья?»	78
«Политика – не женского ума дело»	116
«Как только ты видишь красивую женщину, то незамедлительно тупеешь»	126
Глава II. Маскарад желаний	152
«Я безнадежно влюблен в неё»	152
"Забери... укради... спрячь меня"	160
"С ней ты всё потеряешь"	178
"Ох, если бы знал об этом герцог..."	194
"Вы мне не неприятны. Вы мне безразличны"	202
"...когда она пребывала на грани между двумя мирами..."	213
"Всё, о чем молю я..."	221
"Творцы разврата"	233
"Я всегда нахожу выход из передрыг"	243

"Разве ты не видишь над ее прекрасной
головкой светящийся нимб?"

251

Конец ознакомительного фрагмента.

260

Примечание: Для обложки книги «Обрученные Венецией» использованы изображения с сайтов <https://ru.pinterest.com>, pixabay.com, deviantart.com по лицензии СС0

Историческая справка

«Средневековая Италия погрязла в войнах и политических интригах»

Могущественные, блистающие своим богатством и роскошью Венеция, Генуя и Милан ищут то возможность сотрудничества между собой, то повод для войн и распрей.

К началу двадцатых годов XV века, когда в свои владения входил Ранний Ренессанс, некогда цветущая Генуэзская республика, только вырвавшаяся из политической зависимости от французов, пыталась выйти из политического и экономического кризиса, в который страна окунулась по причине бесцеремонного посягательства соседних государств на ее земли и колонии.

Одновременно в эти времена обретала расцвет и Венецианская республика, с которой Генуя полтора века соперничала за господство над выгодными торговыми путями в водах Средиземного моря. Многолетние кровопролитные войны и отсутствие согласия между сторонами приводили лишь к бесчисленным жертвам и потерям. И только Туринский мирный договор в 1381 году смог на какое-то время утихомирить распри между двумя державами. Однако мир сохранился лишь на бумагах, – лелея в памяти былые обиды, и венецианцы, и генуэзцы продолжали возвращать в своих по-

томках презрение и ненависть друг к другу. Этим-то и пытались воспользоваться прочие страны средневековой Италии, такие, как Миланское герцогство, искусно вовлекая соперников в сети политических заговоров.

Бездушно играя в спектакле интриг, каждая из республик стремилась достичь господства, укрепить свою власть и расширить и без того богатые сокровищницы. Эти непомерные интересы обрекали их на вечное соперничество, пронося мимо внимания аристократии глубину внутреннего развития человека, его духовную сущность, его душевные потребности. Все это привнесло в судьбу главных героев желание жить и бороться за свои чувства, минуя козни и предрассудки, принесенные циниками, ослепленными деньгами. Интриги и политические распри смогли полностью изменить жизнь главных героев, привнеся в их судьбы всеми гонимую любовь...

Читая роман, не забывайте: отсутствие в исторических мемуарах каких-либо событий абсолютно не исключает их наличия в действительности прошлого...

Пролог

«Я виноват лишь в том, что когда-то увидел в вас что-то святое»

Наскоро спрыгнув с гондолы, Каролина бросилась в палатку сенатора Фоскарини. Внутри стояла привычная тишина, очевидно, слуги были увлечены домашней работой, а он отсутствовал.

Синьорина метнулась в кабинет хозяина, который наудачу оказался открытым. У нее не было времени думать о последствиях своих действий – обида и отчаяние правили ею.

Недолго думая, Каролина бросилась к оружейному шкафу. Дернув за ручку неподдающейся дверцы, она вспомнила, что у отца та закрывалась на маленький ключик, хранившийся в письменном столе. И удивительно совпадение, но ключ от шкафа сенатора лежал в том же месте.

Ее трясущиеся от волнения руки лихорадочно перебирали ключи на связке, каждым из них пытаясь попасть в замочную скважину. Наконец та щелкнула, и Каролина схватила первое, что попало ей под руку, – аркебузу, стрелявшую короткими стрелами, которую ей приходилось прежде видеть у герцога. Внезапный звук шагов позади синьорины заставил ее резко обернуться.

– Хорошо, что вы уже вернулись, Каролина! Мне хотелось

кое-что...

Представшая картина заставила сенатора смолкнуть и с изумлением застыть буквально в трех шагах от невидимого глазу шквала ярости, кружащего вокруг ее тела. Наряду с неведомой ему прежде ненавистью в потускневшем небесно-голубом взоре, из ее глаз прямо ему в душу устремился луч презрения, решительно коснувшийся сердца и оставивший на его краешке болезненный ожог.

Она резко подняла руку и направила на Адриано дуло аркебузы. Остановившийся в дверях сенатор оставался недвижимым, с тревогой и недоумением сосредоточившись на движениях своей гостьи. Застывшие в глазах слезы красноречиво зывали о помощи, а предательская дрожь в руках свидетельствовала о страхе, тщетно пытающемся прикрыть себя мнимой решительностью.

Но Каролина настырно держала прицеленное в сенатора оружие. Тот поначалу словно пребывал в ожидании, когда его голова озарится догадками о происходящем, но его мысли одолела поразительная пустота.

– Что-то случилось, синьорина? – наконец-то, спросил он.

– Случилось? – яростно вскрикнула та. – Вы продолжаете бесстыдно издеваться надо мной, сенатор!

– Я не понимаю вас, Каролина... – проговорил он, сдерживая внешнее спокойствие и внутреннюю тревогу. – Не могу вспомнить, когда же прежде я имел неосторожность, как вы выражаетесь, издеваться над вами...

– Не можете вспомнить? Вы – лжец, предатель, лицемер... – кричала она, отдав себя в полное распоряжение гнева и потоку обжигающих слез. – Я вас ненавижу... Вы сделали меня пленницей своих владений, разыграли бездушную пьесу о том, что...

Несомненно, он должен был сразу догадаться, что причина именно в этом. Его ложь все-таки всплыла... вот только как?

Плотно прикрыв за собой дубовую дверь, Адриано смело шагнул ближе к Каролине. В его действиях читалось хладнокровие, но его душой овладевала нарастающая дрожь. И это был не страх.

– Синьорина, неужели вы собираетесь стрелять? Вы умеете обращаться с этим? – спросил он с легкой ухмылкой, но тут же вспомнил, что ее качествами стрелка ему уже приходилось восхищаться в Генуе.

– Вы сомневаетесь, сенатор? Вам, должно быть, неизвестно, на что способна дама, оставшаяся наедине со своим гневом и потерявшая свою свободу в плену у врага? Душевно изувеченная настигшим разочарованием от разбитых надежд? Как я могла сразу не догадаться? Генуя и Венеция никогда не были друзьями... И мне, генуэзке, надеяться на помощь венецианца было бы смешно... Если бы я только была разумней... Если бы не смела предаваться наивности и мечтам... Тогда я сразу поняла бы вашу сущность. И мне стало бы известно, что именно вы и ваши войска уничтожили мою

семью!

От нее исходили импульсы знакомой Адриано жажды мести. Незамедлительной и своевременной мести! Но даже несмотря на это ощущение, он не изменился в лице и твердо констатировал:

– Мои войска не принимали участия в этой войне!

– Ах, да! Вы снова поведаете о том, что случайно оказались у берегов Генуи?

Презрительность тона в ее восклицаниях вывела его из себя...

– Мне нужно было оставить вас погибать в лесу, как собирался это сделать ваш друг Маттео? – повысил голос он.

– Лучше бы вы оставили меня там, в Генуе, умирать вместе с родными. Кем я прихожусь вам в этой стране? Никем! – закричала она. – Я здесь такая же пленница, как рабы, которых выставили на продажу близ Пьяцетты. Среди которых, кстати, присутствует и свита моего отца...

Адриано молчал, не желая тратить силы на отрицание чего-либо. Но в его голове успел мелькнуть вопрос: откуда в Венеции могли оказаться герцогские люди?

– Я требую, чтобы вы отправили меня в Геную на ближайшем корабле, сенатор! – потребовала она, все еще держа Адриано на прицеле.

– И куда же вы вернетесь, синьорина ДиакOMETTI, позвольте поинтересоваться?! В спаленный и разрушенный крестьянами палаццо? О, поверьте мне, вы никому там не нуж-

ны! Если вы полагаете, что ваша сестра будет благодарить Небеса за ваше возвращение...

– Замолчите, Богом молю! – крикнула Каролина, сжимая до боли рукоятку аркебузы.

– Будь вы разумнее и сдержаннее, я бы посвятил вашу глупую голову в истинное положение вещей, – произнес отчаянно сенатор. – Но, боюсь, что подобная непредусмотрительность лишь разразит войну на пол-Европы!

Его саркастические замечания лишь пуше прежнего разожгли в ней дьявольский гнев – тот самый гнев, который способен дотла разрушить все, что возникает на его пути.

– Ну отчего же вы не стреляете? – воскликнул сенатор, желая поскорее заставить ее опустить аркебузу. – Очевидно, вы хотите закончить на виселице?

– Лучше закончить жизнь на виселице, чем позволить врагу владеть собою! – внезапно воскликнула Каролина и... нажала на курок.

Послышался пустой щелчок, известивший об отсутствии стрелы в оружии, и за этим последовал глубокий вздох, вырвавшийся из женской груди. То ли это был вздох разочарования, то ли облегчения, – это не знала и сама Каролина. Только сенатор, не ожидавший, что она осмелится на такой отважный шаг, заметно побледнел, чувствуя, как ее отчаянная дерзость выводит его из себя.

– С вашей стороны было наивно полагать, что я оставлю в шкафу заряженное оружие! – с этими словами, произнесен-

ными едва ли не с презрением, он схватил Каролину за руку, как сделал это отец в день мятежа, и потащил несчастную к дверям.

– Вы виноваты во всем, что случилось с моей семьей! – отчаянно кричала она.

Он остановился и, резко дернув ее за руку, развернул к себе. Каролина с ужасом заметила, как его глаза низвергали гневное пламя. И это пламя способно было в одно мгновение сжечь ее душу до тла.

– Я виноват лишь в том, что когда-то увидел в вас что-то святое! – гневно промолвил он и продолжил свой путь.

Он буквально затащил ее в гондолу и грозно скомандовал гондольеру:

– На Пьяцетту!

Поначалу Каролине не было страшно. В какой-то момент ей стала абсолютно безразличной жесткость Фоскарини. Но, немного опомнившись на середине пути, она осознала, что его добродушная обходительность сейчас может смениться на ледяную безжалостность.

Зачем они едут на Пьяцетту? Синьорина ДиакOMETTI со страхом посмотрела на сенатора, по скулам которого ходили напряженные желваки. Очевидно, он сдаст ее сейчас под стражу за попытку убийства? Ну и пусть! Даже если ее повесят – это всяко лучше, чем жизнь в заточении у проклятого венецианца...

Адриано сошел с гондолы, держа Каролину за локоть и

волоча за собой. Оказавшись на Пьяцетте, он стремительно протащил её через всю площадь, в самый дальний угол, минуя своим вниманием любопытствующие взгляды прохожих, проявлявших к нему почтение поклонами либо реверансами.

Когда они, наконец, остановились, перед глазами Каролины предстала жуткая картина: над эшафотом на виселице колыхалось тело женщины. Определить пол можно было лишь по истрепанному окровавленному платью, так как лицо было обезображено стервятниками, которые изуродовали тело до неопознанного состояния. Засохшая кровь на тошнотворных ранах, оголявших кости повешенной, приводили в ужас. Словно это был не человек, а какая-то тряпка, болтавшаяся в воздухе от сильного ветра. А кружащие в небе вороны и их непрерывное карканье делали картину еще более жуткой.

– Ей было семнадцать лет! – сквозь зубы процедил Адриано, все еще озлобленный поведением синьорины. – Пыталась убить спящего господина, чтобы обокрасть.

Эти слова звучали с такой ненавистью, что бедная Каролина полностью ощутила себя рабыней.

– Вы все еще желаете закончить на виселице, синьорина? – спросил озлобленно Адриано, стиснув еще сильнее ее руку и глядя в побледневшее лицо.

Каролина ощутила подходящую к горлу тошноту и, с невероятной силой оттолкнув от себя сенатора, бросилась назад в гондолу. Она наклонилась ближе к воде и, зачерпнув немно-

го, умыла бледное лицо. Подошедший Адриано присел рядом с ней, с жалостью и сожалением смотрел, как она пытается сдержать в себе рвоту. На глазах девушки выступили слезы, но она только спрятала лицо от сенатора в ладонях, чтобы он не видел ее рыданий. Эти слезы вырывались из ее души не столько от увиденного, сколько от осознания безысходности своего положения. Отчаянные мысли приводили синьорину в дикий ужас. Все, чего ей сейчас хотелось, так это выпрыгнуть из гондолы и намеренно погрузиться на дно канала, дабы навеки уснуть в его глубинах.

Адриано видел, как ее тело содрогалось в приступах истерики, однако, успокаивать ее не намеревался. Выгнав гондольера, он занял его место, чувствуя, что гребля потихоньку успокаивает. Удушающий гнев разрывал до боли сердце за несправедливые и абсурдные слова, которые прозвучали в его адрес от этой импульсивной девчонки. Чем он мог заслужить такую ненависть со стороны синьорины? Разумеется, правда остается для нее неведомой! Но раз уж так – следует сначала удостовериться в своих обвинениях, прежде чем небрежно раскидываться ими, словно кинжалами по стоящей в нескольких шагах мишени.

Несмотря на кипевший внутри себя гнев, Адриано продолжал безмолвствовать, не желая и словом намекать Каролине о том, насколько она ошибается в своих домыслах. Да ему вообще не хотелось видеть ее сейчас – такая ярость им овладевала! В какой-то момент он даже подумал о том, что-

бы вернуть синьорину ДиакOMETTI в Милан на съедение родственникам из семьи Брандини.

Но, прежде чем принимать импульсивные решения, необходимо взвесить все, что произошло за эти месяцы. Порой именно в прошлом хранятся ответы на сокровенные вопросы.

Сокрушающаяся в рыданиях Каролина и раздосадованный Адриано сейчас пытались вернуться в воспоминаниях к тому самому моменту, с которого все началось...

Глава I. Пленённые мечты

«Вы желаете жениться на мне?»

Сумрачный коридор палаццо Лоренцо ДиакOMETTI, герцога да Верона, упирался в дубовую дверь его кабинета, искусно вырезанную лучшими плотниками Генуи. Расплывчатая женская тень плавно скользила по серым каменным стенам, навевавшим прохладу и уныние. Особа, перед которой едва ли не гасли свечи, проявляя свое почтение, была младшей дочерью обладателя этих роскошных владений. С опаской оглядываясь по сторонам, синьорина спешила в кабинет отца – ту самую комнату, ставшую некогда едва ли не самой запретной зоной для дам.

Но, то ли таинственность этой комнаты, то ли соблазняющие своей неприступностью запреты, то ли взбалмошный характер девчонки ставали на пути ее послушания. Чувственное сердце Каролины частенько подводило ее, когда нужно было проявить покорность и устоять перед манящим искушением.

Синьорина аккуратно открыла тяжелую дверь. Минуя взглядом роскошь величественной комнаты, некогда вызывавшую в ней восхищение, она лишь поглощала взглядом книжные полки, до блеска натертые прислугой. И если бы не

старания челяди, те давненько покрылись бы слоем пыли в ожидании, что хотя бы кто-то коснется их.

Хоть герцог да Верона и частенько хвастал перед гостями дизайнерским изяществом своего кабинета, сочетавшего в себе классическую деревянную резку и бархатистую мягкость светло-коричневой телячьей кожи, но книги в его весьма занятое внимание попадали невероятно редко. Это самое равнодушие откровенно изумляло юную синьорину, страдавшую жаждой чтения с тех самых семи лет, когда для нее стало доступно это искусство.

А вот попасть в кабинет отца Каролине удалось не так давно – всего два года назад, когда она, войдя сюда, осуществила свою маленькую мечту и погрузилась в высокое кресло отца, такое возвышенное, словно королевский трон, о котором она так часто слышала из рассказов маменьки. Тогда синьорина, деловито сложив свои ручки на гладко отполированном столе, представила себе, что чувствует отец, когда работает в этой самой дивной для нее комнате. Ей было всего тринадцать, но казалось, что в тот момент она заметно для себя повзрослела.

И сейчас, взглянув на полки, плотно заставленные книгами, она радостно перевела дух, закрыла за собой двери и, подбирая на ходу платье, бросилась к библиотеке отца.

Разумеется, Каролина и думать не хотела о строгих наставлениях кормилицы и родителей, с самого детства внушавших маленькой синьорине ненависть к наукам, уверяя,

что женщина должна вырасти только для того, чтобы удачно выйти замуж и родить детей. И она прекрасно знала, что если отец узнает о тайных посещениях библиотеки, то непременно накажет ее. Однако осторожность и изворотливость хитроумной девчонки не зарождали в герцоге даже малейшего подозрения об этом.

Знай герцог, что Каролина уже самостоятельно изучила ряд наук, позволяющих удовлетворить ее неисчерпаемый интерес к истории родной Генуи, он непременно обезумел бы от ужаса. Недопустимым являлось и то, что ей хотелось знать не только о том, чем занимается отец, когда управляет кораблестроением в порту или хозяйничает в своем небольшом герцогстве. Под запретом являлась и тяга к таким нелегким наукам, как политика и экономика. Но происходившие

Немалый интерес занимало соперничество между двумя сильнейшими государствами в области морской торговли – Генуей и Венецией, сопровождающееся на протяжении столетий кровопролитными войнами. Последние сведения, которые стали ей известными, содержали в себе данные о мирном договоре, подписанном обеими сторонами около сорока лет назад, после кровопролитных сражений при Кьодже. Большинство дам нашли бы эти события скучными, не таящими в себе великой ценности. Но Каролина, на свою беду, совершенно не походила на это большинство.

Но наиболее всего юную синьорину, как даму с истинно женским сердцем, занимали истории о любви. Да-да! О той

самой любви, о которой запрещено думать, не то чтобы говорить вслух. Но что Каролина могла поделать, если ее глаза загорались пронзительными искорками, когда она представляла перед собой невообразимо интересные фрагменты из истории Древнего Рима?! Она обожала читать стихи и поэмы! У Каролины дрожали руки, когда, переполненная трепетом, она держала в руках эти священные для нее книги. И как бы ни было греховно в этом признаться, синьорина Диаконетти все же отмечала для себя, что с трудом прочитанная ею Библия абсолютно не создана для юной души, наполненной мечтами о бурлящих чувствах.

Однако суровые уклады требовали изучения наизусть Псалмов, ибо Священнописание – это единственная книга, которая обязывала женщину к знаниям. Каролина с недовольством вспоминала, как в детстве едва подчинилась плети отца и только через пять месяцев после мучительного заучивания смогла хоть как-то рассказать ему выученные Псалмы.

Ее тоненькие пальчики задумчиво водили по толстым переплетам выстроенных в ряд книг и остановились на издании Франческо Петрарки «Канцоньере». Наскоро пролистав содержание, она поспешила покинуть кабинет отца и бросилась в свою комнату, где тут же заперла дверь и раскрыла книгу на первой странице, готовясь окунуться в долгожданный мир фантазии. Но не успела она дочитать первую страницу, как услышала стук в окно. Не раздумывая, синьорина

выбежала на балкон и всмотрелась в густую зеленую растительность напротив ее спальни, откуда выглядывали смеющиеся рожицы.

Азартно рассмеявшись, она бросилась к дверям, выбежала в коридор и с невероятной скоростью спустилась по широкой мраморной лестнице, устланной ковром. Из кустов слышался задорный смех ребят, увидевших направляющуюся к ним синьорину, которая старалась двигаться грациозно, дабы скрыть от родных свое игривое поведение, не присущее ее положению и статусу в обществе. Но, услышав смех друзей, Каролина поняла, что играть роль воспитанной синьорины уже бессмысленно, и бросилась вдогонку, подобрав платье, чтобы не споткнуться о подол. В такие минуты она завидовала убегающим вперед мальчишкам, одетым в удобные штаны и туфли без высокой подставки, которые только-только вошли в моду.

Лоренцо не переставал изумляться: как синьорине в пятнадцать лет можно оставаться такой изворотливой и неутомной? Ему не раз докладывали, что Каролина играла с крестьянскими мальчишками, при этом вела себя как юноша, выросший в семье крестьянина. Герцог и герцогиня строго наказывали дочь, пытаясь внушить в ее упрямую головушку, что подобное поведение не свойственно молодой синьорине. Но по прошествии определенного времени Каролина словно забывала о жестких мерах родительских наказаний и втайне от строгого отца убегала со двора в лес, где

часто встречалась с друзьями.

И ей не мешало то, что ее отец титулован высоким и обязывающим перед державой чином, полученным им по наследству от своих предков. Не смущало синьорину и то, что родители этих мальчишек не просто находились под властью герцога да Верона, но и обязывались расплачиваться с вечными долгами перед ним. Каролина с сочувствием относилась к этому моменту, но ее приучили смотреть на жизнь несколько с другой стороны, которую она всячески старалась отвергать.

И за все свое бурное детство и отрочество Каролина уже знала в лесу каждую веточку, каждый листик, потому что проводила здесь большую часть своего времени, в то время как герцог был уверен, что его дочь занимается рукоделием, как и должно женщине. Ее это забавляло, и, наслаждаясь неким сладким страхом, она сбегала на несколько часов в лес, прекрасно зная, что кормилица обязательно выгородит свою синьорину, придумав при этом что-нибудь об уроке вязания или шитья.

Остановившись, чтобы отдышаться, Каролина схватилась за ствол огромного дерева и оглянулась вокруг. Наверняка мальчишки где-то поблизости, поскольку внезапно исчезли из виду. Но все же зоркий взгляд Каролины узрел бежевый краешек льняной рубахи, свисающий из-за широкого ствола развесистого клена. Хитро улыбнувшись, синьорина тихонько направилась в его сторону, опасаясь наступить на ка-

кой-нибудь сухой сучок и испортить внезапность своего появления.

Оставшись незаметной для юноши, вглядывающегося в противоположную сторону, она подошла вплотную к дереву и бросила взгляд на рукоятку кинжала, висевшего в ножнах на кожаном поясе. С присущей ей ловкостью синьорина выхватила оружие и подставила его к горлу Маттео. Юноша медленно повернул голову в сторону синьорины и испуганно посмотрел в ее хитро смеющиеся голубые глазки. Опасность, веющая от холодного оружия, миг растворялась в образе этой прелестной чертовки. Золотистые локоны растрепались от быстрого бега и беспорядочно рассыпались по плечам. В голубых глазках пылал хитрый огонек, а порозовевшие щеки отражали сочную юность этого невинного создания. Маттео взглядом влюбленного взрослеющего юноши восхищенно смотрел на эту девчонку, которая лукавым взглядом пронзала его яростно бьющееся сердце.

Да уж, невинностью, вероятнее всего, обладают правильные черты ее прекрасного французского лица, но никак не пылкий и своенравный характер его обладательницы. И Маттео знал об этом, как никто другой.

– Тебе ведь известно, что я не проигрываю! Даже мальчишкам! – она сомкнула губы в лукавой улыбке и тут же бросилась бежать восвояси, схватив с собой кинжал Маттео.

До нее доносились предупредительные крики ребят, но юная синьорина продолжала бежать без оглядки в сторону

полей, свет от которых просачивался сквозь редующие деревья.

Возраст Маттео несколько превосходил невинную юность Каролины, и порой ее детское ребячество он воспринимал с недоумением. Знатной девчонке в этом возрасте в силу ее непоседливого характера некогда было задумываться о более взрослых вещах, которые уже беспокоили самого Маттео. И ему давно понятно, что дружбы между ним и Каролины быть не может ввиду разницы их сословий. Однако это не мешало ему грезить о ней, как о той девушке, которую втайне ото всех он все же непременно желал заполучить.

Все было не так просто: судьба Маттео и его отца, обнищавшего дворянина, некогда занимавшего высокий пост в морском торговом флоте Генуи, изувечила представление юноши о республике, которой когда-то он полностью вверил себя. Отец его, Альфонсо Гальди, был беспощадно разорен своей же родней, бросившей всю его семью на произвол судьбы, оставив лишь несколько дукатов на жизнь. Публичное унижение, которому был подвержен Альфонсо, окунуло его в глубокую меланхоию, переросшую в тяжелую болезнь, которую ему так и не удалось преодолеть.

Оставшись самым старшим мужчиной в семье в двенадцать лет, Маттео мужественно взял на себя ответственность за родных. Оказавшись в рядах крестьян, он в поте лица работал с маменькой на земле, арендованной отцом еще при жизни у герцога да Верона. Однако все, что им удавалось, —

это отработать установленные налоги на землю, и только скудный остаток средств оставался в распоряжении его семьи. И за пять лет своего проживания в поселении Маттео зарекомендовал себя надежным и смелым юношей, для которого всегда находилась ответственная работа.

Разрываясь между работой в поле, на герцогской фабрике и подработках в порту, юноша лишь изредка имел свободное время, которое он и проводил в компании прекрасной синьорины, упорно отказывающейся взростеть.

Выбежав из леса, Каролина оказалась на краю поля с едва показавшейся из-под земли кукурузой. Там, через пару сотен шагов, начиналась еще одна лесополоса, и, не раздумывая, Каролина бросилась к ней. Она уже намеревалась преодолеть это расстояние, чтобы перебежать открытую местность, но в последний момент повернула голову направо и удивленно раскрыла рот от неожиданности. Встретить здесь отца являлось потрясающим совпадением! Он очень редко бывал в восточной части герцогства. К тому же, по ее сведениям, сейчас герцог должен находиться в банке Святого Георгия.

Тем не менее в сотне шагов от Каролины и впрямь стоял Лоренцо с виконтом и надсмотрщиком, который контролировал наемных рабочих на фабрике отца. В двух сотнях шагов от них и впрямь стояло небольшое строение без окон и с одним огромным дверным проемом, где в поте лица работали наемные рабочие за станками, принося свои многочис-

ленные вклады в развитие сукноделия Генуи. Изготовленные материалы экспортировались морским флотом в северную и восточную Европу или подлежали преобразованию в одежды для знати.

Каролина растерянно посмотрела на приближающихся мальчишек и с другой стороны – на профиль отца. В ней зажглась наивная надежда на то, что она останется незамеченной, и девушка бросилась бежать вперед, чтобы как можно быстрее скрыться в лесополосе.

– Разумнай детали заговора, – произнес строго Лоренцо, которого уже предупредил один из подданных о возможном мятеже во владениях да Верона.

Мятежи... Они вспыхивали по всей Европе и сковывали страхом беспомощное сознание богачей. Крестьяне требовали от знати хотя бы малейшего проявления сострадания! Но те продолжали умножать свои богатства едва ли не на костях загнувшейся от непомерной работы челяди. Крестьяне сокрушались: разве это по-христиански? Разве этому учит Библия – уничтожать ближнего своего? Однако, что может сказать духовенство, если существование Церкви как раз и обеспечивалось десятиной дворян? Что, если сама аристократия и являлась источником средств к существованию и распоряжалась деньгами, беспощадно раздавливающими людей.

Надсмотрщики – это первые люди, на кого могли полагаться дворяне. Они первые располагали сведениями о на-

мерениях крестьян и «свободных» наемников. А опыт работы с людьми позволял надсмотрщикам быть невероятными психологами. Поэтому, находясь в непрерывном общении с крестьянами и наблюдая за их поведением, многие из них могли едва ли не предугадать действия своих подопечных. Да и доносчиков, желающих во что бы то ни стало угодить господам, среди тех же бедняков хватало.

Но сейчас надсмотрщик Алессандро растерянно смотрел на герцога, не понимая, о чем тот говорит. Когда герцог да Верона пронзал своего собеседника взглядом расшвырявшего льва, у бедолаги вся земля уходила из-под ног. Лицо Лоренцо даже без мимики гнева и строгости выглядело грозно: изогнутые густые брови, уж многие годы как покрывшиеся сединой, соединялись на переносице, увеличивая и без того большой нос; маленькие карие глазки сверкали властолюбием и алчностью, а тонкие, задумчиво сомкнутые губы, казалось, вот-вот извергнут из себя гневный крик. Статная фигура Лоренцо придавала ему еще большей солидности и властности. Наемники нередко называли его «горным ястребом», постоянно ищущим свою жертву, которая только при взгляде на него дрожала от страха.

– Прошу простить, ваша светлость, но я ничего об этом не слышал. Осмелюсь предположить, что это ложные слухи, – неуверенно промолвил надсмотрщик, желая всеми своими силами убедить хозяина в своей уверенности.

– Обрати внимание, что я, ваш герцог, не стал присылать

к вам своего человека, дабы выведать правду. Я явился сюда сам, а значит, – в ярости да Верона схватил подданного за шиворот, – молва о мятежах несет в себе правдоподобный смысл. Следуй моей воле: разузнать об основаниях для таких сведений! Нет дыма без огня! Если введешь меня в заблуждение, мои люди, – он указал на виконта и двух сопровождающих его лиц в доспехах, – непременно позаботятся о твоей судьбе.

Испуганный Алессандро лишь съежился, словно в страхе, что герцог сейчас ударит его. Но тот, отпустив надсмотрщика, инстинктивно повернул голову в сторону леса как раз в тот момент, когда Каролина была на полпути к посадке. Это и отвлекло внимание герцога.

Надсмотрщик и виконт заметили, как его светлость буквально побагровели от гнева.

– Каролина?! – послышался голос, словно гром, разверзшийся с небес.

И без того перепуганному Алессандро почудилось, что земля содрогнулась от громкого крика герцога. Что за страх внушал этот грозный аристократ?

Девчонка остановилась и, переведя дух, повернулась лицом к отцу, спрятав руки с кинжалом за спину. Она только увидела, как мальчишки, не замеченные герцогом и виконтом, развернулись назад и бросились бежать вглубь леса. «Предатели», – пронеслось в мыслях, и она с сожалением посмотрела на отца.

– Подойди! – строго и озлобленно крикнул Лоренцо.

Кивком головы он дал знать виконту, чтобы он и надсмотрщик оставили его. Опустив взгляд и пряча руки за своей спиной, Каролина покорно подоспела к рассерженному отцу.

– Позвольте поинтересоваться, синьорина, что вы забыли в этих краях? – строго спросил он.

Каролина лишь виновато опустила голову и безмолвствовала от страха, боясь признаться герцогу в своем легкомыслии. И потом, так или иначе, отец не позволит ей оправдаться, потому она и не видела смысла искать объяснений своему поведению.

– Что у тебя в руках? – спросил Лоренцо, сцепив зубы от злости.

Она продолжала стоять, подобно недвижимой статуе.

– Я задал вопрос, синьорина ДиакOMETTI, что у тебя в руках? – прикрикнул он.

Не меняя выражение лица, Каролина протянула руку в сторону отца и показала кинжал. Она со страхом наблюдала, как лицо отца покрывалось пунцовыми пятнами.

– Чей он? – выдохнул с озлоблением он.

– Я... нашла его, отец.

Герцог не переносил откровенное вранье и прекрасно знал, что Каролина сама в лесу не бывает.

– Если ты сейчас же не признаешься, чей это кинжал, я прикажу обыскать весь лес, найти хозяина и хорошенько

проучить его.

– Молю вас, не надо, папа! – взмолилась Каролина. – Это... это будет несправедливо. Я... я... украла его.

Обрадовавшись, что она нашла способ оправдаться перед отцом, при этом не обманывая его и не оставаясь предательницей перед мальчишками, чего они никогда не простили бы ей, Каролина продолжала смотреть в глаза герцогу с блеском признания вины и внутренним ликованием.

Лоренцо выхватил кинжал из рук дочери. Глядя в сердитые глаза отца, Каролине казалось, что от переполняющей злости у герцога шевелятся седые волосы на голове.

– Я виновата, отец. Простите меня, – тихо промолвила она, и от этого тоненькогоголоскалицо Лоренцо немного смягчилось. – Виконт Альберти, сопроводите молодую синьорину в палатцу и проследите, чтобы она не обманула вас, как это было в прошлый раз. И пусть кормилица тщательно присматривает за ней, иначе накажу и одну, и другую.

Девятнадцатилетний виконт лишь виновато взглянул на Лоренцо, вспоминая, как Каролина не так давно искусно обманула его и исчезла из поля зрения. Тогда герцог поймал ее на развалинах старого замка недалеко от морского побережья.

– Как прикажете, ваша светлость, – процедил сквозь зубы виконт, надеясь, что в дальнейшем герцог не станет вспоминать о том неудобном для него случае.

Джованни Альберти следовал по самой длинной дороге, и

Каролина прекрасно понимала, что он намеренно хочет провести с ней как можно больше времени. А для нее это было невероятным испытанием! Она боялась смотреть в его зеленые глаза: они казались ей льдинками, обжигающими холодом ее нежную кожу там, куда направлялся пронзительный взгляд виконта. А уж он старался не упустить ни малейшего дюйма ее юной красоты!

Дабы стерпеть в себе отвращение, Каролина безмолвно шагала к палаццо, не желая и слова обронить в его адрес.

– Какая же ты непокорная, Каролина, – произнес с презрением виконт, но в то же время одарил ее взглядом, полным восхищения.

– Приятельские отношения с моим отцом не позволяют вам фамильярничать со мной, – гордо ответила на его замечание Каролина и вздернула носик кверху.

– Извольте, но ваше положение в обществе тоже никак не позволяет вести себя так, как ведете вы, синьорина, – Джованни говорил с издевкой стервеца, словно Каролина была ненавистна ему.

Она едва сдержала себя, чтобы от души не нагрубить Джованни Альберти, и перевела дух.

– Ждать недолго, прекрасная синьорина! Совсем скоро герцог да Верона все же даст разрешение на вашу руку и сердце, – с откровенным ехидством сказал он, будто намеревался завоевать ее расположение своей властью. – Наша помолвка изменит всё!

– Вы желаете жениться на мне? – в ее голосе прозвучала выразительная усмешка. – Уж не полагаете ли вы, виконт, что ваша персона – под стать дочерям герцога?

– Жаль, – с наигранным расстройством произнес виконт, – если ты не желаешь добровольно, это произойдет принудительно. Полагаю, тебе это известно...

Вспыхнувший в сердце гнев заставил Каролину бросить на виконта яростный взгляд.

– Меня утешают очевидные сомнения, что род Альберти мой отец посчитает выгодным для своего имени! И уж тем более не думаю, что он найдет мне мужа с меньшим дворянским титулом, чем у него самого.

Усмешка на лице Джованни немного озадачила ее.

– Разве граф – это недостойный титул? Ты ничего не понимаешь в политике, милая Каролина! Поэтому не забивай свою наивную головку этими сложными мыслями.

– Граф – это достойный титул, – согласилась она. – Только ваш отец, виконт Альберти, находится в полном здравии, и пройдет немало лет, пока он уйдет в мир иной. И только тогда вы сможете унаследовать его величественный титул. А пока вам приходится лишь выполнять его наставления в отношении сотрудничества с моим отцом.

С этими словами она состроила напускное сочувствие, но ее глазки ехидно сверкнули в лучах апрельского солнца. Наслаждаясь временным замешательством виконта, синьорина шла с выражением лица победительницы.

Она решительно отказывалась представлять себе свое замужество и сейчас безумно радовалась, что это бремя в скором времени возьмет на себя ее сестра, помолвленная с генуэзским дворянином. А замужество Каролины немного подождет. Разумеется, в чем-то виконт прав – совсем скоро отец заговорит о помолвке. Только бы это «скоро» случилось хотя бы в следующем году...

Но, словно по велению юной прелестницы, ее помолвка не состоялась даже по прошествии трех долгих лет. Равно как и ее исправление в поведении. Каролина так и не смогла побороть в себе свою строптивость и покорно склонить голову перед судьбой покладистой и благонравной аристократки. Даже в прекрасные восемнадцать лет синьорины ее вероломство не переставало давать о себе знать, все чаще и чаще вдохновляя герцога на жесткие воспитательные меры.

Каролину безумно радовал тот факт, что мысли папеньки сейчас занимает ее чопорная и покладистая сестра: сначала ему пришлось разорвать помолвку Изольды с генуэзским синьором, поскольку для ее брака была выбрана партия куда выгоднее, чем простой местный дворянин – миланский кондотьер. Да и весьма запутанные государственные дела требовали от герцога, как и от многих других титулованных дворян, ряда значимых действий, направленных на укрепление позиций державы. Поэтому сейчас все мысли Лоренцо устремлялись на кипу разного рода забот, хотя поведение младшей дочери он не оставлял без внимания, время от вре-

мении беседа со своей супругой на этот счет.

– Патрисия, я схожу с ума от проделок этой девчонки! – кричал Лоренцо, поведав жене об очередной выходке Каролины. – Ей скоро восемнадцать, а она ведет себя, как двенадцатилетний мальчишка. Я был бы признателен, если бы ты попыталась на нее повлиять, – сказал возмущенно герцог и посмотрел на герцогиню да Верона. – Ведь опять, опять ее видели в окружении этих... мелких и ничтожных отпрысков нищеты, с которыми она стреляла из лука. Можешь себе представить? Я накажу ее... я запру ее в башне... я... я... – герцог едва не задыхался от гнева. – Я не могу быть больше таким мягким, Патрисия! Тебе известно, что мне не свойственно снисхождение в таких деликатных вопросах!

Будучи абсолютно спокойной и невозмутимой женщиной, в свои сорок четыре года Патрисия да Верона выглядела все так же свежо, как и в тридцать пять. Несмотря на столь долгий срок, проведенный в браке, герцог и сейчас замирал, глядя на стройный стан, миловидный взгляд, роскошные волосы, и готов был преклоняться перед ее красотой. Но сейчас она гордо смотрела на мужа голубыми, словно небо, глазами и молчала. Его возмущала собственная бесхарактерность перед супругой, которая почему-то стала проявляться в последние годы брака, но он не смог повысить на нее голос даже в таком серьезном вопросе как воспитание дочери.

– Вам же известно, ваша светлость, что Каролина очень своеобразный ребенок...

– В том-то и дело, Патрисия, что она уже не ребенок. Ты в ее возрасте уже была замужем за мной.

Патрисия опустила глаза, не желая погружаться в воспоминания о начале брачного пути.

– Полагаю, что Каролина еще не готова к замужеству.

– А что ее способно изменить, Патрисия, как полагаешь? Я же не могу велеть высечь ее, как непокорного слугу! Я ума не приложу, что с ней делать.

Герцог присел за туалетный столик жены и схватился за седую голову.

– Она позорит мое имя. Бегает в лесу с крестьянскими детьми, при этом неизвестно, в какие игры они играют. Стрельба из лука, кинжал... что там еще у нас было?

Патрисия глубоко вздохнула и присела на диванчик, расправив складки темно-синего бархатного платья.

– Но что же ты сделаешь, Лоренцо? – спросила она, отойдя от официального общения с супругом. – Закроешь ее в темном чулане и будешь ждать, когда она одумается и осознает свое поведение? Полагаю, что она и здесь придумает что-нибудь эдакое, что еще больше тебя расстроит.

– Если нужно будет, то закрою в чулане, выдам замуж или не знаю, не знаю... Высечь ее надо хорошенько! – озлобленно процедил сквозь зубы герцог. – По ее вине на меня показывают пальцем и говорят, что я потакаю крестьянам. А слухи... Бог мой, сколько сплетен вокруг!

– Для моего строгого мужа все еще поразительно поведе-

ние его неугомонной дочери, – с улыбкой произнесла Патрисия и подошла к Лоренцо, обнимая его. – Каролине и впрямь присущи темпераментные качества, не свойственные знатной дворянке. Но ее изменить сможет лишь время и жизнь. Хоть я и сомневаюсь, что упрямство, полученное ею в наследство от отца, позволит ей сломить себя.

Герцог прикоснулся губами к тоненькой кисти супруги. Он не знал, по каким рецептам она действует, дабы успокоить его вспыльчивое сердце, но в большинстве случаев ей удавалось это сделать.

– Отчего же Изольда совсем не такая, Патрисия? – словно прирученный теплотой ее руки, бродившей по его волосам, произнес он. – Ведь они получили абсолютно одинаковое воспитание. Да и в возрасте у них всего год разницы...

Патрисия промолчала, прекрасно понимая, что Изольда своим высокомерием, не позволяющим ей вести себя против правил этикета, тоже пошла в своего отца. Хоть герцогине и более симпатично простодушное поведение младшей дочери, она безоговорочно понимает, что позволять самовольства Каролине нельзя.

– Как только мы проведем свадьбу Изольды, я тут же подумаю о замужестве Каролины, – словно приговор, произнес герцог.

Герцогиня со страхом закрыла глаза. Она даже представить себе не могла, как можно такую вольную птичку, как Каролина, жестоко закупорить в этой жуткой клетке? Поче-

му-то смолоду женскую судьбу герцогиня так и называла – темной клеткой, обросшей ветвистым терновником, из которой нельзя выбраться, не изранившись. Но теперь, когда это коснулось Каролины, Патрисию одолел страх за младшую дочь, ведь, зная взбалмошность этой девчонки, она наверняка выкинет какой-нибудь невообразимый номер на собственной свадьбе.

– Поразительно, что по сей день ты так и не смог определиться с женихом Каролины, в то время как первая помолвка Изольды состоялась, когда ей едва стукнуло четырнадцать...

– Ох, герцогиня Патрисию... – когда герцог нервничал, он нередко переходил на положенное обращение к супруге, хотя и не любил отягощать официозом общение с семьей. – Первая помолвка была лишь результатом моей торопливости. И благо, что свадьба не состоялась! И потом, тебе ведь известно, как никому другому, что при отсутствии сыновей первой дочери отходит большая часть приданого: именно она является основной наследницей. Поэтому ее брак – наиболее выгодная сделка, которую мне пришлось тщательно обдумать...

Сердце герцогини дрогнуло, – муж уже давно не упрекал ее в неспособности родить ему сына. Однако после родов младшей дочери ей и вовсе не удалось забеременеть. Поначалу герцог, будучи еще горделивым любимцем женщин в расцвете лет, всячески истязал свою жену непрерывными порицаниями. Но ближе к шестидесяти пяти годам, когда

прежние силы и здоровье стали подводить Лоренцо, он все больше и больше дорожил вниманием милой супруги, ставшей ему утешением в самые трудные периоды его жизни.

– Мне понятны ваши стремления укрепить свою династию, герцог, – спокойно отвечала Патрисия. – Однако ваши колебания лишь на руку обеим дочерям. Не могу не признаться, что меня это радует – они дольше останутся в нашем доме.

Лоренцо лишь усмехнулся.

– О, Патрисия, избавь меня от сантиментов.

– Молю тебя, Лоренцо, позволь Каролине исправиться! – умоляющим голосом произнесла герцогиня, и это заставило герцога как-то с мягкостью на нее посмотреть.

– Хорошо, Патрисия, – вздохнул он, словно недовольный своей слабостью перед женой. – У нее будет время продемонстрировать свою покорность до свадьбы в Милане. Затем мне в обязательном порядке надобно устроить помолвку и ей. Полагаю, что виконт Альберти вполне сошел бы ей за мужа.

«Существуют вещи, которые нам не подвластны»

Родительское наказание в виде домашнего ареста несколько не расстраивало Каролину: она использовала этот момент себе во благо. Окунувшись с головой в роман «Фьяметта», отражающий, словно насквозь, любовь в женской душе, синьорина и не замечала времени, стремительно пролетавшего мимо ее увлеченного внимания.

«Любовь – вот что поистине должно занимать сердце женщины», – с восторгом думалось Каролине, пока чудесное издание захватывало ее трепещущую душу. «Чистота мыслей и высокая нравственность – вот что на самом деле должно беспокоить даму», – словно услышала она в ответ нравоучения своей кормилицы Паломы, занимавшейся ее воспитанием с самого рождения. И прочти она мысли своей воспитанницы, то непременно осадил бы в той все порхающие мечты своими приземленными фразами. Да-да, эта порой несносная мавританка просто выводила из себя занудством и скупостью на эмоции. Поэтому свои мечтания Каролина хранила в своем сердце, боясь проговориться об этом вслух.

Да и о каких чувствах можно говорить, если ей, Каролине, уже давно внушали мысли о том, что брак заключают как деловое соглашение, а любовь – лишь миф, созданный людьми? Причем, бедными людьми, не имеющими за своей

душой ни дуката приданого. И сейчас эта удивительная книга словно возносила ее в небеса от мысли, что красивые чувства когда-нибудь могут сразить и ее сердце.

Эти воздушные порхания в облаках прервало громыхание открывающейся двери, и Каролина подскочила, едва успев спрятать книгу под кровать. Каково же было ее удивление, когда на пороге своих покоев она увидела старшую сестру!

Приподнятый нос с горбинкой, уродовавший и без того некрасивое лицо Изольды, и гордый взгляд на строптивую младшую сестру так раздражали Каролину, что она едва сдерживалась, чтобы не всплеснуть эмоциями. В подобные мгновенья Изольда казалась еще более похожей на отца: густые черные брови сдвинулись, придавая непривлекательности и без того мужеподобным чертам ее худощавого лица, а сомкнутые губы словно пытались сдержать в себе вырывающийся на волю крик.

– Ты – жалкая плебейка... как ты смеешь вносить раздор в семью и расстраивать родителей?! – воскликнула недовольно Изольда, подойдя ближе к сестре и стараясь сохранять выражение лица благовоспитанной особы.

– Я – не плебейка! – воскликнула Каролина. – Я – такая же синьорина, как и ты!

– Не смей меня сравнивать с собой, ничтожество, – процедила сквозь зубы Изольда и тяжело вздохнула. – Но это ничего, вскоре я выйду замуж и, слава Иисусу Христу, твои проступки более не коснутся моих глаз.

Изольда томно вздохнула и с яростью посмотрела на сестру.

– Жду – не дождусь, – съехидничала Каролина и ответила той ехидным взглядом.

– Что ты так радуешься? – негодовала старшая сестра. – Ведь не за горами и разрешение твоей участи. И сдается мне, что ты настолько рассердила отца, что твоя помолвка состоится так же скоро.

Сердце Каролины дрогнуло при последних словах сестры, и она взволнованно опустила глаза. Но эта растерянность продолжалась всего несколько секунд, и она гордо подняла глаза на старшую сестру, окатив ее холодным и пронзительным взглядом, словно видела Изольду насквозь.

– Я выйду замуж только по любви! – твердо и спокойно промолвила она, словно пророчила свое будущее.

Ненавистная усмешка скривила тонкие губы Изольды.

– Ты хочешь сказать, что ты вообще никогда не выйдешь замуж? Или найдешь себе мужа из какой-нибудь крестьянской семьи и всю жизнь проживешь в невыразимой нищете, тяжело работая на какого-нибудь дворянина, может, даже на моего мужа, – последние слова похоже развеселили Изольду. – А затем отправишься в мир иной с тяжестью на сердце, что оставляешь своих детей одних проживать эту тяжелую, бессмысленную жизнь.

Эти слова и прозвучавший следом злорадный смех Изольды вызвали наплывшие на глаза Каролины слезы.

– Прочь! – закричала она. – Убирайся, иначе ты не доживешь до своей свадьбы!

– Что здесь происходит? – девушки обернулись на грозный голос матушки и притихли.

– Она угрожает мне, – пискляво пожаловалась Изольда, превратившись из разъяренного быка в кроткую овечку.

Каролина испуганно посмотрела на сестру и готова была воистину убить ее за предательство. Сколько они ни ругались, Каролина никогда не жаловалась родителям, что Изольда обижает ее. Патрисия строго посмотрела на дочерей.

– Изольда, поди к себе, – строго сказала она и посмотрела на взволнованную Каролину со слезами на глазах, которая готовилась уже слушать строгий, порицающий голос матери.

– Матушка, я не угрожала ей, – произнесла жалобно Каролина.

– Я все слышала, – спокойно промолвила Патрисия, и дочь заметила добрый блик в глазах матери. – Потерпи еще совсем немного, и тебе не придется более выслушивать от нее оскорблений, – произнесла она и присела на кровать.

В тот момент Патрисия казалась Каролине эльфом, озаряющим своим ярким светом все тусклое и серое вокруг. Юная синьорина присела рядом с мамой.

– Матушка, я не хочу замуж, – воскликнула она и легла на кровать, уткнувшись лицом в подушку, чтобы скрыть свои слезы.

– Мне понятны твои желания, дочь моя, – ответила герцогиня, едва сдерживая в себе подошедший ком к горлу. – Но существуют вещи, которые нам не подвластны. К тому же тебе нужно немедленно прекратить вести себя неподобающим для будущей герцогини образом. Отец очень рассержен твоим поведением, и он в самом деле намерен выдать тебя замуж. Оттянуть на какое-то время это замужество сможет лишь твоя покорность и достойное поведение.

В строгом голосе мамы Каролина смогла ухватить легкие нотки понимания и великодушия, что отчасти ее успокоило.

Каролина не знала, как двадцать семь лет назад Патрисия говорила своим родителям те же слова о нежеланном браке. Но ее отец даже не думал потакать дочери и насильно потащил ее к алтарю. Первые ночи своего замужества Патрисия провела тихонько плача под сопение удовлетворившего свои мужские потребности Лоренцо. И более всего юную французенку удручала разница в возрасте, стоявшая на пути взаимопонимания пары, – двадцать один год. Затем трудности в попытках забеременеть, когда супруг настойчиво требовал наследника, тяжелые роды. И когда она воспитывала Изольду, ее сердце предчувствовало, что девочка возьмет все черты отца, – не только внешние, но и внутренние. Возможно, это и не так скверно, – чтобы женщине выжить в этом жестоком мире, где она продается по количеству монет в приданом, нужно быть именно такой – жесткой, но покорной и покладистой.

И вот, словно озарение, в мрачной жизни Патрисии появилась на свет Каролина. В день ее рождения в первый месяц лета птичье пение и благоухающий аромат роз заполнили воздух во владениях да Верона. И то же самое творилось в душе Патрисии, когда она впервые увидела новорожденную младшую дочь. Солнечные лучики падали на маленький сверток в руках матери, и у нее создалось впечатление, что вокруг малышки засветилось яркое солнце, словно сам Господь благословлял ее на счастливую размеренную жизнь. И, невзирая на непослушание и шкодливое поведение Каролины с самого детства, Патрисия души не чаяла в младшей дочери.

– Матушка, а какой он? – тихий шепот дочери заставил Патрисию любопытно склонить голову.

Каролина улеглась на колени матери и нетерпеливо смотрела в ее ласковые глаза.

– Кто?

– Жених Изольды, – так же тихо говорила Каролина, а перед глазами возникал образ жениха ее кузины, которую дядя, даже не раздумывая, выдал замуж за сорокалетнего сицилийского пополана.

Каролину настолько поразил этот союз, что она долго после свадьбы кузины перед сном просто лежала и смотрела в потолок, представляя себе, как этот брак будет процветать лет через двадцать, когда попопан сгорбится, скрючится от старости и морщинистыми губами будет целовать свою

супругу по ночам. И хотя Каролина не имела ни малейшего представления о том, что происходит между мужчиной и женщиной в постели, ей только при этих мыслях становилось противно.

– Жених Изольды... – Патрисия видела его только на портрете, привезенным Лоренцо из Милана. – Он... очень приятный молодой человек. Отец говорил, что, кроме того, что Леонардо красив, он еще общителен и благоразумен...

– Вы думаете, она будет счастлива? – тихо спросила Каролина.

Патрисия не хотела уничтожать в душе Каролины надежду на возможное семейное счастье и с надеждой в голосе произнесла:

– Да, дорогая, вполне вероятно, что Изольда будет счастлива. Но семейное счастье во многом зависит от женщины, поскольку она является хранительницей семейного очага.

– Матушка Патрисия, неужели за все время замужества вы ни разу не чувствовали себя счастливой? – удивленно выдохнула Каролина, прекрасно понимавшая, что всю свою сознательную жизнь Патрисия с необычайной сдержанностью терпит эмоциональные всплески и чрезмерную жесткость мужа.

Это сейчас отец стал преклоняться перед изысканной французской красотой супруги – еще совсем недавно, когда Генуя находилась под властью французов, он ненавидел в ее лице всю нацию. Хотя порой эта ненависть скрывалась за не

менее противной лестью.

– Но отчего же, Каролина? – глаза женщины растерянно забегали по комнате, словно пытались найти ответ на вопрос дочери. – Твой отец всегда был внимателен ко мне и великодушен...

Каролина глубоко вздохнула и с сожалением сомкнула губы.

– Стало быть, семейного счастья вы не испытали, – задумчиво произнесла она.

– Я была счастлива, когда родила вас, – произнесла Патрисия и с ожиданием посмотрела на дочь, но Каролина безнадежно покачала головой.

– Нет, матушка, вы не испытали настоящего счастья, когда женщина влюблена и по-настоящему любима.

– Прости, милая, а что означает «по-настоящему»? – с улыбкой спросила Патрисия.

Каролина вскочила с кровати, глубоко вздохнула, радуясь, что может с матерью так откровенно поговорить, и воодушевленно произнесла:

– Когда ты чувствуешь, что не можешь ни минуты провести без любимого человека, и он стремится к тебе всякий раз, когда ваша разлука длится всего несколько мгновений, но они кажутся вам вечностью. Когда ты не чувствуешь себя одинокой рядом с ним, и ваши сердца стучат в унисон во время разлуки. Когда мысли друг друга вам так легко удаются заветь поступками, услащающими ваши души. Ох, это

когда... когда... когда...

– Откуда тебе это известно? – выдохнула Патрисия и тут же смолкла.

Она с тревогой и в то же время восхищением смотрела, как Каролина исполняла все описанные ею движения, и последняя фраза сошла с ее уст столь взволнованно и столь искренне, что слезы, наполняющие небесно-голубые глаза Патрисии, засверкали в ярком свете зажженных свечей. Нет! Каролина не сможет смириться с волей отца и принять женскую судьбу как должное! Эти мысли вызывали в Патрисии нотки ужаса: страшно подумать, что младшая дочь может предпринять во имя своего счастья.

Герцог да Верона восседал в своем огромном кресле за дубовым столом в ожидании виконта Джованни Альберти, изучая бумаги для свадебного контракта.

В преддверии свадьбы Изольды с кондотьером Брандини Лоренцо заботился не только о предстоящем торжестве, но и о том, чтобы выгодный союз с миланским вельможей благоприятно отразился на делах, как его личных, так и государственных. Знатность рода Брандини, безмерное состояние и радужное будущее Леонардо, которое ему сулила карьера военачальника, помогут не только в развитии владений да Верона. Лоренцо возлагал надежды и на вклады миланцев в развитие Генуи, Дож и сенат которой очень даже приветствовали такое объединение сил: оно пророчило но-

вые положительные события в политике и торговле. Именно для того, чтобы осуществить свой, хотя и не очень значительный вклад в развитие страны, Лоренцо тщательно отбирал жениха для старшей дочери.

И в попытках добиться расположения миланского общества ему пришлось изрядно постараться. Хотя герцог да Верона не относился к тем представителям дворянства, которые привыкли лебезить и разбиваться в лепешку для того, чтобы добиться признания нужных людей, он все же прекрасно понимал серьезность политической и экономической ситуации, которая сгустилась сейчас над Генуей, подобно грозовому облаку.

Достигнув господства на важных торговых точках Адриатического и Средиземного морей, Генуя Великолепная прославилась как могущественная держава в Западной Европе – с развитым мануфактурным производством и рядом преимущественных позиций в экономике. Именно поэтому она подвергалась неоднократному нападению со стороны соседних держав.

А несколько лет назад ей довелось пережить политическую зависимость от Франции, которая оставила свой отпечаток на развитии государства. Так или иначе, Генуя высвободилась от этой зависимости, как нищий в оборванных лохмотьях, пытаясь приодеться в привычные шелка и меха. В течение последних десяти лет власть державы упорно занималась восстановлением «покусанного» мануфактурного про-

изводства и обглоданных французами фабрик.

Персона Лоренцо да Верона обрастала завистью многих генуэзских вельмож – его производство не просто оказалось нетронутым в тяжелый период господства Франции, но и находилось на стадии расцвета и прибыльности. И все дело в родственных корнях, которые связывали герцога с французскими дворянами – Патрисия являлась француженкой, и ее дядя, весьма представительный человек в высшем обществе Франции, побеспокоился о том, чтобы торговый союз с Лоренцо был продуктивным для обеих сторон. Этими связями и пользовались многие сторонники герцога да Верона, в числе которых был и сам Дож. Остальных же бесило превосходство герцога – он одна из тех немногих личностей, умеющих талантливо выкарабкиваться из самых затруднительных ситуаций.

Нужно отметить, что именно благодаря недюжинным способностям Лоренцо вести дела, его предприимчивости и гибкому разуму, многие генуэзские аристократы закрывали глаза на скупость и резкий характер герцога и с радостью имели с ним дело. Все, кто сотрудничал с ним, имели возможность поднять развитие своего производства и обеспечить себя стабильным достатком.

Так или иначе, пережив господство Франции, Генуя ощутила, как над ней сгустились облака новой угрозы, – в обществе время от времени вспыхивали слухи о территориальных претензиях Миланского герцогства к государству. Это

могло стать поводом для нового конфликта и неудачи республики: не окрепнув должным образом после французского вмешательства, Генуя рисковала быть окончательно раздробленной. Такая угроза заставляла представителей генуэзской власти быть предусмотрительными в выборе партнеров. Именно поэтому контракты между Миланом и Генуей могли стать спасательным кругом для утопающего государства – выгодное сотрудничество на четко оговоренных в договоре условиях помогло бы исключить возможный конфликт и зависимость одной страны от другой.

Явившись в предместье, расположенное к востоку от городских стен Генуи, Джованни сразу направился к герцогу, как только смог получить сведения о работе торговых точек в городе.

Лоренцо имел честь работать совместно с дядей виконта – Самуэлем Альберти, который скончался во время эпидемии чумы еще при французах. Дружба с ним и плодотворные совместные дела открыли новые возможности для сотрудничества с отцом Джованни – графом Альберти, имевшим в своей власти часть судов, размещенных в городском порту. Назначив старшего сына поверенным в делах с герцогом, граф Сальватор Альберти довольствовался прибылью, которую приносил этот выгодный союз.

– Ваша светлость, – виконт отдал честь Лоренцо и после его приглашения присел в кресло напротив герцога.

– Что там слышно, Джованни? – спросил задумчиво гер-

цог и посмотрел на Альберти.

– Извольте не принимать за дерзость вступление моей речи со сплетен, которыми бурлит город.

Герцог удивленно приподнял брови.

– И о чем судачит наше неугомонное общество?

– В городе ходят слухи о том, что Миланское герцогство намеревается захватить власть в Генуе. Сенатор Бертоли утверждает, что вы вовремя решились на сближение с этой страной.

– Пусть еще назовет меня предателем, – резко возмутился Лоренцо.

– Но ведь брак синьорины Изольды с миланским кондотьером был заранее одобрен нашим Дожем, правильно я понимаю? – поинтересовался Альберти.

– Сейчас любые международные контракты должны заключаться только с согласия правительства, – монотонно произнес герцог. – Что еще говорят?

– Говорят, что это напрасная трата времени, а мы, напротив, рискуем попасть в лапы самому зверю.

– Мерзкое общество! – выругался Лоренцо. – Люди разносят сплетни и не стыдятся их абсурдности! О миланском заговоре говорят уже не первый год, Джованни, поэтому об этом можно не переживать. К тому же не один я выдаю свою дочь за миланского синьора – сейчас наша политика полностью направлена на заключение выгодных союзов с их дворянами, дабы объединить наши цели и направить силы на

развитие экономики обеих стран.

Виконт криво улыбнулся, восхищаясь уверенностью да Верона, звучавшей в каждом его слове. Герцог прекрасно понимал, что совместная деятельность с миланской династией Брандини позволит ему значительно укрепить свои владения и поднять вверх планку влияния в Европе, и вместе смогут поспособствовать развитию кораблестроения, судостроения и торгово-экономических отношений как в Генуе, так и в Миланском герцогстве.

– Ваша светлость, позвольте заметить, что не всегда слухи являются сплетнями. Можно предположить, на самом деле они берут начало с устья правды, – Альберти не боялся высказать свое мнение перед Лоренцо и прекрасно знал, что герцог, во многом благодаря этому, ценит его общество.

– Что ж, время покажет, Джованни. Время покажет. Тем не менее я не ощущаю предательских намерений со стороны миланцев. Они, как правило, грамотные и дипломатичные люди, стремящиеся, как и мы, решать дела цивилизованным путем. Это не проклятые венецианцы, – с этими словами лицо герцога исказилось в гневной гримасе.

Да, при всех неприятностях Генуи, ее заклятым соперником и вечным врагом оставалась Венеция. Несмотря на то, что и культурное развитие, и торговля, и промышленное производство в обеих странах развивались преимущественно в одном направлении, обеих держав связывали не успешное сотрудничество, а долгие и утомительные годы крово-

пролитных войн. В частности, их интересовала одна цель – выгодные торговые пути в Средиземном и Черном морях.

После последней войны за торговый город Кьоджа между странами был заключен мирный договор, который в представителях обеих держав сохранял сомнения по поводу его соблюдения. Все эти причины, подрывавшие развитие Генуэзской республики и ее положение на международной арене, призывали державу искать поддержки у соседних стран, а нередко – и у собственных врагов.

Что касается Лоренцо да Верона, то последствия поражения войск его отца в последней битве с Венецией привели к тому, что их герцогскую светлость лишили командования военным арсеналом, оставив в распоряжении купечество и земледелие, что, кстати, получалось у династии ДиакOMETTI куда лучше.

– Ваша светлость, – виконт подозрительно прокашлялся, словно пытался обратить особое внимание на его слова, – а синьорина Каролина? Вы так же намереваетесь отдать ее замуж за иноземца?

Лоренцо прекрасно знал, что Джованни давно претендует на руку и сердце его младшей дочери, однако, обсуждать это он пока не намеревался.

– Брак Каролины будет обсуждаться несколько позднее, – спокойно констатировал он. – Сейчас надобно выдать замуж старшую дочь. Покончу с этой свадьбой, вполне вероятно, что возьмусь и за вторую.

По интонации да Верона Джованни Альберти четко понял, что тот не намерен сейчас заводить разговор о Каролине. Но ему так не терпелось попросить ее руки, скрепив отношения с герцогом этой помолвкой!

«Все женские несчастья исходят от мужчин...»

Каролина подошла к туалетному столику, решив привести себя в порядок, и посмотрела в зеркало на свои покрасневшие и проваленные в отеки глаза. «Как с креста сняли», – она задумчиво закусила губу. Каким страстным занятием не являлось бы чтение, так неважно выглядеть даме не годится! Приблизительно с этими упреками наверняка сейчас набросится на нее любимая мавританка, на которую возлагались обязанности особой заботы о юной синьорине. Но это все пустые порицания, занудство и прочая ерунда, не способные остановить Каролину на пути к цели, уже ставшей частью ее жизни.

Синьорина только и успела присесть за туалетный столик, как тут же в спальню вбежала перепуганная кормилица Паломы с раскрасневшимся и растрепанными седыми волосами.

– О-о, синьорина Каролина, – извиняющимся голосом проговорила она, подбегая к хозяйке с расческой в смуглых, полных руках, – я совсем о вас забыла. Сейчас причешу вас... Ваше платье уже готово, сию минуту принесу, – и впопыхах кормилица бросилась назад к дверям.

– О! Умоляю тебя не изводись спешкой! – услышала кормилица вальяжный голос хозяйки и с возмущением оберну-

лась к ней.

– Как это... что означает «не спешить»? Извольте поторопиться, ваша милость, иначе не сносить мне этой... посевшей от ваших выходов головы. Что... – На секунду опешив, кормилица подошла ближе к госпоже, разглядывая ее лицо. – Боже милостивый, вы что, плакали этой ночью?

– О, да! – с напускной грустью ответила Каролина, тут же лениво зевая и потирая глаза. – Я буду тосковать по своей сестре, Палома...

Кормилица лишь устала руки в боки, на самом деле поверив в слова госпожи.

– Кто бы мог подумать, синьорина, что вы забеспокоитесь не на шутку! Теперь вот мне нужно целое море холодной воды, чтобы привести ваше лицо в должный вид.

– Ох, Палома, брачная церемония еще нескоро, – Каролина сладко зевнула, лениво прикрывая рот маленькой белоснежной ручкой. – Успеется.

Та даже не стала тратить время на то, чтобы слушать хозяйку, – слишком живо нужно было собраться и привести в полный порядок ленивую соню. Поэтому под ворчание своей госпожи она бегала по комнате, укладывая все необходимые вещи в коробки.

Облачившись в платье нежно-смарагдового цвета, Каролина посмотрелась в напольное зеркало, охватывающее ее во весь рост. Новые времена, наставшие в Европе, позволяли моде пестрить многообразием ярко выраженных элементов

одежды. Синьорна приходила в восторг от нового шедевра, сшитого для нее лучшими швеями Генуи: модель создана из тяжелого шелка смарагдового цвета, расшитого цветастыми узорами из золоченых нитей. Тяжелые широкие рукава, низко спадающие едва ли не к самому полу, придавали платью больше изящества и грациозности. Множественные драпировки на лифе и пышная юбка делали образ Каролины более женственным, придавая ей некой знатной величественности. А драгоценные камни, украшающие платье, сверкали в лучах утреннего солнца, облачая прелестную синьорину в роскошную элегантность.

Каролина повернулась к зеркалу боком и оценила легкий струящийся шлейф, собранный от талии и мягко спадающий к полу.

– Палома, зачем здесь корсет? – капризно поморщилась она, чувствуя, как он бездушно впивается ей в ребра. – Он ведь выходит из моды...

– Ох, синьорина, много вы знаете, я смотрю, о моде, – весело пропела Палома, поправляя складки на платье Каролины. – Бесспорно, корсет доживает свои последние дни. Но в нашей, генуэзской, моде он пока существует. Так что сегодня вам следует его поносить, моя дорогая.

Кормилица с восхищением наблюдала за хозяйкой, – девчонка не так давно была капризным, хоть и сообразительным ребенком. А сейчас она превратилась в статную даму, ослепляющую своей красотой, словно переливающийся в солнеч-

ных лучах алмаз.

– Зато теперь дамы понемногу заголяют свою грудь, – произнесла сама себе с улыбкой Каролина, рассматривая в зеркале свое отражение.

– Ох, синьорина, вы же на выданье: вам негоже светить своими прелестями, – сердито буркнула Палома и расправила складки на груди Каролины, чтобы они хоть немного поднялись кверху и скрыли легкий треугольный вырез.

– О Боже Всемилостивый! Палома, что ты поправляешь? – Каролина откинула ее руку. – Там до декольте еще целая миля.

Кормилица только заливисто рассмеялась и принялась снова прихорашивать свою капризную госпожу.

– Палома, я недовольна прической, – пожаловалась Каролина, пытаясь поправить руками заколотые кормилицей локоны, мягко спадающие с тоненьких плеч.

– Разве можно быть красивее невесты, синьорина? – возмутилась та, весело всплеснув руками.

– Несомненно, Палома! – Каролина нахмурила тоненькие брови и возмущенно посмотрела на свою кормилицу. – Изольде уже можно не прихорашиваться – она одной ногой замужем. А я хотела бы пригляднуться мужчине, который не просто заключит сделку с моим отцом, но и полюбит меня. Поэтому я должна быть еще красивее невесты!

Это прозвучало капризно и возмущенно. Палома улыбнулась, пряча свой взгляд от молодой госпожи. Каролина с

детства мечтает о принце, который похитит ее из владений строгого отца, управляющего судьбой дочери, и эта наивная мечта до сих пор не угасла в ее душе.

Потускневшие карие глаза Паломы, сияющие некогда кокетливым блеском и озорством, сохраняли в ее морщинах закоренелое разочарование женщины, пережившей на своем веку много трудностей и невзгод. В свои пятьдесят шесть лет Палома Доньо выглядела на все шестьдесят пять, а ее жизнь можно было прочесть по каждому седому волосу на ее голове.

И хотя она не желала с кем-либо говорить о болях, скрывающихся в беспокойном сердце, большая часть обитателей палатца да Верона знали, что кормилица младшей синьорины перенесла в своей жизни множество потерь, начиная с пятнадцати лет, когда ее привезли в Геную и продали в рабыни местному пополану, издевавшемуся над своими подданными.

Через десять лет она родила дочь от конюха, насильно овладевшего ею. Господин не позволил Паломе оставить девочку у себя, ссылаясь на лишний рот и дополнительные бессмысленные растраты. Поэтому бедной женщине тут же пришлось отдать малышку в женский монастырь святого Франциска, где о девочке обещали позаботиться. И как раз в этот момент герцогине да Верона потребовалась служанка, которая смогла бы стать кормилицей для ее младшей дочери.

Выкупив Палому у ее хозяина, герцог и подумать не мог,

насколько осчастливит несчастную. Та нянчилась с синьоринной Каролиной, словно с собственным чадом, вкладывая всю материнскую любовь и заботу в эту девочку, излучавшую вокруг себя какой-то дивный ореол.

Как правило, герцог и герцогиня окружали себя и своих детей подданными из местных обедневших дворян, сведущих в этике и воспитании. Однако, наблюдая за лаской и заботой этой женщины, кормившей своим молоком их младшую дочь, Патрисия и Лоренцо сделали вывод, что никто лучше с этой ролью не справится. Потому и оставили Каролину под опекой няньки Паломы до самого ее замужества.

Именно эти воспоминания прокрались в мысли кормилицы, пока она прихорашивала названную дочь. Поправив по велению Каролины прическу, кормилица надела ей изумрудное украшение и с восхищением посмотрела на отражение юной синьорины в зеркале, отступив от нее. Перед ней стояла не озорная девчонка с игривым взглядом, а дама, слепящая своим великолепием и превосходством.

Проходя мимо опочивальни сестры, Каролина все же заставила себя остановиться возле распахнутой двери. Изольда стояла посреди комнаты, вокруг нее крутилась дюжина служанок, вносящая последние штрихи в праздничный наряд.

С момента ссоры сестрам так и не пришлось пообщаться – тому помехой стала девичья гордыня. Но как же Каролине хотелось сейчас подойти к Изольде, забыть все недоразумения и помириться... Ведь после торжества не известно, ко-

гда они увидятся в следующий раз.

Она шагнула в комнату, служанки взглянули на нее и в изумлении расступились. Вокруг воцарилась тишина. Красота Каролины настолько очевидно затмевала стоящую напротив невесту, что никто не решался произнести и слова комплимента в адрес младшей синьорины.

Изольда же одарила Каролину надменным взглядом и, вздернув носик, осмотрела блистающую сестру. Продолжая сохранять гордое молчание, она пронзала ту глазами завистливой, надменной женщины, тщательно старавшейся скрыть свои чувства ущемленного женского достоинства.

Уста обеих дам сковало красноречивое молчание, а прислуга лишь ожидала окончания это звенящей тишины.

Огорчение превосходством Каролины, блиставшей непривычными для генуэзцев утонченными чертами лица, настолько очевидно выдавало Изольду, что младшую синьорину это задевало за живое. Даже нежный образ невесты, создаваемый для Изольды иноземными мастерами, не придавал должной женственности ее грубому лицу. Но в своих стараниях преобразить госпожу виделись и успехи: ей сделали элегантную прическу с ниспадающими на плечи локонами. Нежные жемчужины, украшавшие платье и волосы, придавали мягкой кротости угловатым чертам ее лица.

Каролина не могла не оценить и платья, ставшего изящным результатом кропотливой работы флорентийских портных: из бежевого атласа, с потрясающими кружевными

вставками и рашитыми цветами по всей ткани. Невзирая на грубость внешних черт, сегодня Изольда выглядела невероятно мило и девственно.

– Здравствуй, Изольда, – в голосе Каролины слышалась робость, словно она боялась начинать беседу с сестрой. – С твоего позволения, я хотела бы с тобой побеседовать.

– Не думаю, что это подходящий момент, – та отвела глаза и принялась осматривать свое отражение в зеркале. – Как видишь, меня занимают более важные дела, чем пустая болтовня.

– Мои поздравления, – промолвила Каролина, расстроенная грубостью Изольды, и направилась к дверям.

– Скоро и я поздравлю тебя, – старшая сестра посмотрела ей вслед испепеляющим взглядом.

Ощувив попытку уколоть ее, Каролина остановилась и с улыбкой посмотрела на Изольду.

– Полагаю, милая сестра, что вскоре тебе предстоит убедиться в истинности моих слов: я буду счастлива в браке. Питаю искренние надежды, что и тебе предстоит испытать счастье, – слова Каролины завершил злорадный смех Изольды, после чего младшая синьорина лишь исчезла за дверями сестринских покоев.

– Синьорина, вы непревзойденны! – воскликнула тетушка Матильда и бросилась с объятиями к своей младшей племяннице.

– Благодарю за комплимент, моя дорогая тетушка, – с непривычной для себя мягкостью ответила Каролина, едва охватывая в объятиях пышные плечи своей родственницы.

– Да, моя дорогая, – продолжала изумляться Матильда, прижимая к груди свой веер, – ты совсем повзрослела. Поразительно изысканная дама!

– О-о, тетушка Матильда, – с усмешкой тихо ответила Каролина, – вы же знаете, что это всего лишь на один день.

Их звонкий смех, неподобающий для общественности, привлек особое внимание генуэзских дамочек, бросивших осуждающий взгляд на молодую синьорину. Но Каролина прекрасно знала, что рядом с тетей она может себе позволить немного самовольства, и поэтому откровенно проигнорировала чопорность местной знати.

Она просто обожала Матильду за ее прямолинейность, неисчерпаемый оптимизм и потрясающее чувство юмора, сумевшие сохранить в душе женщины безмерную любовь к жизни. Даже одиночество, которое последние лет пятнадцать сопровождало тетушку, словно конвой, не сломило ее сильное сердце.

Невозможность иметь детей окончательно подписала приговор Матильде на тоскливую жизнь: после смерти мужа она осталась совсем одна. Именно поэтому Каролине крайне хотелось скрасить ее будничные дни всеми возможными способами, и девушке казалось, что ей это подвластно. Однако видеться им приходилось крайне редко: Матильда в свое

время предпочла прожить во Флоренции и лишь изредка навещала палаццо да Верона.

Но сочувствие Каролины Матильда считала беспочвенным. Она с искренностью дарила свою любовь всем шестерым племянникам – родным и двоюродным, – время от времени навещая братьев. Сама Каролина нередко изумлялась веселым искоркам молодости и оживления, излучающейся от тетушки способностью пробудить даже в злостном зануде умение радоваться жизни.

– Как поживает горячий крестьянский парень Маттео? – снизив тон до шепота, спросила Матильда, неустанно махая веером перед своим лицом, и вопросительно приподняла правую бровь.

С самого детства Каролина доверяла тете свои самые сокровенные тайны, поэтому о крестьянских друзьях Матильда знала прекрасно. Правда, она постоянно акцентировала внимание на том, что Маттео влюблен в Каролину еще с тех пор, как покойный герцог Фабио да Верона отправился в мир иной и семья Лоренцо переехала в этот самый палаццо. А тогда Каролине стукнуло всего десять лет. Родители крестьянского мальчика прислуживали во дворе да Верона, поэтому он мог довольно часто лицезреть задорную девчонку.

Матильда нередко говорила Каролине, что влюбленность в юном возрасте Маттео – вполне очевидное явление, что, впрочем, ее не удивляло – эта девчонка сведет с ума кого угодно. Однако ее изумляла реакция Каролины: создава-

лось впечатление, что и сейчас она совсем не интересовалась мужчинами. На все реплики и шутки в отношении влюбленности Маттео юная синьорина только краснела и отводила глаза. Ей не хотелось верить в это – ведь, по ее мнению, он мог быть ей только другом. Невзирая на достоинства, которыми он обладал, Каролина не рассматривала Маттео как мужчину. Да о чем можно говорить, если она – знатная аристократка, а он – обычный крестьянин?

– Ох, дорогая тетушка, вы не меняетесь, – рассмеялась Каролина. – Меня волнует вопрос поважнее: отчего вы, такая молодая кокетка, до сих пор не определились со спутником жизни?

За эти слова Матильда наградила племянницу возмущенным взглядом.

– Еще чего?! Каролина, ты совсем сошла с ума? – весело воскликнула она. – Зачем привлекать бедствия на свою голову? Все женские несчастья исходят от мужчин, поэтому при первой же возможности даме следует планировать свою жизнь так, чтобы оградить себя от мужского вмешательства. Я ведь жить начала лишь после того... после того, как похоронила своего Даниэля... – казалось, что Матильда сейчас всплакнет от воспоминаний, но хитрая улыбка, проскользнувшая на устах после секунды грусти, растворила надежды на сантименты. – А ты, племянница, надумала меня снова закупорить в эту темницу?

– Ты чему это учишь мою дочь? – строгий голос Лоренцо

заставил Матильду смущенно сомкнуть губы.

– О-о, братец, – воскликнула с упреком Матильда и толкнула его в бок, – это ты, старый чурбан, можешь научить не тому, что хотелось бы услышать молодой девушке.

Лоренцо со смехом обнял сестру и произнес:

– Если я – старый чурбан, то что можно сказать о тебе, как о старшей сестре?

– Помилуйте... – с напускным недовольством ответила Матильда. – Я старше тебя всего на год! И еще невероятно молода и полна сил, братец. Жизнь вертится вокруг меня, насыщая полотно моего сердца всеми возможными красками. И сейчас я чувствую себя вполне счастливой. Гораздо счастливее тебя, позволь заметить.

Каролина старалась не прислушиваться к недовольствам отца, произнесенным в адрес тети Матильды, вроде того, что «Не говори лишнего Каролине, она и без того непокорна», или «Не нужно настраивать девочку против мужчин, ее замужество для меня – весьма деликатная тема». А сейчас он даже попросил сестру благотворно повлиять на строптивость Каролины. И юной даме пришлось по душе тетушкин ответ:

– Позвольте, ваша светлость, я непременно проведу воспитательную беседу с юной синьориной.

А как только Лоренцо отошел от нее, Матильда вслед ему буркнула:

– Еще чего... убеждать мою любимую племянницу выйти

за какого-нибудь богатого наглеца, чтобы он издевался над ее невинной душой...

Хотелось добавить «да и телом», но, бегло взглянув на племянницу, синьора Гумачча решила пощадить невинный юный разум.

С легким волнением в ожидании свадебной церемонии Каролина потеряла вспотевшие ладони. Что заставляет ее нервничать, она не понимала. То ли ей не терпелось увидеть и оценить жениха Изольды, то ли блистать своим великолепием перед гостями и слушать в свой адрес комплименты, то ли знакомиться с кавалерами в поисках любви, – она терялась перед выбором возможностей. Безусловно, синьорина прекрасно понимала, что ее красота заставляет многих оборачиваться и смотреть ей вслед. Но раз уж отец решил подобрать ей кандидатуру в мужа, сегодня она попытается выбрать ее сама, применив весь шарм и очарование к избранному ею мужчине. Если, разумеется, таковой найдется.

В то время, как Каролина задумчиво всматривалась в толпу приглашенных гостей, время от времени отвлекаясь на разговоры с тетушкой, за ней с таинственным видом наблюдал виконт Альберти, подошедший во дворец, дабы поздравить молодую чету с бракосочетанием.

Несомненно, Джованни не мог оставить без внимания даму, которая затмевала его жизнь своей неподражаемой красотой. Он любил красивых женщин. А в Каролине сочетался

лась гремучая смесь французской и гемуэзской крови, что превосходно отражалось на ее внешних данных. Именно о такой супруге и мечтал Джованни – блистательной и несравненной, полной аристократического превосходства и волнующей нежности в ангельских чертах лица. Но Альберти, в отличие от многих присутствующих гостей, умилявшихся красотой юной дамы, прекрасно знал, что за этим кротким личиком скрывается облик пакостного чертенка. Его это отнюдь не пугало – он талантливо умел укротить многих строптивых подданных, а хрупкой женщине его жесткость и по-давно не по силам.

– Мое почтение, синьорина, – произнес Джованни, почти-тельно склонивший голову перед Каролиной, тут же касаясь устами ее маленькой ручки.

Она нехотя присела в реверансе и натянула улыбку до ушей, чувствуя, как это лицемерие щекочет ей щечки.

– Виконт Альберти... И вы порадовали нас своим присутствием...

Каролина на дух не выносила этого герцогского прихвостня. В то же время она любила своего отца, но ей разрывала сердце присущая его нраву жестокость. Именно это и сумел перехватить от него Джованни, что отнюдь не красило этого самодовольного юнца.

Каролина напрочь отказывалась относиться к нему как к мужчине. А милovidные, едва ли не женские черты его лица заставляли ее внутренне кривить душой при попытках Джо-

ванни в очередной раз угодить ей или герцогу да Верона. В этом ощущалось нечто противно-льстивое, отчего ей хотелось тут же подавить в себе рвотный рефлекс. Но все же Каролине удавалось сохранять внешнее спокойствие, тактично, но холодно отвечая виконту на его расспросы и комплименты.

– Если бы вы, синьорина, посетили небо в виде звезды, то смогли бы затмить своим светом даже луну, – произнес с улыбкой Джованни, и его ярко-алые губы, словно покрашенные кармином, расплылись в улыбке.

– Благодарю, виконт, за столь прекрасные слова, – улыбнулась девушка и отвела взгляд в сторону. – Вы, как всегда, красноречивы...

– Вы заслуживаете еще больше слов восхищения, ибо ваша красота ослепительна, – продолжал виконт. – Сегодня вы об этом будете слышать достаточно часто...

– Я постараюсь выдержать этот поток восхищения, – с иронией в голосе произнесла Каролина. – Еще раз благодарю вас, виконт.

Альберти только увидел, как ее платье растворилось в толпе приглашенных гостей. И его не менее восхищала эта способность перевоплощаться из строптивой девчонки в элегантную даму. Джованни уверял себя, что если их союз состоится, он сможет подчинить ее себе, превратив в кроткую супругу, какой и должна быть женщина. Однако, для этого ему еще предстоял разговор с герцогом.

Свадьба Изольды и Леонардо включала в себя несколько церемоний, отражавших культурные ценности как миланского, так и генуэзского народа. Помимо этого, брачный контракт подлежал оглашению правительством каждой республики, именно поэтому торжество обеих династий планировалось провести на территории как Генуи, так и Милана.

Луко Брандини и Лоренцо да Верона поручили организовать каждую часть свадебной церемонии в соответствии с традициями и предпочтениями своего народа. И в связи с тем, что торжество включало в себя выполнение нескольких мероприятий, его празднование растянулось на несколько дней.

Патрисия, которой позволено было вникать в дела лишь поверхностно, и то с позволения супруга, прекрасно понимала, что количество гостей определялось Лоренцо и Луко совместно. Но скупость мужа не позволяла пригласить родственников по ее линии из Франции, а также многих генуэзских друзей и соратников. Лоренцо посчитал нужным пригласить только тех, кто может оказаться для него полезным – несколько знатных семей Генуи и самого Дожа, хотя тот тактично отказался, сославшись на неотложные дела.

Джованни Альберти он поручил управлять поместьем и фабриками в свое отсутствие. Хотя, по мнению Патрисии, выслать приглашения их обязывали длительные отношения виконта и его отца, графа Альберти. Тем более, если муж

намерен вести разговоры о союзе двух знатных семей. По ее мудрому совету, Лоренцо настаивал на присутствии обеих персон на свадьбе. Однако даже после приглашения, виконт все же отказался присутствовать на церемонии в Милане, поскольку знал, что в его присутствии больше нуждаются в родной республике.

Первую церемонию проводили на территории Генуи. По свадебному обряду жених обязывался приехать во владения своей невесты, и только после получения благословения на брак новобрачные в присутствии всех гостей подписывали контракт. Затем в сопровождении гостей и родственников жених отправлялся в резиденцию Дожа для оглашения договора, который, по обычаю, должен быть признанным в обеих державах.

Патрисия с удовольствием отмечала, что герцогу все же удалось совладать с присущей для него скупостью в нужный для себя момент. Лоренцо не мог не проявить своего радушия, а точнее – похвастать собственной состоятельностью, и устроил в своих владениях роскошный праздник. И пусть он выглядел несколько демонстративно, все же Каролина отметила про себя довольство, читавшееся на лицах четы Брандини, и всей миланской свиты, прибывшей с ней в Геную.

При появлении на пороге их владений Леонардо Брандини Каролина отметила статность молодого кондотьера. Темно-карие глаза Леонардо отражали внутреннюю мужественность, не напрасно казавшуюся окружающим его главным

достоинством. Его твердая уверенность в себе ощущалась в каждом шаге, с гордостью пройденном им в сторону будущей супруги.

И пока стан Леонардо грациозно «проплывал» сквозь толпу приглашенных, в глазах женщин, устремленных на него, загорался кокетливый огонек. Бесспорно, этот кавалер относился к той категории мужчин, которые умели гордиться своей внешностью и хорохорились при одном только взгляде в их сторону. И большинство дам отмечали его поразительную привлекательность.

– Ничего себе! Выдала, какого наша Изольда муженька себе отхватила?! – в полголоса удивилась тетушка Матильда, помахивая перед лицом огромным веером.

Каролина тихонько хихикнула и бросила взгляд в сторону сестры, ожидающей своего супруга в центре зала. Любопытно, а Изольде он понравится? Хотя, кого из присутствующих это волнует? Герцога да Верона, который имеет особую выгодную договоренность со сватом Брандини? Или, быть может, миланского синьора, который получит ценные подарки от морского флота Генуи после заключения брака между Изольдой и Леонардо? Несомненно, все понимали, что этот брак – выгодная финансовая сделка двух держав, а молодые – всего лишь пешки в руках могучих держав – Генуи и Милана.

По этой причине в глазах Каролины свадьба виделась наигранным и противным глазу спектаклем с беспощадным

для его героев сценарием. Однако она с радостью для себя отмечала, что спектакль этот стоил того, чтобы стать его зрителем. Что можно поделать с жизненными укладами? Ничего.

И кажется, что Изольда и Леонардо достойно принимали свою судьбу. В глазах жениха и невесты гости могли заметить одно подлинное чувство – чувство долга. Более глубоко окунуться в истинное положение дел было сложно: все затмевал внешний пафос и театральность брачной церемонии.

Каролина согласилась с тем, что старшей сестре необычайно повезло – мужественная красота Леонардо могла бы стать поводом Изольде со временем полюбить его. Статность воина, его молодость и великодушие наверняка запали в душу Изольде, и она сможет прожить счастливую семейную жизнь с мужем. Каролина помнила слова матушки, что Леонардо Брандини молод и жизнерадостен, но во взгляде кондотьера читалась некая удрученность. Возможно, именно она и является следствием того разочарования, которое настигает мужчину при взгляде на женщину, которую он и близко не видит своей супругой.

Нет, Изольда не удосужилась подарить жениху долгожданную улыбку, которая озаряла ее скучное лицо подобно солнцу в зимние холода. Ее покорный поклон в реверансе, скорее, походил на необходимую тактичность, чем на радушное приветствие. Но по глазам сестры Каролине удалось понять, что жених ей пришелся по нраву.

Перстень, поднесенный во время второй свадебной церемонии, вызвал волну восхищенного восклицания, прошедшего по толпе. Каролина удивленно открыла глаза, когда увидела перстень с огромным бриллиантом-солитером, торжественно врученным Леонардо своей супруге в знак верности.

Отвлечшись от наблюдения за церемонией, Лоренцо посмотрел на профиль дочери, мечтательно следящей за молодоженами. Он невольно улыбнулся и тут же остановил свой взор на супруге, стоящей по правую руку от него и сверкающей своей красотой в шикарно убранной зале. Элегантное кремовое платье подчеркивало стройную фигуру Патрисии и в свете многочисленных горящих свечей и лампад переливалось сверканием драгоценных камней. Кружева оливкового цвета надежно скрывали декольте герцогини, но даже неглубокий квадратный вырез на груди придавал ее образу изумительную притягательность.

Знатные дворяне неукоснительно следили за модой в это весьма переменчивое время – женщины намеренно прибавляли в весе, дабы привлечь мужчин аппетитными формами. Но Патрисия оставалась хрупкой француженкой – такой легкой и женственной, что в генуэзском обществе поговаривали о неизлечимой хвори герцогини, приведшей ту к истощению. Однако статный Лоренцо восторгался присущим ей изяществом, абсолютно не свойственным располневшим дамам.

На какое-то мгновение герцог замер, пронизывая жену взглядом будто впервые пораженного ее ослепительной красотой человека. Затем он вернул взор на младшую дочь, так искусно подражающую матери, сумевшую не только закрепить в себе поведение воспитанной синьорины, но и впитать всю удивительно блистательную миловидность Патрисии. Их сходство просто поражало.

– Признаться, я не заметил, как и младшая дочь повзрослела, – произнес вполголоса Лоренцо, не замечая, что грубым голосом нарушал звучание музыки в зале.

– Она изумительно красива, – согласилась тихо Патрисия, стараясь не отрывать взгляд от проходящей церемонии.

– Вся в свою мать, – улыбнулся герцог, заметив гордый блеск в небесно-голубых глазах жены.

– Но упрямством и горячим характером – в своего отца, – отметила герцогиня.

Герцог гордо улыбнулся, хотя кичиться тут явно было нечем, – не в их обществе женщине позволено обладать таким нравом.

– К слову, ваша светлость заметили, что Каролина сегодня завоевала многочисленное восхищение молодых мужчин? – тихо произнесла Патрисия.

– Полагаете, можно надеяться, что она и сама присмотрится к кому-то из них? – предположил герцог.

– И не мечтай, Лоренцо. Она об этом сейчас и думать не желает. Дай ей немного времени, чтобы настроить свой пыл-

кий нрав на грядущее заточение. Сразу же после свадьбы Изольды я проведу с ней беседу по поводу замужества.

Герцог только вздохнул и опять взглянул на Каролину, не отрывающую взгляд от брачной церемонии. Что-то сжималось в его сердце, прославившемся среди его поданных своей бесчувственностью. Нет, он не желал торговать красотой Каролины для получения большей выгоды, ведь ее красота цены не имеет. Но подорвать свою репутацию в этих условиях невозможно, ведь среди аристократических семей принято заключать брак в соответствии с максимальной экономической выгодой как для родни, так и для республики.

Пусть и по закону, и в согласии с каноническим правом – основой брачного союза, кроме родительского одобрения, должно быть и свободное согласие сторон, но в большинстве случаев молодые соглашались с выбором родителей, боясь лишиться имущества, которое было их «свадебным подарком». Любой брак, заключенный без согласия родителей, становился причиной раздора между ними и детьми.

Что будет, когда придет время выдавать Каролину замуж, Лоренцо даже не хотел представлять, ведь законодательство, диктовавшее вопросы приданого, решило их далеко не в пользу невесты. Даже выйдя замуж, у нее не будет права распоряжаться своим имуществом: управление им будет осуществлять муж. А Каролина ни за что не пойдет на ограничения в своих правах, чего доброго еще и будет требовать у мужа права овладеть приданным. Этого герцог и боялся, ведь,

насколько бы ни была воспитана его младшая дочь, овладеть искусством скрывать в себе эмоции она так и не сумела.

«Она – не ангел! Но кто тогда... колдунья?»

Поездка в Миланское герцогство оказалась невероятно утомительной и долгой. Единственной отрадой в долгом путешествии была Матильда, не позволявшая своей родне скучать – из ее полных губ то и дело раздавались разного рода шуточки. Тем не менее долгие часы в дороге заставили гостей едва ли не валиться с ног от усталости. В Милан они приехали к обеду, внутренне благодаря Бога, что продолжение свадьбы назначили на послеобеденное время следующего дня.

Каролину не смущало долгое путешествие. Да и веселье ей приходилось по нраву. Однако ее невероятно тяготила аристократическая помпезность, царящая в залах дворян и застилающая истинные лица людей вуалью фальши. Синьорина предпочла бы не замечать этого, однако, ее удивительная проницательность словно затмевала ту женскую наивность, в которой она так нуждалась в столь юном возрасте.

Каролину изумило великолепие и богатство дворца Брандини – генуэзский палаццо совершенно отличался от владений миланцев. Сейчас ей казалось, что ее родные стены безудержно мрачны в сравнении со здешним лоском. Несмотря на то, что поместье да Верона слыло в Генуе роскошным убранством комнат, дворец миланского синьора выгля-

дел гораздо величественней и богаче.

Чем это вызвано: жадностью ее отца или же бедностью Генуи в сравнении с Миланом, – Каролина понять не могла. Однако у синьорины закружилась голова от нахлынувшего на нее восхищения парадной комнатой с мраморными колоннами, вздымающимися едва ли не до поднебесья и прилегающими друг к другу прекрасными арочными сводами. Выполненная в новом стиле лепка, украшающая огромный вестибюль, как и всю архитектуру в целом, потрясаяще затмевала отходящую готику. Изумляла своим изяществом и фреска в гармоничном сочетании с выполненными в розово-коричневых тонах стенами и потолками. Не меньше восхищала и огромная лестница, ведущая из центра холла на второй этаж и покрытая невероятной длины ковром, испи-санным дивным орнаментом. Множество декоративных элементов из стекла и драгоценных металлов, а также прекрасных картин, украшающих парадную, останавливали на себе внимание гостей чудного палаццо.

– Поразительная роскошь! – с восхищением выдохнула Каролина, кружась в центре парадной, не пропуская мимо своего внимания ни малейшей мелочи.

– Ваши стены могли бы пребывать в роскоши, – шепнула подошедшая Матильда, – будь ваш папенька-герцог чуть щедрее для своей семьи. Весь в отца Фабио...

С этими словами женщины последовали за прислугой на второй этаж, дабы отдохнуть после тяжелой дороги.

Во время церковного венчания, проходившего в миланской церкви Марии Делла Грации, Каролина не сводила глаз с молодых, воображая себе, как она и сама будет когда-нибудь выходить замуж. Церемония оказалась такой трогательной, что девушка едва удерживала слезы от восторга. Она попыталась представить себе мужчину, который когда-нибудь пойдет рядом с ней под венец. Но почему-то его образ получился каким-то расплывшимся, словно бесформенное пятно. Ну и пусть ей не известна его внешность... Но... если он будет схож с Леонардо, она наверняка сможет открыть для него свое сердце.

Каролина отбросила эти мысли в сторону. «Главное, что он будет любить меня, а я – его», – с уверенностью подумала она. Когда мужчина благочестив и галантен, женщина может легко полюбить его. По крайней мере, Каролине именно так виделась внутренняя сторона любви.

Свадебное торжество продолжало слепить элитарностью. Кавалеры и дамы сновали друг перед другом в изумительных нарядах, соперничая друг с другом откровенной помпезностью. Но проявление жеманности в манерах миланских аристократов не раздражало Каролину так, как это всегда происходило в Генуе. Милан казался ей каким-то сказочным местом, полным прекрасных персонажей и красивых лиц, мелькающих перед ее глазами вновь и вновь.

В какой-то момент Каролина уловила на себе взгляд незнакомца: он стоял неподалеку и во время беседы с кем-

то, улыбаясь, наблюдал за привлекательной синьориной. Заметив это, она быстро и смущенно опустила глаза и робко отвела в сторону взгляд, когда услышала голос отца:

– Это виконт Карлос Доминиани из Миланского герцогства, его отец – граф Доминиани, приближенный герцога Миланского. Каролина томно вздохнула, едва сдержав в себе порыв недовольства, стремящийся вырваться наружу со словами: «Опять ваша расчетливость, отец...» Но последствия этой фразы могли закончиться замком на отведенных для нее покоех. Поэтому синьорине удалось обуздать себя и смиренно промолчать, оставляя слова отца без ответа.

Застолье после венчания оказалось непродолжительным, но Каролина почувствовала только облегчение, вставая из-за стола и приступая к танцам. Ее настолько стеснял корсет, надежно затянутый Паломой, что юной синьорине казалось, что она вот-вот задохнется.

Родительский конвой, не выпускавший ее из поля зрения, внутренне возмущал Каролину: так хотелось немного свободы. Однако позволять самовольство в этот час стало бы непростительной ошибкой, поэтому синьорина попыталась набраться терпения до окончания торжества. Хотя это ей едва удавалось.

– Матушка Патрисия, мне дурно, – промолвила тихо Каролина, приблизившись губами к уху Патриси.

– Потерпи, Каролина, твое присутствие необходимо на заключительной церемонии. А уж потом сможешь пройти в

свои покои.

«Боже милостивый, – промелькнуло в мыслях, – сжался над моим бедным телом!» В какой-то момент ей казалось, что она упадет без чувств прямо среди толпы. О нет, какой позор! Она не может допустить этого! Но стесняющий корсет все чаще напоминал о необходимости вдохнуть свежего воздуха.

Каролина тихонько отошла от Патрисии, чтобы немного побыть одной. Гости танцевали, отец разговаривал с Брандини, матушка также отвлеклась, очевидно, приятной беседой с какой-то герцогиней.

Желая остаться незамеченной, Каролина выбрала наиболее подходящий момент и незаметно просочилась в толпу между колоннами зала, направившись в сторону балконной двери, выходящей в сад. Она остановилась на крыльце, чтобы немного подышать свежим воздухом и схватилась за балюстраду. Прохладный воздух и приятное благоухание цветущих в саду лилий позволили ей немного прийти в себя.

Каролина вдохнула в себя больше воздуха и оглянулась кругом. Судя по всему, перед ней простирался пресловутый миланский сад – с роскошной растительностью и декоративными архитектурными формами. И хотя сейчас над владениями Брандини спешно сгущались сумерки, она успела обратить внимание на богатство участка: изобилие огромных деревьев, пушистых и гладко отстриженных кустарников и огромных цветочных клумб словно манило к себе своей про-

хладой. Но больше всего ее радовал тот факт, что в глубине этого сада можно немного отдохнуть от праздничного шума.

Каролина бросила беглый взгляд на танцующие тени, отражающиеся в высоких окнах дворца. В ее головке промелькнула коварная мысль, которую она тут же отогнала от себя. Нехорошо будет, если она отличится еще и здесь, на свадьбе сестры, когда весь вечер должна присутствовать рядом со своими родителями. Но ей так хочется уединиться! Так хочется осмотреть сад...

Воодушевленная идеей, она вновь посмотрела на окна – танцы только начались, до следующей церемонии осталось не менее часа, а значит, она успеет пробежаться по территории и осмотреть ее. Хотя бы одним глазком.

Откуда-то послышался приглушенный женский смех: прохладная апрельская погода все же выманила на свежий воздух еще кого-то. Это придало Каролине уверенности, и она сбежала с мраморного крыльца.

Просторность сада казалась необъятной: его границы очерчивались узким, но довольно длинным прудом с переброшенными через него деревянными мостиками. В центре территории шумел водой двухмерный фонтан, слепленный в готическом стиле, с непонятной фигурой посередине. Ступеньки в десяти шагах от фонтана вели к вершине невысокого холма, на котором располагалось небольшое архитектурное строение.

Каролина решительно поднялась по ступеням и подошла

к небольшому зданию, напоминавшему крытый павильон. И только приблизившись к постройке, исполненной в форме небольшой башенки с куполом, она поняла, что это газебо – беседка для уединения и наблюдения за окрестными территориями. Такой элемент садово-парковой архитектуры только входил в моду европейских аристократов, желающих украсить свои приусадебные участки. Единственное, что показалось Каролине дивным – газебо Брандини укрывалось не только навесом, но оснащалось полноценными стенами с окнами и дверями. Так что со стороны на беседку это вовсе не походило.

Расположение газебо на возвышенности и его высокий фундамент наверняка могли позволить рассмотреть чудесный ландшафт, который открывается у подножия холма. Но сейчас лицезреть эту красоту Каролине не посчастливится, ведь сумерки становились все гуще и гуще.

И все же воспитанность Каролины пала перед ее чрезмерным любопытством, и девушка пробралась к двери газебо в надежде, что та не заперта. Дернуть ручку ей помешало эхо посторонних шагов за спиной. Синьорина замерла, ощутив, словно ее окатило холодом с головы до пят, – будто кто-то с неба вылил на нее поток ледяной воды.

Обернувшись, Каролина увидела приближающиеся к ней силуэты. Несомненно, они принадлежали мужчинам. Не на шутку испугавшись, она поспешно пробежала вперед, обогнула округлой формы строение и оказалась с его обратной

стороны. Перед ней открылся довольно живописный вид – холм, на котором располагалось газебо, плавно уходил вниз. Вдалеке виднелось небольшое селение: на фоне стужающихся сумерек синьорине удалось рассмотреть лишь тусклые огоньки и струящуюся из земли полосу дыма, тут же исчезающую в темном сине-фиолетовом небе.

Она прижалась к стене газебо и затаила дыхание, надеясь расслышать звук направления злосчастных шагов. И сердце Каролины вздрогнуло, когда она услышала грохот открывающейся двери. Они вошли внутрь строения! Синьорина оглянулась по сторонам. Если она сделает хотя бы шаг, то наверняка окажется замеченной... или услышанной... А если об этом расскажут отцу, то его гнев сравнится разве что с гневом Всевышнего!

Каролина со страхом закрыла глаза и томно вздохнула. Ну почему же ей не удастся вести себя подобающим образом, как истинной аристократке? Отчего даже здесь, находясь в более чем сотне миль от Генуи, она не смогла не потешиться коварным духом интриги? Разумеется, чего уж там отрицать, – ее душе свойственна непокорность. Но самое страшное, что от собственного упрямого непослушания она получала дивную усладу, останавливающую кровь, заставляющую претерпеть эдакое ощущение маленькой смерти продолжительностью лишь в мгновение.

Каролина слышала четкие и громкие шаги, которые могли исходить только от мужских туфель. Мужчины прошли

по каменному полу вглубь здания, и все стихло. Она поняла, что в газебо может быть всего одна комната, а значит, те расположились приблизительно в ее центре.

В тот момент, когда Каролина почти успокоилась, над ее ухом прогремел звук открывающихся ставен, и в эту самую секунду от внезапного испуга подкосились ноги. Синьорина еще плотнее прижалась к стене, хотя плотнее было уже и некуда, но ей казалось, что усилия не пройдут даром и у нее получится вдавить себя в каменную стену, оставив в ней отпечаток своего беспомощного силуэта.

Устремив взгляд наверх, Каролина увидела высунувшийся из окна локоть в белом свисающем рукаве, а затем послышался тихий мужской баритон.

– Неплохое местечко для тихой беседы, синьор, – произнес первый мужчина, обладавший мужественной и весьма приятной тональностью голоса.

– У нас немного времени, сенатор, до проведения второй церемонии, на которой я обязан присутствовать, – второй голос принадлежал, скорее всего, мужчине более преклонного возраста.

– Вам и впрямь не стоило бы покидать семью в такие важные моменты, – заметил с иронией первый голос, а Каролина смогла только виновато сжать губы при мысли, что и ей, как родственнице невесты, следовало бы сейчас уже возвращаться во дворец.

– Не будем терять времени даром, сенатор, и перейдем к

делу, – ответил голос второго мужчины, и последние буквы его слов куда-то поплыли.

Очевидно, тот удалился вглубь помещения, из-за чего Каролине стало едва слышно его. Она снова бросила взгляд наверх и заметила, что локоть в белом рукаве исчез из поля ее зрения, а звук каблучков подтвердил ее догадки – мужчины стали в предположительном центре комнаты.

Решившись обежать газебо и скрыться в деревьях парка, Каролина сделала аккуратный шаг в сторону, но юбки так звонко зашуршали в ночной тиши, что ей почудилось, будто ее слышали. Она прислушалась. Голоса мужчин звучали в том же тембре, однако ей не удалось распознать ни слова.

Оставаясь в недвижимой позе, Каролина застыла, моля Бога о том, чтобы ситуация скорей разрешилась. Решившись все же шагнуть, дабы размять затекшую ногу, она внезапно ощутила, как коснулась чего-то тяжелого и недвижимого. Оказалось, что прямо подле нее стояла скамья, что было для нее как нельзя кстати.

Аккуратно опустившись, Каролина улеглась вдоль скамьи и, облегченно расслабившись, притаилась. Нужно лишь переждать окончание этой беседы и немедленно отправляться в палатку.

А синьоры... Она посмотрела на открытые ставни окна прямо перед собой. С какой стати им выглядывать, когда они увлечены такой важной беседой? Но только синьорина об этом подумала, как из окна высунулся мужской профиль,

оказавшийся прямо напротив нее. Каролина со страхом вытаращила глаза, ощущая сладкий ужас от мысли: склони этот синьор сейчас голову, и она окажется обнаруженной. Но мужчина, казалось, и не думал этого делать, – его взгляд был устремлен куда-то вперед.

– Не совсем понимаю, какой в этом может быть интерес непосредственно для вашей династии, синьор, – произнес все тот же низкий баритон, исходящий из уст высунувшегося из окна мужчины.

В этот самый момент рядом с ним нарисовалась еще одна голова, и Каролина едва не лишилась чувств от страха. Лица обоих скрывали сумерки, и самое четкое, что могла рассмотреть синьорина, – это очертания профиля каждого из них.

– Что значит, какой интерес? Земли, сенатор! Обширные, пусть и каменистые, но дающие нам преимущество! Правительство претендует на правление этой державой.

– Позвольте... Но что подвигло вас действовать через мятеж?

– Восстание крестьян – это эффективный способ ослабить местных дворян: герцогов и синьоров. Однако первостепенная задача каждого из нас – остаться в тени... Категорически нельзя принимать в этом активное участие, наши действия будут, скорее, пассивными.

Сердце Каролины екнуло. В ее голове промелькнуло множество мыслей, приводящих в ужас. Похоже на то, что она стала свидетелем тайного общения, и вполне очевидно, что

оно таит в себе какой-то заговор.

Мысль о том, что она владеет информацией, которую ей знать совершенно не нужно, ввергло Каролину в замешательство. А вдруг, если ее обнаружат, то пожелают убрать со своего пути? Кому нужна незнакомая синьорина, которая находится сейчас вдали от людей, в полном распоряжении тех, кто довольно близок к ее незащищенному телу? Разве составит труда толкнуть ее, к примеру, в этот овраг, который находится буквально через несколько шагов, и всё... перед ней предстанет вечная темнота. Ее сердце бешено заколотилось, и она вновь обратилась в молитве к Всевышнему пощадить ее.

– Иными словами: пусть вся ответственность валится на бедняков, – иронично продолжал молодой голос. – Ваше предложение таит в себе интриги ровно столько, сколько и коварства. Однако мне надобно знать о ваших замыслах более детально! Как я могу преподнести вашу речь своим людям?

– С вашей помощью, глубокоуважаемый сенатор, мы намереваемся подкрепить крестьянские войска необходимым оружием.

– И всего-то?

– Было бы неплохо, если б с этой целью вы подошли с моря на своих кораблях. Разумеется, возможность использовать ваших людей также приветствуется, но... это на усмотрение вашей республики.

Послышался ироничный смешок.

– При всем моем уважении, синьор, мне все же непонятно, чем это сотрудничество может стать выгодным для нас?

– Право слово, сенатор... Вы получите ослабленного соперника, – ответил старик, голос которого Каролине казался безумно знакомым. – Разве не этого ожидали в вашей державе столько лет? Плюс ко всему, у вас появится возможность заключить ряд взаимовыгодных контрактов с нашим герцогством. И, уж поверьте, ваши интересы будут рассматриваться в первую очередь. К тому же вам должны прийти по душе гарантии наших вельмож в справедливом разделении выгодных торговых точек в море.

– Вы желаете сказать, синьор, что мятеж будет на руку обеим державам, – предположил молодой мужчина. – Вы станете у власти, а мы будем процветать в Средиземноморье?

– Именно, сенатор. Владение хотя бы частичной долей земли увеличивает наши шансы для полного правления довольно влиятельной державой. Политическая и социальная нестабильность приведет к поспешному увяданию некогда могущественной республики. Мы и воспользуемся этим моментом.

– Признаться, меня удивляет ваше яростное увлечение этим вопросом, – голос молодого мужчины звучал несколько растерянно.

– Оно пришло к нам после сведений, что республика стре-

мится сосредоточить в себе множество финансовых институтов, что, бесспорно, свидетельствует о наличии существенного количества денег. Мне понятно ваше замешательство, милейший сенатор, поэтому я хочу дать вам время для обдумывания. Более детально мы могли бы обсудить данный вопрос на другой нашей встрече. Если вы согласитесь на сделку, ручаюсь, что наши стороны не останутся в проигрыше. Причем обе. Как полагаете?

Тот какое-то время молчал, затем опять отошел от окна и направился вглубь комнаты. Второй мужчина последовал за ним. Далее Каролина могла слышать только неразборчивое эхо мужских голосов.

Немного успокоив одолевшее ее смятение, она вновь прислушалась. Голоса по-прежнему звучали неразборчиво, и синьорина благодарила Бога за то, что ей не довелось услышать прочие подробности этого тайного заговора. По сути, она совершенно не понимала, о чем речь. Да и думать об этом ей было страшно. Но в голове с невероятной скоростью крутились догадки, причем, крутились против собственной воли. В том, что это заговор, у нее не оставалось сомнений! Причем речь идет о международном конфликте. Каролина со страхом зажмурила глаза, отгоняя эти мысли прочь.

Но вместо одного замешательства ее разум затронуло другое: ее наверняка ищет весь дворец. И что ей будет за долгое отсутствие, страшно было даже подумать. Ведь гнев отца неуправляем! Внезапно Каролина услышала, как шаги одно-

го мужчины направились к выходу. Грохот двери... и он на улице. Да-да, отдаляется.

Она с облегчением вздохнула и хотела было подняться со скамьи, как перед ее глазами вновь показался уже знакомый мужской профиль. И снова его взгляд замер, устремившись куда-то вдаль. А Каролина со страху закрыла глаза и просто ждала.

В то самое мгновение Адриано Фоскарини, вдумчиво всматривавшийся в бесконечные просторы Миланского герцогства, погрузился мыслями в суть вещей только что состоявшейся беседы. Предложение старика таило в себе массу соблазнов, но целесообразно ли ему, венецианскому сенатору, впутываться в эту историю? Причем, от его реакции на сложившуюся ситуацию будет зависеть и мнение правительства Венеции. Ведь с Генуей около сорока лет назад был заключен мирный договор, и нарушить его означало разгар нового международного скандала с продолжением очередной войны.

– Увы, но так быстро решение не примешь, – пробурчал сам себе Адриано и собрался уже отойти от окна, как его взгляд скользнул вниз, и он заметил прекрасную женскую фигуру, облаченную в светлые одежды.

Мысль о том, что их разговор мог оказаться услышанным, едва не заставила его схватиться за сердце. Но, внутренне успокоив подозрения, он вновь выглянул из окна. Цоколь сооружения высотой значительно преобладал человеческий

рост, а разговор между ним и синьором проходил довольно тихо. Эти факты частично исключали возможность того, что суть их тайной беседы стала известной кому-то еще. Хотя однозначно рассчитывать на удачу было, по крайней мере, неразумно.

Женский силуэт при свете луны выглядел недвижимым. В какой-то момент ему даже показалось, что синьорина, лежащая на скамье, даже не дышала. Необходимо разъяснить ситуацию! Адриано отошел от окна, решительно направившись к двери.

Возносившая с закрытыми глазами молитвы к Всевышнему Каролина, услышав звук закрывающихся ставен и эхо отдаляющихся шагов, она подскочила со скамьи. Теперь ей надобно немного выждать, чтобы синьор отошел от нее как можно дальше. Осторожно ступая, синьорина направилась по тропинке, чтобы потихоньку обойти газебо и выйти на аллею. Шорох юбок не позволял девушке что-либо услышать, поэтому она остановилась, затем прислушалась и все же решила пройти к выходу.

Эти несколько шагов оказались фатальными: прямо перед ней выросла мужская тень. От неожиданности ноги девушки подкосились, и она наверняка упала бы, если бы незнакомец не поддержал ее за талию. Причем мужчина был подготовлен к тому, что она может воскликнуть, и решительно зажал ей рот. Каролина от внезапности вытаращила глаза, отчаянно пытаясь рассмотреть в темноте его черты. Однако спрятав-

шаяся за облаками луна лишила даму надежды рассмотреть что-либо, кроме тусклого блеска темных глаз, выразительных скул и волнистых локонов, мягко спадающих на виски и лоб мужчины.

Адриано стало понятно, что он застал даму врасплох и, немного смягчившись, аккуратно освободил ее уста, продолжая поддерживать юную незнакомку. И лишь сейчас он заметил, что его руки замкнули в себе удивительно стройный стан, словно выточенный талантливим скульптором. И самое изумительное – ощущение... невероятно дивное и никогда не посещающее его прежде... что это изящество чем-то связано с ним... какой-то незримой человеческому глазу нитью. Его мысли, с которыми он шел сюда, испарились в образе этой дивной незнакомки.

Он видел, как растрепанные светлые локоны небрежно распались по ее худеньким плечам, скрытым светлой шелковой тканью. Нельзя было не заметить и волнительную красоту юной груди, с трепетом вздымавшейся под давлением тяжелых вздохов. В этот момент он словно ощутил, как дрожало ее объятое страхом сердце, и вспыхнувшее страстное желание успокоить женщину чуть смутило мужской разум.

– Позвольте поинтересоваться, синьорина, – после некоторой паузы размеренным и спокойным голосом произнес Адриано, словно сиюминутные чувства совсем не беспокоили его. – Вам не сдается это место странным для прогулки в столь поздний час?

– Н-нет... – ее прерывистое дыхание не позволяло совладать с собой. Но все же Каролине удалось успокоить свое сердце, безумно колотящееся под напором этого мужественного голоса. – Я... м-м-м... мне стало дурно... и я вышла... подышать воздухом... немного...

– Немного подышать? – Адриано открыто рассмеялся и окинул взглядом расстояние от газебо до дворца. – Вам пришлось пробежать не менее полумили, прежде чем вам легчало, синьорина.

Его открытый смех немного успокоил Каролину, и по не понятной причине сковывающий ее страх ослабил свои пути.

– Я не бежала, синьор, – ответила она с порицающей строгостью. – Я прошлась... Здесь изумительный пейзаж, согласитесь.

Адриано оглянулся вокруг. В сгустившейся над приусадебным участком темноте уже мало что различалось, но он и ранее имел возможность наблюдать великолепие этих мест.

– Быть может, я с вами и согласился бы, синьорина, но это довольно тяжело сделать без света луны.

– Скоро зажгут уличные свечи или... факелы, – робко предположила Каролина.

– Просто удивительно, что этого не сделали прежде.

Адриано посмотрел на нее и улыбнулся. Ее голос звучал то убедительно, то дрожал от страха. Причем эту дрожь он ощущал внутренне, но едва разбирал на слух. Его сердце

вновь колыхнулось под этим поразительным наитием, исходящим из глубины его сущности... Однако вслед за этим пришло полное осознание действительности, и Адриано тут же напомнил себе о том, что привело его в этот дворец, да и, в общем, в эту страну. Необходимо выяснить, что услышала эта синьорина в их разговоре с синьором Брандини.

– Итак, синьорина, вы пребывали здесь, чтобы полюбоваться пейзажем... в темноте...

Адриано хотел было незамедлительно продолжить, но решительный голос Каролины перебил его.

– Простите за дерзость, синьор, но хотелось бы поинтересоваться и мне, что привело вас в такую даль от празднования свадебного торжества?

Ее вопрос ошарашил его, поскольку он совершенно не готовился к словесной дуэли. Адриано тщетно пытался рассмотреть в темноте черты лица таинственной незнакомки, и, заметив его пристальный взгляд, она отвернулась и прошла мимо него к аллее. И только ощутив себя на безопасном расстоянии, Каролина обернулась к нему. Адриано лишь сопровождал взглядом ее гордый стан и грациозно плывущую походку.

– Я общался в этом газебо со старым добрым другом о делах, – честно признался он, понимая, что выкручиваться просто нет смысла.

– Позвольте заметить, синьор, каждый из нас здесь был занят своими делами, – спокойно произнесла Каролина. – Про-

шу прощения, но, с вашего позволения, я вернусь во дворец, наверняка мои родные уже разыскивают меня.

С этими словами она обернулась, чтобы удалиться, но оклик Адриано заставил ее обернуться еще раз.

– Синьорина... Я могу надеяться на танец с вами? – в его голосе звучала благородная настойчивость, не терпящая отказа.

– Даже не знаю, синьор, – не оборачиваясь, промолвила она. – Для того, чтобы станцевать со мной, вам надобно попросить Небеса еще об одной встрече.

Ее голос прозвучал так дерзко и кокетливо, что Адриано только улыбнулся, отметив про себя присущую этой девушке непредсказуемость в поведении.

– Я могу спросить у вас имя, синьорина? – крикнул он ей вслед в оглушительной ночной тиши.

– Пусть звезды вам прошепчут этой ночью, – с иронией пропела Каролина, даже не удосужившись обернуться.

На прощанье он посмотрел вслед удаляющемуся силуэту, и в этот момент, словно по велению Небес, ее осветил лунный свет, просочившийся сквозь облака. Сенатор Фоскарини только и смог замороженно осмотреть ее фигуру, скользкий по садовой дорожке, и ему казалось, что сами деревья склонили ветви перед каким-то загадочным величием этой удивительной синьорины. Золотистые локоны, играющие блеском при свете луны, словно отражали какое-то необыкновенное сияние от ее прекрасной головки. А летя-

щий по воздуху струящийся шелк платья придавал ее образу невинность и завораживающую нежность.

– Дивный ангел... – пропел себе вполголоса Адриано, – ангелы спасают грешников... быть может... и ей удалось бы спасти мою безутешную душу?

И он зашагал за растворившимся в темноте силуэтом гостыи.

Довольно странно ощущал себя мужественный, крепкий мужчина, несущий на себе нелегкое бремя сенатора Венеции. Женщина, которую он видел впервые, смогла удивительным образом на несколько мгновений украсть у него разум. Сенатор шел к палаццо, когда силуэт Каролины уже давно исчез из поля зрения, но ему казалось, что он точным образом движется по ее следам.

В какой-то момент, разогнав парящий перед его глазами образ дамы, Адриано ощутил дикое желание исчезнуть из этого города и возвратиться в края, где его ожидали родные, хоть и пустующие стены. Однако это желание посетило его лишь на мгновенье, скрывшись глубоко в сердце, заинтригованном прекрасной незнакомкой. Его отвлеченный разум испытывал твердое убеждение, что она не могла слышать его разговора с синьором, а если и услышала, то, вероятнее всего, не уловила смысла, поскольку ни имен, ни наименований в их беседе не звучало.

У крыльца, ведущего к входу в палаццо, его с нетерпением ожидал верный друг и товарищ, бывший рядом с ним уже с

десяток лет – Паоло Дольони.

– Наконец-то, Адриано! Я извелся от ожидания! – воскликнул он, увидев друга.

– Паоло, несколько мгновений назад здесь должна была пройти некая синьорина... – к удивлению Дольони, сенатор начал речь не о делах.

– Пробегала тут одна прелесть...

– Она вошла во дворец?

– Я не стал провожать ее взглядом, меня более занимало твое возвращение. Тебе удалось выяснить, чем обусловлено наше приглашение на это совсем уж не желанное моему нраву торжество?

– Да, Паоло, и наше общение со стариком было довольно содержательным. Мне есть что тебе поведать, – задумчиво и как-то отрешенно промолвил Адриано. – Клянусь Богом, ее великолепие могло бы легко и беспощадно сокрушить роскошь венецианских красоток...

– Ты о чем, друг мой?

– О синьорине, которую встретил в саду, – улыбнулся Фоскарини.

– Бог мой, Адриано, в стремлении к женщинам ты неудержим, – рассмеялся Паоло, нередко становившийся свидетелем любовных историй, отметинами значившимися в судьбе Фоскарини.

– Тебе не понять, Паоло... Она – просто ангел, ослепляющий своим светом такого жалкого грешника, как я. А вдруг

ее невинное великодушие смогло бы спасти мою падшую душу?

В словах Адриано звучал то откровенный восторг, то не менее откровенный сарказм.

– И каким образом? – не унимался иронизировать Паоло. – Утешением на собственной обнаженной груди?

– О нет... – с напускным огорчением отметил тот. – Боюсь, что здесь мне пришлось бы ограничиться такой невинной вещью, как прощальная улыбка...

Рассмеявшись, Паоло отвел взгляд на аллею, где прогуливавшиеся дамы торопились в палатцу на очередную церемонию.

– Полагаю, нам нет необходимости присутствовать на этом торжестве, Адриано! – предположил Паоло. – Можно возвращаться в гостиницу?

– Пожалуй, мой друг, я еще выпил бы вина, – возразил сенатор. – Веселье в самом разгаре.

– Помилуй, Адриано, – недовольно скривился Дольони. – Мне неприятно здешнее общество. Слишком много проклятых генуэзцев.

– Твоя правда, дружище, – ответил тот. – К тому же на этом торжестве угощают именно они. *Venena dantur melle sublita*¹.

– Даже невзирая на это, я бы предложил тебе рискнуть и

¹ «Яд дают, обмазанный медом» (лат.) – древнеримское выражение, означающее «позолотить пилюлю».

остаться.

– Ну нет уж, Адриано, я отправляюсь в гостиницу, – категорически отрезал Паоло. – Надеюсь, что ты явишься в трезвом разуме и поделишься со мной деталями вашей с Брандини беседы.

Сенатор Венеции Адриано Фоскарини находился на свадьбе в качестве почетного гостя, однако его присутствие тщательно скрывалось от герцога да Верона, а причиной тому стала вражда между Венецией и Генуей. Это и смущало Адриано, изначально противившегося поездке на это торжество. В его сердце уже давно таилась ненависть ко всем генуэзцам, и сенатор крайне желал уничтожить эту республику и распродать по кусочкам только во имя мести за смерть своего деда, погибшего в войне против Генуи в том самом бою при Кьодже, когда венецианцы пытались отбить важный торговый путь на Адриатическом море.

И это не все, чем беспокоилась его ярость на генуэзцев. Много лет назад тело его отца Самуэля Фоскарини доставили к островам лагуны торговцы, утверждающие, что обнаружили его на разграбленном и полуразрушенном судне. Позднее до Адриано дошла молва, что это нападение – дело рук генуэзских пиратов, кочующих в Средиземном море.

Тешащий себя презрением и намерениями о мести, Адриано Фоскарини ненавидел себя при мысли, что ему приходится сидеть с врагами за одним столом. Однако здравый смысл убеждал негодующего сенатора в необходимости сво-

его присутствия. Тем самым ему удалось совладать с собой, хотя периодически он посылал внутренние ругательства в адрес самого синьора Брандини, которому удалось убедить его посетить Милан именно в этот день, ибо после свадьбы тот отправлялся на длительное время в Испанию. Откладывать эту беседу Адриано не стал, поскольку миланец сумел заинтриговать его каким-то загадочным общим делом.

Получив в семнадцать лет внушительное наследство от отца, Адриано вынужден был немедленно обучиться всем тонкостям управления как торговых, так и политических дел. Ибо вокруг него, словно коршуны, парили недруги в ожидании окончательного краха, дабы расхватать по кусочкам обанкротившееся состояние.

Тогда Адриано достойно пережил смутные времена, мужественно преодолев выпавшие на его долю испытания. Благодаря крепкому отцовскому воспитанию, в нем сохранилось не только мастерское умение владеть мечом, но и прекрасное образование – Адриано вникал и осваивался и в политике, и в торговле, и в общественных делах. Словно предчувствуя раннюю смерть, Самуэль Фоскарини сумел вложить в голову сына самые сокровенные знания, тем самым возложив на него управление всем своим недюжинным имуществом сразу после своей кончины. И таким образом Адриано сумел не только выкарабкаться в тяжелые времена, но и заслужить долгой службой титул венецианского сенатора.

Тяжело дыша, Каролина вбежала в парадную и незамедлительно слилась с толпой, с умилением наблюдавшей за третьей брачной церемонией. Она тревожно оглянулась по сторонам, надеясь найти среди гостей матушку. Но, решившись не создавать шума в момент торжества, синьорина остановила свой взор на том, что происходило в центре зала: мать жениха подносила невестке ожерелье из жемчуга, которое та должна теперь носить, не снимая, с этого дня и до конца первого года замужества.

В какое-то мгновение вся картина с Изольдой и новоиспеченной свекровью испарилась, и перед глазами Каролины снова всплыла тень незнакомого мужчины, вызвавшего в ней и страх, и восторг одновременно. Нечто странное щекотало ее изнутри, вновь и вновь напоминая о дивном незнакомце. До дворца она добежала, не помня себя от страха, но его голос, полный благородства и доблести, все еще звенел в ее ушах. Станет ли он ее искать? Она с опаской оглянулась по сторонам. Разве сможет она узнать его, когда наиболее ясно ей запомнились лишь его дыхание и баритон...

Словно опомнившись от напасти, возникшей в ее душе с появлением незнакомца, Каролина вновь посмотрела на происходящую на ее глазах церемонию. Мать жениха, синьора Луциния Брандини, уже заключала в объятия Изольду, гостеприимно впуская ее, словно новое дитя, в свою семью. Каролину расстрогал этот момент, но вот ее сестра продолжала сохранять на своем лице равнодушную кротость.

Адриано вошел в палатку как раз к концу скучной его взору демонстрации. Странное ощущение владело им: его подзадоривал жуткий интерес, словно огненная лава, бурлящая внутри него. Безусловно, он разыскивал в толпе дивный женский силуэт, искусно овладевший его разумом. Поймав себя на этой мысли, сенатор Фоскарини тут же обуздал свои чувства, напомнив себе, что его присутствие здесь имеет иную цель. В частности, сейчас ему хотелось выпить вина.

Церемония окончилась довольно скоро. Зазвучавшая музыка поманила к себе гостей, тут же бросившихся в пляс. Наблюдавшая за Изольдой и Луцинией толпа рассеялась, и тут в поле зрения Адриано сам собой бросился знакомый ему шелковый шлейф янтарного цвета. Не веря в свою удачу, он поднял глаза, с вожделием поглощая каждый дюйм доступных его взору изгибов прекрасного девичьего тела.

Когда она обернулась, Фоскарини замер, ощущая внезапную сухость во рту. Что за чудный образ? И главное – чем этот образ завораживает его, владеющего чувствами сенатора? Она – не ангел! Но кто тогда... колдунья? О, нет! Более могущественная сила владеет ее красотой, искусно сочетаясь с некой высшей невинной простотой, исходящей из глубины ее чистого взгляда.

«Бог мой, Адриано Фоскарини, это всего лишь женщина!» – с усмешкой пытался одернуть себя он.

Но тут же его взор, словно домогаясь мысленных подтверждений, скользнул на другую молодую даму, затем равно-

душно перешел к третьей, четвертой. «Пустьшка... – услышал он свое мнение о первой, – интриганка, – подумал о второй... – дурнушка... – о третьей».

Каждой женщине в зале он мог дать характеристику одним лишь словом – настолько доступными они ему казались. Но только он устремлял глаза на Нее... его внутреннее мужское чутье куда-то девалось под шквалом штормящего душу восторга.

Ее взгляд забежал по зале, словно в поисках кого-то. Боясь оказаться узанным, Адриано шагнул за колонну, дабы продолжать наблюдать за юной незнакомкой, оставаясь незамеченным. Он боится ее гораздо более, чем восхищается? О, да! Но отчего же? От страха быть сраженным... Но, кажется, бояться было поздно... В конце концов, он жаждет знакомства с ней!

Решительно устремленный шаг вперед замер в ожидании, когда очаровательную даму окружили незнакомые ему люди... Очевидно, ее родители... О, нет! Это ведь герцог да Верона... из Генуи... проклятой Генуи...

Что-то сжалось внутри Адриано, словно вспыхнувшие прежде чувства он насильно вдавил поглубже в себя... В какой-то момент ему почудилось, что высокий потолок гостиной рушится на него. Ему захотелось немедленно покинуть это место... что он и сделает сию минуту... Но вдруг приятный голос из-за спины заставил его обернуться.

– Отчего такой галантный мужчина предоставлен самому

себе в таком изобилии веселья?

Перед ним предстала довольно эффектная дама лет тридцати, с ярко-выразительными карими глазами, кокетливо пронзающими сенатора насквозь. «А эта – распутница!» – довольно оценил он, и краешки его губ затронула флиртующая улыбка.

– Он всего лишь выбирает себе достойную компанию, – сенатор выразил свое почтение, всем своим существом готовясь поддержать этот флирт, вопреки разящему его желанию продолжить наблюдения за генуэзкой. Увы, но ее происхождение уж совсем раздосадовало его.

Ни на йоту не отводя глаз, устремленных в глаза женщины, он сумел осмотреть ее с головы до пят, оценивая великолепие манящих форм, облаченных в довольно откровенные наряды, как для христианки. «Стало быть – замужняя распутница», – удовлетворенно подумал Фоскарини.

– Если уж тебе так стало дурно, необходимо было уведомить меня, – недовольно промолвил герцог, обеспокоенный отсутствием дочери.

– Папенька, простите меня, – ответила Каролина, виновато склонив голову. – Маменька требовала, чтобы я не покидала залу, но я ослушалась, так как самочувствие совсем подвело меня. Я не желала попусту отвлекать вас и портить церемонию каким-нибудь падением в обморок.

Герцог не видел причин устраивать скандал из-за исчезновения младшей дочери, однако вынужден был придержи-

ваться воспитательных мер в любом случае.

– Матильда, оставляю на тебя это упрямое сокровище, – сказал он, обращаясь к сестре. – Ты ответственна за нее, моя дорогая. Мы с Патрисией должны находиться рядом с четой Брандини.

– Не сомневайся, братец! Уж я-то уберегу наше бесценное создание, – ответила Матильда. – Ты почему так взволнована, Каролина?

Юная синьорина и впрямь непрестанно оглядывалась по сторонам, словно страшась кого-то увидеть.

– Ну что ты, тетушка, – будто беззаботно ответила она. – Я продолжаю умиляться здешним порядкам и стараюсь за всем уследить.

Убедившись, что Матильда отстала от нее с расспросами, Каролина вновь окинула взглядом залу. Ох, разве ей удастся разыскать незнакомца, черты которого от нахлынувшего испуга она даже не желала запоминать? Эта встреча с чужим мужчиной... в такой сокровенной атмосфере... касания его крепких рук, удерживающих ее стан... Ее сердце безумно затрепетало под воздействием противоречивых воспоминаний. И ей не приходилось ранее испытывать сладость этого странного чувства, будто там, глубоко внутри, кто-то щекочет твою душу перышком.

Самое поразительное: она едва могла вспомнить сейчас те слова, которые он произносил в разговоре со стариком. Но она прекрасно помнила каждый звук, который он издал,

пока общался с ней. О, этот поразительный, мягкий мужской смех, который прозвучал из его уст, – он просто не утихал в ее сердце!

Его взгляд, словно по чьему-то велению, вернулся к ней... И он вновь поглощал ее своей сущностью, словно боясь оторваться хотя бы на миг...

Кокетка Орнелла Больваджи трещала без умолку, а ее откровенная красота теряла всякий блеск на фоне невинности этого дивного создания... В какое-то мгновение Каролине почудилось, что она уловила этот взор... не так давно пронизывающий ее сквозь темноту...

Она с любопытством вытянула шею, рассматривая лица... возле колонны... Но нет, там стоит Орнелла и всего-то...

И она не знала, что незнакомец уловил ее взгляд и снова струсил, скрывшись за колонной. Решившись целиком занять свое внимание общением с новой знакомой, Адриано устремился к ней, стараясь всеми силами контролировать себя.

– Вы приглашены миланцами, синьор? – внезапно спросила Орнелла и этим отвлекла его от раздумий.

– О, да, – ответил непринужденно он. – Мы с Брандини – старые друзья. А вы откуда будете, могу поинтересоваться?

– Я из Генуи Великолепной, – с гордостью ответила та, и Адриано гневно напряг желваки, стараясь обуздать себя. Паоло оказался прав, когда поспешно удалился отсюда.

– Вы бывали в наших краях? – не унималась допрашивать

его дама.

– Разумеется, – Адриано как-то растерянно приложил руку ко лбу. Хотя, быть может, не так плохо, что Орнелла – генуэзка? – Пару раз приходилось бывать... А вы кем приходитеесь новобрачной?

– Я – супруга троюродного брата Изольды, – ответила с улыбкой та. – Можно сказать, никем не прихожусь.

– Ох, так дама – замужем? – ирония Адриано вызвала у собеседницы улыбку, таящую в себе эдакое смущенное коварство.

– Дама замужем, но невероятно одинока, – приоткрытые алые уста молодой женщины и манящая глубина кареглазого взгляда лишь подтверждали его догадки: она всем телом жаждет его.

Адриано заинтересованно приподнял брови, словно отвечая ей взаимностью. В это мгновение мимо них скользнула уже знакомая фигура в янтарном платье, и сенатор вновь ощутил собственное сердцебиение, заглушающее возникшее влечение к синьоре Больваджи. Лицо Орнеллы исказилось в презрительной гримасе, сопровождающей поднимающуюся по ступеням Каролину.

– Еще одна... беспечность... – гневный комментарий женщины заставил Адриано внимательней на нее посмотреть. – Каролина Диакометти... дочь да Верона.

– Чем она вам так неприятна? – изумился он.

Та лишь фыркнула.

– Можете мне поверить, меня не волнуют невинные овечки, вроде этой. Ее сегодня настолько задарили лестью, что мне даже жаль несчастную. Ведь на самом деле ее французские черты и чрезмерная худоба совершенно неуместны в современном обществе.

– Она – француженка? – он всеми силами старался скрыть свой необъятный интерес к персоне Каролины, дабы не спугнуть весьма познавательную речь Орнеллы.

– Наполовину. Ее мать – француженка. Но самое изумительное, – Адриано внимал каждому слову, напитанному невероятной женской завистью, – что за взглядом этой кроткой овечки скрывается та еще ведьма...

Последнее слово совершенно поразило его.

– Вы пугаете меня, – иронично изрек он.

– О, будет вам, синьор... Она ведет себя, словно малолетний сорванец. Можете себе представить – ходят слухи, что синьорина проводит свое время с крестьянскими юношами... Неизвестно, что вообще там у них было...

– Простите, вы так любопытно рассказываете. Но что в вашем понимании значит «проводит время»?

– Вся аристократия поражается: суровый в обычной жизни отец совершенно бесхарактерен в ее воспитании. Судачат, что она даже убежала из дому вопреки всем запретам и проводила время в компании местного хулиганья! Еду носила. Что-то еще из палатки да Верона. Можете себе представить, каким позором окружен их дом? Кто-то видел ее даже с

оружием. Мракобесие... Мой отец уже давно лишил бы меня титула!

И даже это звучало с завистью, что окончательно поразило Адриано. Значит, вот такая эта плутовка... В одном сердце-ед Фоскарини был убежден – в плотской невинности Каролины... Он это видел по девичьему взгляду... Однако его манило к ней нечто иное... То, что скручивало разум, очаровывая его... Неповиновение... Жизнелюбие... Превосходство...

– К слову, до нас дошла молва, что крестьяне в их герцогстве намереваются поднять бунт. Меня не удивит, если вскоре заговорят об ее участии в этом.

Эта информация привела Фоскарини в ступор. Вероятнее всего, это грязные слухи, однако, существование повода для них – уже нехорошо. А еще хуже то, что о мятеже, который и фигурировал в словах Брандини, уже болтают в обществе. Это повышает вероятность неудачи.

– Стало быть, девчонка плохо воспитана, – Адриано отвлек внимание Орнелла тем, чему она тут же обрадовалась.

– Ох, да! – стервозно пропела она. – Мягко сказано! Наверняка совсем скоро состоится ее помолвка с виконтом Джованни Альберти. Вот тот ее и приструнит. Ему в замке графа кланяется в ноги вся челядь, страшась оказаться на виселице за любой, даже невинный огрех!

«Боже милостивый! Что за крайности?» – подумалось Адриано, и ему стало жаль, что это прекрасное создание может оказаться в когтях стервятника.

– Но будет этих пустых разговоров ни о ком, – Орнелла игриво взмахнула рукой, словно отгоняя от себя фантом обсуждаемого образа Каролины. – Итак, синьор, вернемся к вам...

Адриано в ожидании сощурился.

– Удивительными чертами вы обладаете, синьор Риццо, – он намеренно ввел даму в заблуждение чужой фамилией, дабы не светиться своей. – Такие ослепительные карие глаза, словно манящие на самое дно океана... Подчеркивающие мужественность выразительные скулы... Статный торс... Ваши родители – скульпторы?

Адриано смущенно улыбнулся.

– Право, мне неловко, что моя персона вызывает у вас столько интереса.

– Отчего же? – улыбнулась синьора Больваджи, небрежно перебирая руками свое украшение, падающее на весьма соблазнительную белоснежную грудь.

Это был откровенный соблазн, что разжигало в нем еще большее вожеление, затмевая собою все прежние события этого вечера.

– Оттого, что вы, к примеру, замужем, прелестная синьора.

Орнелла недовольно изогнула правую бровь, капризно гримасничая.

– Ох, избавьте меня от этих воспоминаний!

– Вам они столь неприятны?

– Я ненавижу их! – процедила сквозь зубы женщина, и искры из ее глаз добавили огня в распаленную страстью плоть сенатора.

А почему бы и не овладеть прелестями этой эффектной гемуэзки? Ведь им движет не восхищение, а лишь жажда угомонить беснующуюся плоть! Разве можно посчитать предательством такую маленькую и прекрасную месть одному из этих ненавистных ему гемуэзских дворян, возомнивших себя владельцами Средиземноморья?

– Моего супруга здесь нет, – с улыбкой продолжала она и приблизилась устами к уху Адриано. – Зато имеются прекрасные просторы ночного сада, благоухающего весенними цветами, манящими усладиться своим дивным ароматом, – притягательный шепот Орнеллы окончательно заставил сенатора принять незамедлительные меры в отношении этой связи.

– Мое воспитание не может позволить вам наслаждаться этим дивом в одиночестве, – прошептал Адриано и оглянулся по сторонам, дабы убедиться в том, что их флирт не привлеч чей-то любопытный взгляд.

Вновь и вновь она словно ощущала прикосновения его крепких рук, и ее тело сковывала непонятная дрожь. В ее воспоминаниях этот сильный баритон звучал с ласкающей ноткой, возводящей к горлу комок чего-то удушливого, но поразительно приятного... Его крепкий стан и легкие кудри,

слегка спадающие с его лба и завивающиеся вокруг шеи... Господи, да о чем же она думает?!

Тряхнув головой, она упала лицом в подушку. Ей не стоит тешить себя пустыми воспоминаниями... Ведь сразу после церемонии она тщетно искала его в толпе приглашенных гостей, неоднократно обойдя огромный зал. Да и разве сможет она узнать этого синьора, когда черты его лица были для нее недоступными в темноте?

Каролина пыталась вспомнить те фразы из мужского разговора, которые донеслись до нее. Совершенно непонятно, кто вообще принимал участие в беседе. Ясно только одно: джентльмены представляли две какие-то республики, наименования которых остались для нее под завесой тайны.

В какой-то момент она подумала о Венеции – удивительной державе, которая давно манила ее к себе разного рода непристойными слухами и насыщенной историей. Но неужто среди приглашенных были гости и оттуда? Каролина предположила это, но тут же откинула навязчивую мысль. Вряд ли синьор Брандини стал бы рисковать из-за присутствия подобных гостей, столь нежеланных для генуэзцев. К тому же ей в голову пришло, что на свадьбе присутствовали гости из Сицилии и Флоренции – возможно, кто-то говорил о крестьянских мятежах в одной из этих держав. Лишь Богу известна истина: мятежи вспыхивают вокруг едва ли не в каждой республике.

Но Каролина устала от всех этих мыслей. Последние дни

слишком тяжелы, чтобы тратить драгоценные мгновенья на бессонницу. А ей сон так необходим...

«Политика – не женского ума дело»

За завтраком в Генуе семья герцога вела себя крайне сдержанно и молчаливо. Каролина наблюдала за отцом и не знала, как начать беседу, которую женщине, по сути, начинать не принято. Она бросила взгляд на матушку. Было очевидно, что Патрисия чем-то обеспокоена, поскольку еда в ее тарелке не убавлялась, а только мешалась столовыми приборами.

– Матушка, вы опечалены? – тихонько спросила Каролина.

– Ну что ты, милая, все в порядке, – произнесла с улыбкой Патрисия, но с тоской посмотрела на пустующий стул Изольды.

– Вы скучаете по ней, правда? – спросила опять Каролина.

– Синьорина! – послышался строгий и порицающий бас отца. – Мне необходимо напоминать вам о правилах этикета?

Каролина смолкла и виновато склонила голову.

– В доме вашего супруга, который, я надеюсь, у вас в скором времени появится, никто на вас с одобрением не посмотрит, если вы будете вести себя подобным образом.

– Простите, отец, – тихонько проговорила Каролина, внутренне возмущаясь, что во время застолья в Милане за столом стоял невероятный гул, и тогда отец и бровью не повел, что гости невероятно шумели.

Однако в семье да Верона довольно часто случались минуты, когда отец с самого утра был не в духе по необъяснимым для всех причинам. В это время от домочадцев герцога требовалось вести себя сдержанно и тихо во избежание бурной агрессии с его стороны.

Но, когда завтрак был окончен, Каролина не устояла перед любопытством, и желание затронуть беспокоящую синьорину тему все-таки заставило ее заговорить. Отцу ведь неизвестно, что она обладает очень нужной ему информацией, полученной на свадьбе в палаццо Брандини. Просто нужно найти подходящий момент, чтобы уведомить его.

– Прошу прощения, отец, я могу спросить? – тихонько произнесла Каролина.

– Я слушаю, – сухо ответил Лоренцо.

– Папенька... – поначалу она несмело стихла, но осознала, что отступить было некуда. – А какова вероятность, что Венецианская республика может выступить против нас? Может ли случиться война?

– Что за мысли у тебя в голове, Каролина? – возмутился герцог.

Патрисия со страхом закрыла глаза, но юная дама с ожиданием ответа продолжала смотреть на отца, пытливо и бесстрашно пронизывая его требующим ответа взглядом.

– Между державами подписан мирный договор, и никто не вправе его нарушить – ни одна сторона, ни другая. Никто сейчас не пойдет против решения прошлых правителей

и самого Папы Римского! А в заключение скажу, что строго-настрого запрещаю впредь говорить об этом в моем доме! – голос Лоренцо не терпел возражений, и вокруг вновь воцарилась тишина.

Каролина, так и не получившая ответ на свой вопрос, решила, что никогда более не затронет эту тему. Если отец настолько уверен в том, что война не может начаться, то и беспокоиться ей не о чем.

– Каролина, политика – не женского ума дело, – строго промолвила Патрисия, когда оказалась с дочерью наедине. – Не смей впредь затрагивать подобные темы для беседы! В противном случае ты выведешь из себя герцога, и он, чего доброго, отправит тебя на исправление в какую-нибудь дыру с великодушными учителями.

Златовласая синьорина лишь изумленно хлопала ресницами, теряясь в догадках о том, какие меры Лоренцо мог предпринять для ее перевоспитания. Но одно она видела наверняка: матушка не шутит.

– Простите меня, маменька, – тихо пролепетала она. – Я и подумать не могла, что мой невинный вопрос может привести к таким последствиям.

– Милая Каролина, ты должна уяснить одно четкое правило, которым пользуются все дамы, – с мягкостью в голосе молвила Патрисия, взяв дочь за руку. – Никакого любопытства! И уж тем более красноречия! Ведь наличие и того, и другого свидетельствуют о падении нравственности, влеку-

щем за собой наказание Божье.

– Боже милостивый, неужто всю жизнь нужно молчать? – вырвалось у Каролины, и она тут же сама оторопела от своих слов. Патрисия наградила дочь возмущенным взглядом, однако о ее негодовании свидетельствовала лишь слегка приподнятая левая бровь.

– Извольте полюбопытствовать, что вы хотите этим сказать, синьорина Каролина? – сухим голосом спросила она.

Каролина испуганно смотрела на матушку и молчала. Но в какой-то момент она ощутила, что сдерживать свои эмоции просто не в силах.

– Да как же... как же так, матушка? – взмолилась она. – Неужто, выйдя замуж, женщина становится безмолвной, холодной и серой, словно тень от каменной стены?

Патрисия тревожно посмотрела на нее и отошла к окну, словно стремилась к свету, льющемуся из него.

– Каролина, после замужества тебе придется стать такой, какой пожелает видеть тебя твой муж. И упаси Боже, моя дорогая, вести себя вызывающим образом, позоря его дом! – Патрисия устремила свой взор на улицу, где впопыхах бегала работающая на них челядь. – Может быть, вся твоя свобода будет состоять в возможности подойти к окну и выглянуть на улицу. А быть может, твой супруг будет более лояльным и позволит тебе участвовать в его жизни. Хотя, как правило, это женщине нужно заслужить.

Девушка лишь со страхом смотрела на матушку, которая

более не желала ничего объяснять ей, а только безмолвно смотрела куда-то вдаль.

– Я могу идти, маменька? – спросила Каролина, и только тогда Патрисия устремила свой взор в ее сторону.

– Да, но я надеюсь, что ты обязательно прислушаешься к моим наставлениям. Ведь так?

Каролина понимала, что перечить матушке значило вызвать ее гнев. И хотя герцогиня Патрисия редко выходила из себя, в данном случае до этого оставалось недолго. Каролина присела в реверансе и покинула каминную, пообещав матушке обязательно внять ее словам.

– Не знаю, Витторио, стоит ли мне даже начинать разговор с сенатом и военным министром по тому вопросу, который изложил мне герцог Брандини, – задумчиво говорил Адриано, чем вызывал в докторе Армази удивление своей нерешительностью. – Боюсь выглядеть в глазах правительства самоуверенным глупцом. К чему нам опять ввязываться в конфликт с Генуей, когда уже все решено и морские границы между нами разделены?

Витторио Армази, старый друг семейства Фоскарини поначалу внимательно слушал речь своего друга. Адриано всегда вызывал восхищение своей деловой хваткой и рассудительностью, даже зрелые мужчины находили его профессионалом своего дела и довольно успешным стратегом. Но сейчас в глазах сенатора Фоскарини можно было наблюдать легкое замешательство, и немудрено: сперва новое дело виде-

лось заманчивым, однако требовало взвешивания всех «за» и «против», поскольку здесь пахло международным конфликтом.

– Адриано, во-первых, восприятие властями твоей информации будет зависеть от того, как ты ее преподнесешь. Так или иначе, тебе необходимо это сделать, – произнес Витторио. – Твое дело передать полученную информацию, а в остальном – решение за властью. Во-вторых, полагаю, тебе следует все тщательно обдумать. Начни с обычного вопроса: чем предложение миланца может быть выгодным для Светлейшей?

– Витторио, ответы на этот вопрос не отличаются особой сложностью. Во-первых, Венеция получит ослабленного соперника – передраги и мятеж внутри государства способны ослабить и внешние связи Генуи. А это приведет к нам множество новых вариантов для международной торговли в море. Во-вторых, это может сплотить расшатанные отношения с Миланом – у нас нередко с ними возникали военные конфликты. Возможно, пришло время сплотиться.

– Возможно, – произнес с ухмылкой Витторио. – Но, с другой стороны, никогда не забывай, что враги из прошлого крайне редко способны превратиться в надежных друзей в будущем. Ты не находишь, что за этим всем кроется какой-то коварный замысел?

Адриано посмотрел на шестидесятилетнего Витторио Армази и в очередной раз поразился его умением делать абсо-

лютно логичные выводы из совершенно незнакомой ему ситуации. Почему этот чудаковатый мужчина пошел в лекари, сенатор Фоскарини не имел ни малейшего понятия. Но за любым советом он старался обратиться в первую очередь к старому и верному другу его семьи – Витторио.

Многие венецианцы вспоминают историю, как около десяти лет назад дядя Адриано, Карлос Фоскарини, под видом желания помочь племяннику, пытался вовлечь его в авантюры стекольного дела, процветавшего в Венеции. Однако совсем скоро с помощью Витторио Армази ему удалось раскрыть намерения дяди прибрать к рукам внушительное состояние Фоскарини. И совсем недавно, в свои двадцать девять, Фоскарини смог встать на ноги и поднять стеклоделие на фабриках отца. Его производство как раз находилось на пике расцвета, и от этого Адриано все сложнее удавалось удовлетворить свои разрастающиеся амбиции. За этот же короткий срок он добился уважения в обществе и уже два года занимал должность сенатора в Венецианском Сенате. А если бы не Витторио...

– Да, ты прав, мой друг, не стоит чрезмерно доверять миланцам, – их откровенность лишь изредка имеет черты чести и порядочности. Завтра будет собрание сената, там я и смогу изложить все то, о чем мне поведал герцог Брандини.

Сенат выслушивал Фоскарини в напряжении – каждый из присутствующих выражал свое «учтливое» недовольство, едва сдерживаясь, чтобы не высказаться относительно услы-

шанного. Но все необходимо было обдумать, потому импульсы все оставили при себе.

– Сенатор, ваша информация является довольно любопытной, – задумчиво произнес военный министр Габриэль Карачиоло, приглашенный на собрание Большого сената. – Тем не менее, я не стал бы доверять миланцам.

– Я согласен с вами, – подчеркнул советник Джианни Санторо, – предложение от представителей герцогства весьма заманчиво, но нам не стоит терять самообладания в борьбе за первенство во внешнеэкономических связях. К тому же существует информация, что миланцы ведут себя непорядочно в подобных сделках. А поскольку в прошлом у Венеции уже были с ними международные конфликты, нам стоит хорошо подумать, прежде чем довериться им.

– Однако, с другой стороны, полагаю, большинство синьоров со мной согласится, – продолжил дискуссию сенатор Каstellazzo, – что данное предложение может быть способом миланцев заключить выгодную двустороннюю сделку, которая в будущем приведет к очень успешному сотрудничеству.

– Я повторяю, что с миланцами достаточно тяжело иметь дело, – во имя своих целей они готовы смести со своего пути и врагов, и союзников, – произнес советник.

– Хорошо, – согласился Адриано, не желавший в данной ситуации вступать в горячий спор, – я могу отказаться от предложения уже сегодня, отправив письмо в Милан.

– Не спешите, – возразил Габриэль, – я предлагаю все уяс-

нить. Признаться, имеется сторона медали, которая может оказаться для нас выгодной. С одной стороны, по слухам, миланцы давно претендуют на Брешию и часть нашей Террафермы. С другой стороны, неужто синьория Милана будет выступать против могущества Венеции? Ведь быть для нас союзниками им куда выгоднее.

– Нельзя забывать, что нередко им выгодны только те цели, которые они видят перед собой, – объяснил Адриано. – Но в данной ситуации надобно сыграть на два поля, – с одной стороны, прощупать почву миланцев, с другой – проверить намерения мятежников в Генуе. Всю информацию можно собрать и только потом делать выводы.

– Ваше предложение имеет смысл, – произнес советник Санторо. – Однако, сенатор, надобно помнить об осторожности. Во-первых, если вы желаете продолжить игру, необходимо согласиться на предложение с более выгодными для нас условиями. Во-вторых, нужно продумать все риски, на которые пойдет Венеция, если мы согласимся. В-третьих, без тщательно разработанного плана не стоит даже думать, не то что действовать.

– Ваша милость, я, бесспорно, соглашусь с вами, – ответил на это Адриано. – Однако без действий в направлении этого дела я не смогу узнать о его целесообразности или бессмысленности. Я должен, по меньшей мере, два раза встретиться с Брандини для того, чтобы прояснить данную ситуацию. Все, что мне нужно на данный момент от вас – это ваше согласие.

– Полагаю, нам необходимо проголосовать по этому вопросу. Если, разумеется, сенатор, вы уверены в том, что имеете возможность потратить время и деньги на вещи, которые могут оказаться бесполезными в дальнейшем.

При последних словах советника Адриано почтительно склонил голову и произнес:

– Я сделаю все, ваша милость, чтобы как можно скорее оповестить вас о раздобытой мною информации.

Большой сенат положительным результатом голосования предоставил Адриано шанс доказать свою верность государству и одновременно преданность своих миланских друзей. Впрочем, в последнем сенатор Фоскарини и сам не был уверен, но удостовериться он может только в том случае, если пойдет на контакт с любезнейшими миланцами. А для этого ему вновь надобно будет отправиться к синьору Брандини.

«Как только ты видишь красивую женщину, то незамедлительно тупеешь»

Время от времени Каролина подходила к окну и смотрела на равнинные поля их имения, которые через четыре мили открывались в скалистом побережье Средиземного моря. Несмотря на то, что промчался еще целый месяц, все же ей не давали покоя услышанные на свадьбе Изольды обрывки фраз из беседы двух мужчин. И пусть у герцога давно существовало убеждение, что женщины всегда что-то путают, а в политике так и подавно, все же Каролина интуитивно предчувствовала, что беспокоится не напрасно: ее не покидало ощущение, что этот разговор коим-то образом касался Генуи.

Однако все эти предположения беспомощно таяли перед возникающим образом синьора, вызвавшего тогда в ней бурю эмоций и страха. Его силуэт в ее сознании оставался тенью, скрытой ночным мраком, но ей казалось, что она чувствует его присутствие сквозь неведомые ее сердцу ощущения трепета и восторга. И что удивляло: когда она окуналась в эти чувства, по девичьему телу проходила непонятная и не поддающаяся объяснениям дрожь. Но эти ощущения в ее воспоминаниях, сочетавших в себе сладкое наитие страха,

интриги и восхищения, заставляли сердце трепетать от непонятного волнения.

Так она проводила у окна немало времени – выходить на улицу ей запрещалось, пока она испытывала на себе очередное наказание строгого отца за неповиновение его воле. Порой ее мучащееся в заточении сердце одолевало желание сбежать из дома хотя бы на час, чтобы прогуляться по берегу моря. Но сейчас она невероятно боялась испытать на себе гнев отца, – того и гляди, он отправит ее в монастырь на исправление. Об этом говорила матушка: следующая выходка будет дорого стоить синьорине. К тому же совсем скоро состоится бал-маскарад в Милане, который взял на себя смелость организовать синьор Брандини. Раут проводился с благотворительной целью, а вырученные деньги планировалось пожертвовать святой Матери-Церкви и отправить Папе Римскому в Ватикан на распределение между храмами и монастырями.

Все чаще она стала замечать, что не только скука удручает ее в стенах палатцо. Она так давно не виделась с Маттео! И при дворе отца он стал реже появляться, хотя раньше он сопровождал свою маменьку, когда она носила герцогской прислуге свежие молочные продукты. Теперь они оба пропали из виду. Как бы отец не запретил им появляться в своих владениях.

И все же старания Каролины быть покладистой дочерью оказывались тщетными: как только герцог покидал свои вла-

дения, отправляясь в город по своим делам, Каролина чувствовала, что у нее вырастают крылья. Этим моментом она не могла не воспользоваться в те прекрасные часы, когда матушка отдыхала в своих покоях, а Палома занималась домашними делами.

Прислушавшись к атмосфере, наполнявшей палатку, Каролина насладились поразительной тишиной. Это окончательно искусило ее воспарившую душу, и она тихонько, словно мышка, выскользнула в двери через вход для прислуги, направившись в лес.

Маттео был ее первым другом, которому она с детства доверяла. В нем присутствовали порядочность, честность, стремление к справедливости, и она, Каролина, это безоговорочно одобряла. Она не помнит такого момента, чтобы Маттео подводил ее: даже тогда, когда герцог намеревался его наказать за всякого рода общение с синьориной Каролиной, он продолжал испытывать его гнев на себе, убеждая, что молва, дошедшая до ушей Лоренцо, – беспочвенные слухи.

Разумеется, Маттео не испытывал желания делиться с Каролиной всеми своими мужскими секретами, но во многие вещи он ее все же посвящал. Что там говорить, – Маттео и Каролина все отрочество провели вместе. Будучи еще мальчишкой, он неплохо владел мечом и метко стрелял. Некоторым ловким трюкам он сумел научить и Каролину, которая мальчишеские игры находила куда более интересными, чем скучные куклы и долгие часы обучения псалмам и канони-

ческим законам, на которые у нее ушла половина детства.

А сколько раз Маттео приходилось вытягивать Каролину из передряг! Разумеется, было это достаточно давно, но тем не менее. Она умудрялась даже подражаться с крестьянскими девчонками!

Порой его злила эта плутовка своим несносным нравом, но гораздо больше он восхищался ее девичьей отвагой и смелым решениям вступить вместе в любое «дело». И уверенность в преданности – это самое главное, что ценил в ней Маттео. Сейчас, повзрослев, он понимал, что его чувства к Каролине уже совсем не те, что были ранее, – она его привлекала как девушка, расцветающая своей красотой на его глазах. Однако сказать об этом он не мог решиться, намереваясь затянуть этот момент до более благоприятных времен.

Что касается отношения крестьянской семьи Маттео к знатым вельможам таким, как герцог да Верона, то во времена независимости Генуи от внешнего вмешательства формально крестьяне могли быть свободными от пополанов. Однако правительство и тут ожесточило требования: для того чтобы выжить, прокормить семью и заплатить немислимые налоги, крестьяне вынуждены арендовать земли у аристократов. Кроме земли под аренду попадали также орудия труда, рабочий скот и семена. В соответствии с договором аренды крестьянин не мог покинуть земли до истечения оговоренного срока. Если же он уходил, то его возвращали и подвергали принудительному штрафу, по которому работа

на синьоров могла продолжаться годами. Того, что оставалось у семьи крестьянина после оплаты аренды и налогов, едва хватало, чтобы прокормить семью до весны. Поэтому кабальная зависимость от аристократов порождала ненависть у низших слоев, воинственно настроивавшихся на освобождение от оков дворянской власти.

Именно по этим причинам агрессия и ненависть крестьян стала зарождать очаги негодования, которые за границей Генуи уже давно переросли в восстание. А сам Маттео решительно занимался организацией мятежа против герцога да Верона. Объяснять что-либо Каролине он не собирался. Равно как и не собирался обижать ее. В тщательно продуманный план входили иные намерения, не описанные в делах повстанцев. Это был личный замысел самого Маттео.

Адриано и Паоло осадил лошадей, желая продолжить путь мелким шагом. Пение птиц завораживало и позволяло отдохнуть от утомительной долгой поездки верхом. В начале лета лес переливался какой-то зелено-бирюзовой радугой, позволяя глазам отдохнуть от пыли, бьющей всю дорогу в глаза.

Молчаливый генуэзец, сопровождающий их, ехал верхом вдалеке от венецианцев, время от времени останавливаясь и ожидая нерасторопных знатных персон. Но ему пришлось набраться терпения, поскольку Маттео велел довести их до места встречи.

– Объясни мне, Адриано, – мучивший Паоло всю дорогу вопрос наконец вырвался из его уст, – зачем мы направляемся к генуэзским крестьянам? Нас могут взять под стражу: здесь, того и гляди, намереваются снести голову очередному венецианцу.

– А где ты видел венецианцев, Паоло? – с иронией в голосе произнес Адриано. Мы – заблудившиеся торговцы из Модены. Направляемся в город для договора о закупке сукна. Никто ведь не знает о том, что мы идем на встречу с крестьянами, замышляющими мятеж. С восточной стороны нас не заметят. Лес, который находится впереди нас, граничит с землями Флоренции, поэтому часть его даже не относится к Генуе. Наша же встреча состоится в непроходимой глубинке этих мест.

– Я так понимаю, что синьор Брандини именно здесь намеревался снабдить повстанческие войска оружием?

– Именно! Он ведь и говорил о том, что земли да Верона его беспокоят в первую очередь. Причем он замышлял еще и обмануть крестьян: сам понимаешь, после того, как, по замыслам, Милан подчинит себе Геную, а крестьяне окажутся в той же ситуации, что и были, только под более сильным гнетом, чем сейчас.

– А мы – особо честные персоны, – с ухмылкой произнес Паоло, – и сейчас обводим вокруг пальца миланцев.

– А что ты прикажешь делать? Узнать правду от миланцев едва ли удастся, поэтому постараемся раздобыть сведения

здесь, на территории запланированных действий. Нам необходимо раскрыть замысел крестьян, и сравнить этот план с тем, что будет предоставлен Брандини. Только так можно проверить степень моего доверия, которым я смогу наградить миланцев. Если они хотят, чтобы я стал их союзником, им придется смириться с моей жадной жаждой знать правду. А разве миланцы сами расскажут о том, что затеяли на самом деле?

Паоло усмехнулся и посмотрел на друга.

– Как тебе удастся так изворотливо впутываться в подобные международные интриги?

– Мой принцип – любыми средствами научиться мыслить так, как делают это мои союзники и враги. Причем для этого я готов даже есть то, что едят они. И только тогда я смогу сделать какие-то выводы.

– Потрясающий принцип, – рассмеялся Паоло. – Но признайся, что он не всегда реален к исполнению. Вот к примеру... как тебе молва в лагуне, что Венеция планирует нападение на Милан?

– Право слово, мне не хотелось бы этого. Но вполне вероятно, что при неудаче в намерениях мирно сотрудничать война между державами может и вспыхнуть. Конфликты и распри – частое явление между нами, – ответил Адриано. – Однако мне крайне не хотелось бы такого печального исхода событий.

Разговор синьоров звучал полупшепотом, который расслышать было бы нелегко, даже приблизившись к мужчинам.

Поэтому сопровождающий их мальчишка даже не старался вслушиваться в разговор синьоров.

– Хорошо-то как! – навеявшая свежесть здешних мест так и манила Паоло глубоко вдохнуть.

– Сильно не увлекайся генуэзским воздухом, дружище! – иронично произнес Адриано. – Рискуешь быть отравленным.

– И все-таки идея с сухопутным путешествием довольно разумна, – так больше шансов остаться незамеченными.

– Да кто нас здесь узнает? – Адриано скривился от мысли, что сейчас ему пришлось облачиться в одежду торговцев. Причем крайне небогатых торговцев.

Наконец сопровождающий всадник приостановился и обернулся лицом к гостям. Юноша указал венецианцам вглубь леса и сказал:

– Где-то через пятьдесят шагов лес расступится в небольшую поляну, вас там ждут, – он тут же повернул своего жеребца и отправился восвояси.

Привязав упряжь своих лошадей к дереву, они бросили взгляд на Маттео, сидящего под огромным кустарником на опушке. Он сидел к ним в профиль, и Адриано внимательно сощурился, чтобы рассмотреть крестьянина. Молоденький юноша с задумчивым мечтательным взглядом, направленным куда-то в небо, участвовал в организации мятежа.

– Он – совсем мальчишка, – Адриано недовольно сдвинул брови. – Не нравится мне это.

– Да, юнец. Однако, о выводах судить рано. Нужно побеседовать с ним, – с оптимизмом в голосе произнес Паоло. – Кто знает, какая на самом деле сила скрывается в этом парне... Но пойдём. Сдается мне, он нас еще не заметил.

Маттео и впрямь не заметил долгожданных гостей, рассматривая расстеленный на траве план сражений, старательно расчерченный собственной рукой. Когда они подошли ближе, Адриано все же настигло разочарование: неопытность юноши казалась очевидной. Торчащий из-за пазухи кинжал заставил сенатора скептически скривиться: разве так бездумно светят оружием?

Но все же в Маттео отмечалось и нечто не по возрасту мужественное – то ли бесстрашный блеск в глазах, то ли его довольно крепкая мускулатура, но парень не походил на мальчугана. В его кулаках были сжаты бумаги, которые и интересовали венецианцев.

Маттео Гальди испуганно обернулся на шорох и, увидев двух направляющихся к нему мужей, встал. Это, несомненно, «свои».

– Ты – Маттео? – спросил Адриано, подходя к нему ближе, чтобы поздороваться.

– Да, а вы, должно быть, от миланцев?

– Именно. Нас прислали, чтобы воочию уточнить детали мятежа. Неплохо было бы определиться с боеприпасами для вас и уточнить некоторые моменты.

Безусловно, Адриано слукавил, – он от миланцев ника-

ких рекомендаций не получал. Все, что ему было необходимо, – это выяснить все детали замысла. Он был достоверно осведомлен, что связь у миланцев с повстанцами была крайне редкой и весьма ограниченной, поскольку оказаться замеченными значило загубить все: и возможное сотрудничество, и военные действия. Адриано воспользовался тем, что знал наверняка: пока он не даст ответа Луко Брандини, миланцы ничего предпринимать не будут.

– Ты уверен в безопасности этого места для подобных переговоров?

– Да, на данный момент это самая тихая точка в округе. Сюда никто не ходит. Потому что эта сторона леса находится вдали от людей.

– Хорошо, – Адриано присел рядом с Маттео на землю. – Что у тебя там? – кивком головы он указал на сверток в руках мальчишки.

– Я хотел вас ознакомить с некоторыми моментами наших действий. Если вам угодно, разумеется.

– Угодно, – с ироничной задумчивостью в голосе произнес сенатор и принял от Маттео его чертежи.

– Сейчас кое-что подскажу, – Маттео развернул свою карту на траве. – Действие намечается на октябрь, у нас имеется еще пять полных месяцев, чтобы тщательно подготовиться. Я хочу показать вам все на карте. Вот здесь вам лучше всего будет оставить свои корабли. Наши цели – это имения да Верона, Бокаччо и... – неожиданный шорох в лесу заставил

мальчишку резко поднять голову.

Венецианцы напряглись, в ожидании глядя на Маттео.

– Странно... Но сюда кто-то идет с той стороны, – произнес тревожно он, показывая рукой на запад. – Быстро прячьтесь туда, – он указал в противоположную сторону и, скомкав карту, спрятал ее под рубаху.

Паоло и Адриано бросились за огромные разросшиеся кусты можжевельника, находящиеся в шагах десяти-пятнадцати от Маттео.

Когда Гальди увидел спокойно направляющуюся к нему Каролину, то с облегчением вздохнул: на ее месте могли оказаться люди герцога. Хотя показаться в этих краях для них было бы странно – эта часть лесополосы находилась ближе всего к крестьянской деревне.

Адриано и Паоло увлеченно смотрели на синьорину сквозь ветки можжевельника.

– Ч-черт возьми, – с ироничным изумлением шепнул Адриано, но не отвел взгляд. – Потрясающе!

– Здравствуй, Маттео! – радостно окликнула синьорина и подошла к нему.

– Что ты тут делаешь? – сердито спросил он.

Каролина не ожидала от него откровенной неприязни, но только возмущенно сдвинула свои тоненькие бровки.

– Отчего ты так дерзок?

– Насколько мне известно, ты была наказана. И я уж думал, что более ты не придешь к нам, – ответил спокойно

Маттео.

Его нахмуренность и отчужденность вызвали в Каролине подозрительность.

– Тебе известно, что меня не впервые наказывают, Маттео. Отец уехал из имения в город на весь день.

Маттео об этом знал: этот факт лишь содействовал спокойной беседе с венецианцами.

– Не выглядывай так, – шепнул Паоло, – иначе она нас увидит.

Адриано не терпелось: он совершенно не мог поверить в то, что видит здесь это обворожительное создание. И сейчас, без шикарных одежд, которыми она пестрила на свадьбе Брандини, облаченная в повседневное платье, с растрепанными от быстрого бега локонами и горящими озорством глазами, она казалась сенатору Фоскарини сошедшим с небес существом.

– O *santa simplicitas!*² – восхищенно промолвил Адриано.

– Дружище, тише! – шепот Паоло заставил того обуздывать вспыхнувшие чувства. – И не преувеличивай, молю тебя!

– Да как же, Паоло?! Ты не видишь ее красоту прекрасной? Дольони хотелось расхохотаться, – Адриано совсем потерял разум, сходя с ума от первой встречной девчонки.

– Быть может, прекрасной, но святая простота – это слишком...

– Вспомни ее, Паоло, – шепнул Адриано. – Это Каролина

² «О, святая простота!» – латинское изречение, принадлежащее Яну Гусу.

ДиакOMETTI... Ты видел ее на свадьбе Брандини.

– Ах, да! – театральная радость, изображенная на лице Паоло, заставила Адриано расплыться в улыбке. – Я мечтал о встрече с ней! И можешь себе представить – именно здесь и сейчас!

– Ну, будет тебе, Паоло, к чему ирония?

– Не время сейчас думать об этом! – с гневом шепнул Паоло, что Адриано показалось скорее забавным, чем страшным. Почему бы малость и не поразвлечься?

– Мне известно, что эта юная и прелестная синьорина постоянно проводит время в обществе крестьян, но мне казалось, что это – пустословие! Теперь вижу, что не лгут сплетни.

Паоло закатил глаза и хлопнул себя по лбу.

– Адриано, ты – такой проницательный и умный стратег, политик, предприниматель. Но, как только ты видишь красивую женщину, ты незамедлительно тупеешь! Просто удивительно быстро теряешь рассудок!

Тот лишь тихо рассмеялся, стараясь превратить это все в забавную игру. И, что странно, – в такой щекотливой обстановке его серьезность и впрямь куда-то улетучилась.

– Твоя правда, друг мой, – не унимался Адриано. – Поговорим о деле: эта прелесть – младшая дочь герцога да Верона, на старшей дочери которого женился Леонардо Брандини.

Лицо Паоло засияло осведомленностью.

– Теперь понимаешь, почему мы начали с восточных генуэзских земель? Эта территория миланцами почти захвачена – победа за горизонтом! Ох, и мерзавец же этот Брандини!

– Секундочку, а откуда тебе все это известно?

На лице Адриано играла ликующая улыбка.

– Орнелла Бельоджи, – он многозначительно заgrimасничал.

– Ах да! – пропел догадливо Паоло. – Укрощение похоти в кустах Брандини.

– Ну... – с улыбкой упрекнул его сенатор... – ну зачем же ты так опошляешь... такую романтику...

– Тише, Адриано, мы увлеклись, – осек его Паоло. – Услышат.

– Шепот не услышат... мы на безопасном расстоянии.

Адриано продолжал наблюдения в безмолвии, своим взором поглощая каждое движение Каролины. Как бы он ни превращал в иронию то, то происходило внутри него, скорее всего, легкомыслием он желал все это завуалировать. В его сердце горячим потоком расходилась услада от возможности вновь лицезреть эту даму. И пусть он всего лишь видел ее, – нечто внутри него благодарило Всевышнего за этот дивный и прекрасный миг.

Его умиляло ее поведение: невзирая на простоту обстановки, она старалась не потерять лицо знатной персоны, что, скорее, выглядело смешно, чем деловито. И при этом она с подозрением шурилась, выставляя себя невероятно умной

особой, но разговаривала с Маттео, как с абсолютно равным по положению в обществе человеком.

Но о деле Фоскарини не забывал: отвлекаясь от зримого им упоения, Адриано успевал выстроить еще и план дальнейшего общения с миланцами. Ему стало понятно, что однозначно отвечать согласием на их предложение – опасно. Стало быть, надобно узнать и замыслы миланских вельмож. А для этого ему придется принять приглашение на символический бал-маскарад в Милане, до которого оставалось всего несколько недель.

Каролина задумчиво посмотрела на друга.

– Хорошо, Маттео, вижу, что я тебе помешала. Ты кого-то ждешь? – спросила она, предположив, что с минуты на минуту должен появиться здесь Марко.

– Н-нет, – неуверенно произнес Маттео, рассчитывая со своей точки зрения, что Каролина имеет в виду какую-то девушку. – Только не нужно меня упрекать в предательстве.

Адриано не пропускал ни одной мелочи из этой беседы.

– Прости, о чем ты говоришь? – у Каролины и мысли не было о том, что Маттео надеется на ее ревность. – Я не могу понять, чем могла тебя обидеть?

Ее допрос выводил его из себя: юноша понимал, что этот диалог совершенно неуместен и его необходимо поскорей завершать. Пришлось решиться на крайность.

– Обидеть? – сердито буркнул он. – Да с тех пор, как ты появилась, у меня только и проблемы! Герцог донимает ме-

ня, угрожая расправой над моей семьей! А ты преследуешь меня, вопреки тому, что я стараюсь оправдаться перед его людьми всякий раз, когда они подозревают, что ты была со мной! Мы уже не дети, Каролина! Довольно!

Каролина ужаснулась его оскорбительной, прозвучавшей в ее адрес... Но гораздо большее стало от того гнева, который извергался из его глаз.

– Не думала, что, ничего не делая, смогу стать причиной стольких проблем. Прости, Маттео.

Она уже собиралась покинуть это место, когда ее взгляд упал на брошенную под кустарник суму Маттео, из-под которой показался ствол оружия. Каролина подумала, что ей померещилось, и она подошла ближе, чтобы внимательней рассмотреть. Маттео напряженно замер и безмолвно смотрел, как она присела и взяла в руки арбалет.

– Зачем тебе оружие? – спросила еле слышно она, пораженная найденной вещью. – Ты вновь носишь его с собой?

– Положи на место, Каролина, это не игрушка, – сказал напряженно Маттео.

– Да уж, вижу, что не игрушка, – как-то серьезно и возмущенно произнесла она.

– Каролина, – повторил шепотом Адриано, словно стараясь заучить ее имя. Его глаза заинтересованно сощурились, а уста разошлись до самых ушей в игривой улыбке.

– Ты совсем обалдел? – тихо, но возмущенно промолвил Паоло. – Возьми себя в руки сию минуту!

Адриано с гневом посмотрел на Паоло, но в его глазах светилось частичное признание своей вины.

– Что ты вытаращился? – возмущился Паоло. – Ты бы видел себя со стороны! У тебя дед и отец воевали против генуэзцев, а ты хочешь соблазнить дочь одного из их убийц?

Дольони видел на щеках Адриано только бегающие желваки. Это означало, что тот очень злится. Только на кого: на себя или друга?

– Только не нужно меня упрекать в предательстве, – резко отрезал он словами крестьянина, только что произнесенными в адрес Каролины.

Маттео тошнило от собственной грубости, но он знал, что сейчас от его поведения зависит отношение «миланцев» к нему и исход их замыслов.

– Послушай, Каролина, немедленно положи его на место! – прикрикнул он.

Но синьорина словно его не слышала, и трясущимися руками направила арбалет на Маттео, будто делала это впервые.

– Что ты говорил мне сделать? – саркастично спросила она.

Маттео шагнул назад и испуганно посмотрел на нее.

– Каролина... убери его... Он в любой момент может выстрелить, – произнес, заикнувшись, он.

– Да что ты? – продолжала иронизировать она. – Насколько я знаю, не в любой момент, а только если я нажму на ку-

рок.

– Каролина, ты ведь не умеешь с ним обращаться, – предупредительно проговорил Маттео.

Она с гордым выражением лица отвела от него дуло и, прицелившись в тоненький ствол дерева, находившийся в нескольких шагах от нее, выстрелила. Тот пригнулся, но потом оглянулся, наблюдая, как мелкие щепки разлетелись в разные стороны. От удара стрелы с покачивавшегося дерева вспорхнула стая птиц.

Тихое ржание коней, отреагировавших на резкие звуки, заставили девушку с подозрением всмотреться в густую листву. Животные странно заметались. Заметив жеребцов, Каролина удивленно уставилась на Маттео. Тот обеспокоено бросился к ним.

– Чьи это лошади, Маттео? – удивленно спросила она.

– Проклятье, – выругался Паоло.

– Нехорошо, – едва сдерживая улыбку, возмутился Адриано.

– Это наши с Марко кони, довольна? – гневно воскликнул Маттео и, успокоив животных, подбежал к ней.

Он с грубостью вырвал из ее рук арбалет.

– А оружие мне нужно для самозащиты, в лесу дикие звери! – закричал сердито он. – А жду я ребят, крестьянских ребят, и тебе с ними делать нечего!

Каролина ошарашено шагнула назад, боясь, что в таком возбужденном состоянии Маттео может ударить. Сейчас си-

ньорину душила обида на него не за резкость, а за то, что он буквально выгнал ее из их круга. Хотя... может, пора ей понять, что это закономерно?

Не желая говорить что-либо на прощанье, Каролина сделала несколько уверенных шагов в сторону своего дворца, но прежде, чем скрыться в тени леса, она обернулась и спокойно произнесла:

– Я провела в этом лесу большую часть своей жизни, только вот не пойму, с каких это пор здесь появились дикие звери?

Маттео растерянно посмотрел вслед уходящей Каролине и тихо проговорил:

– До скорой встречи.

– Шутки в сторону! – промолвил Адриано, выходя из своего убежища.

– И чего нам ожидать теперь, после того, как в это безлюдное по твоим словам место явилась некая персона? – возмутился подошедший Адриано. – Теперь сюда сбежит вся округа?

– Не думаю, но лучше уйти к морю, – недовольно произнес Маттео, скручивая карту и поспешно собирая вещи. – По дороге я вам все расскажу. По крайней мере, то, что вам знать необходимо.

– Что за особа? – не выдержав, спросил Адриано, а Паоло возмущенно вытаращил глаза.

– Просто... девушка... – немногословно буркнул Маттео.

– Она – дворянка?

– Да.

– И как можно верить в удачу ваших замыслов, если у тебя глаза горят, когда ты на нее смотришь? – внезапный вопрос Адриано заставил Маттео замедлиться.

– Это мое дело! – не глядя на него, ответил он.

– Ты рискуешь сорвать дело, если не обуздаешь свои чувства, – продолжал Фоскарини, терзаясь странными чувствами внутри себя самого, – будто ему все это небезразлично.

– Я никогда не провалю то, о чем мечтаю многие годы, – с недовольством заметил Маттео. – Каролина... – глубокий вздох едва задержался внутри него, но пронизательный сенатор заметил волнение юноши. – Она – очень красива. Но для меня – недоступна.

– Прости, Маттео, что замечу это, – промолвил Адриано, – но таких, как ты, подобные преграды лишь раззадоривают. Я же вижу, что твое упрямство нечто в себе затаило. К примеру, какую безумную идею.

– Я осмелюсь вас переубедиться, синьор. Вы ошибаетесь.

На этом дискуссия окончилась, и каждый из них остался при своем.

Пробираясь с венецианцами через лес к морю, Маттео с сожалением думал о том, что наверняка обидел ее. В силу своей невнимательности к противоположному полу она даже не предполагает, как Гальди восхищается ее невинной наивностью! А эта аристократическая дерзость, нередко прояв-

ляемая ею в моменты их общения... А ведь эта глупышка даже не догадывается о его чувствах, полагая, что их дружба – всего лишь дружба. Разве может возникнуть у нее мысль о том, что он мечтает о близости с ней? И даже о тех отношениях, которые смогут привести их к алтарю? День за днем он только и думал о том, чтобы коснуться ее... Не так, как она привыкла, игриво и беззаботно. А трепетно, с нежностью, пронзая ее небесно-голубые глаза насквозь своим влюбленным взором.

Но герцог никогда этого не допустит! Никогда не позволит им быть вместе! Ведь кто он, Маттео? Бедный дворянин! Ничтожество без копейки в кармане. А она... она – герцогская наследница, девушка с огромным приданым, королева его сердца. Но нет, он не сопляк какой-нибудь. И она обязательно будет его, обязательно! Он сделает все, чтобы уничтожить неравенство в республике, где его не желают принимать за достойного человека. И пусть это будет не так просто, но вложит все свои силы и душу для завоевания свободы и равноправия!

Трое мужчин вышли из лесополосы буквально через полчаса и оказались у шумящего побережья. Адриано с удовольствием оценил красоту здешнего пейзажа: бушующее море омывало скалистые берега, которые значительно усложняли проход к морю. От лесополосы до береговой линии растянулось огромное поле из сочной травы и пестрящих полевых цветов.

– Да, берега Средиземного моря обладают волшебным свойством успокаивать и восхищать, – произнес с улыбкой сенатор Фоскарини.

– И, невзирая на то, что принадлежат они... – Паоло вовремя сообразил, что проявлять свою нелюбовь к генуэзцам в данном случае не совсем уместно и, посмотрев в сторону Маттео, он тут же смолк.

– Да-да, – с иронией промолвил Адриано, уловивший желание друга высказаться. – Да сомкнуться уста твои на этой чудесной ноте!

Маттео прошел вперед к морю, и венецианцы последовали за ним.

– Здесь довольно подходящее убежище на случай погоны, – объяснил он, спускаясь по каменистой тропе к морю.

Адриано задумчиво посмотрел с высоты в море. Они находились в потрясающем месте – тихая заводь между двумя утесами словно ограждала эту местность от окружающего мира. На какой-то момент ему показалось, что они напрочь отрезаны от цивилизации и находятся на каком-то необитаемом острове.

– Здесь неплохо было бы оставить свои корабли... – тихо произнес он, обратившись к Паоло, и огляделся вокруг себя.

Место и впрямь подходило для укрытия. Спустившись к морю, Маттео показал на брешь, пробитую в скале. Если спрятаться в ее тень, ты исчезнешь из вида и днем, и во мраке ночи.

– Маттео, а здесь часто бывает кто-нибудь, кроме вас? – спросил Адриано у юноши.

– Нет. Я лишь изредка вижу здесь рыбаков, – ответил тот, сощурившись, оглядывая местность. – Здесь отсутствует причал для швартовки кораблей, но вполне можно добраться до берега шлюпкой. Наш порт находится в двадцати милях отсюда. Корабли здесь не проходят. К тому же много подводных рифов, на которые можно наткнуться. Но я в море провел всё детство, поэтому знаю, где здесь опасные зоны.

– Расскажите подробнее, – попросил Адриано. – Вполне вероятно, что нам понадобятся корабли.

Маттео охотно достал бумагу и начертил на ней приблизительные точки, в которых было опасное дно. Рукой он эти же места указал в морских водах.

– Благодарю, Маттео, разреши? – Адриано взял карту, намереваясь забрать ее с собой. – А что касается берега? Отсюда люди заходят?

– Нет, эта часть земли осталась невостребованной. Опять же по причине своей непригодности: здесь ничего невозможно вырастить, земля очень каменистая. К морю, как видите, пройти тоже нелегко. Поэтому сюда мало кто ходит. К тому же, по восточную сторону, в нескольких милях отсюда, проходит граница. Я уже говорил.

Адриано и Паоло получили достаточно информации о вражеской территории. И откровенность Маттео была оправданной, – он знал, что только миланцы знают об их заговоре.

К тому же крестьяне были убеждены в их заинтересованности мятежом, поэтому даже не предполагали о возможности предательства.

На обратном пути венецианцы какое-то время ехали в сопровождении того же юноши Леона, который привез их на переговоры с Маттео.

– Ты умеешь писать? – спросил Адриано перед тем, как они распрощались с мальчишкой.

– Немного, – ответил тот, вытирая вспотевший лоб и щурясь от солнца, светившего ему прямо в глаза.

Ему было лет пятнадцать, но Адриано прекрасно понимал, что о главных событиях в крестьянских рядах он осведомлен.

– А деньги тебе нужны?

Вопрос Адриано заставил глаза мальчишки загореться.

– Нужны, – тихо ответил тот.

Адриано достал из кошелька золото. Увидев золотые, глаза Леона засветились, и он жадно протянул руки к кошельку Адриано. – Ан-нет. Мы сможем с тобой только заключить сделку. Ты ведь хочешь быть полезным в этом заговоре?

Тот кивнул головой.

– Тогда тебе необходимо будет отправить мне письмо через испанских торговцев, которые бывают в вашем городе каждые вторник и воскресенье.

– Какое письмо?

– О сведениях, на случай, если что-либо в ваших планах

изменится. Я забыл попросить об этом Маттео. Но если ты возьмешься за это, то деньги достанутся только тебе.

– Я согласен, – ответил быстро мальчишка.

– Пять золотых сейчас и пять потом, – предложил Адриано.

– Маловато, – нахмурился юноша. – Семь сейчас и пять потом, – произнес требовательно он, но смотрел на Адриано с опаской в глазах. – Как вы меня потом найдете и отдадите деньги? Там ведь неизвестно, что будет. А информация имеет цену!

– А как я могу быть уверенным, что ты сдержишь слово? – спросил Адриано.

– Я вам не вонючий пополан, который пытается нечестно поживиться, – сердито буркнул юноша. – Если не верите, то зачем предлагаете сделку?

Адриано улыбнулся. Ну что же, он прав! Сенатор отсчитал ему деньги и написал на листке имя своего друга Витторио Армази.

– Письмо необходимо передать в Венецию для лекаря Армази, – произнес он.

– Хорошо, – изрек мальчишка и повернул свою лошадь.

– Ты думаешь, на него можно положиться? – спросил Паоло.

– Можно, – ответил с уверенностью Адриано. – Любому крестьянину нужны деньги.

– Если у него их найдут, обвинят в воровстве.

– У этого не найдут. Жизнь научила этих людей осторожности.

Глава II. Маскарад желаний

«Я безнадежно влюблен в неё»

В ожидании предстоящего маскарада Каролине хотелось приплясывать едва ли не в карете еще по пути в Милан. Ее сердце ликовало в предчувствии чего-то невероятного на этом балу. Прошлый визит в Миланское герцогство закончился для нее загадочным приключением, оставившим в душе волнительные воспоминания о таинственном незнакомце. И в сердце не угасала надежда, что и этот карнавал наверняка таил массу сюрпризов.

Помимо этого, матушка Патрисия известила ее, что сеньоры многих соседних держав непременно посетят грядущий бал-маскарад. Для самой Каролины благотворительный вечер в таком амплуа стал диковинкой. Все, что она знала, – они облачатся в изысканные наряды, а лица приглашенных гостей будут скрывать разные маски. Да-да-да, именно загадочность этого торжества интриговала ее больше всего. И, быть может, сегодня она даже позволит себе немножечко флирта. В какой-то момент от желания ускорить наступление всех этих волнительных мгновений Каролине хотелось завизжать от удовольствия.

Именно поэтому она всю дорогу проводила в мечтах о

том, что ждет ее в прекраснейшем для нее месте. Полюбившийся дворец Брандини словно очаровал великолепием и некой таинственностью. Внутренне она сожалела о том, что у синьора Луко Брандини нет младшего сына, который наверняка был бы таким же красавцем, как и Леонардо. И тогда, вполне вероятно, их могли бы связать узами брака.

Но если бы ее мысли слышала Палома, она непременно смогла бы тихонько посмеяться над забавными идеями Каролины. Вопреки всем тем, кто считал ее наивной, молодая девушка продолжала мечтать, чтобы осуществилось одно-единственное желание – выйти замуж лишь за того, кто станет желанным ее сердцу.

– Виднеется крепость Миланского герцогства, – воскликнул извозчик, и Патрисия с облегчением вздохнула.

– Хвала Всевышнему! Сколько можно трястись в этом экипаже? – недовольно поморщилась герцогиня.

Каролина удивилась возмущению матушки, – Патрисия лишь изредка могла себе позволить подобные эмоции. И причиной тому было строгое французское воспитание, способное сделать из женщины истинную светскую даму.

– Матушка, совсем скоро будет празднество, – с радостным трепетом пропела Каролина, выглядывая из окна кареты.

– Не нужно, милая, так далеко высовывать свою любопытную головушку, – рассмеялась герцогиня. – Отец едет в ведущем экипаже. Увидит – накажет, и проведешь карнавал в

уединении.

– Матушка, я ведь в последнее время была весьма и весьма послушной, ведь так? – Каролина посмотрела на Патрисию умоляющими глазами.

– Да, это так, – улыбнулась та.

– Я стараюсь быть достойной дамой, чтобы отец смог найти мне достойного жениха, – поведала с каким-то волнением Каролина, словно делилась сокровенной тайной. – Я ведь понимаю, что он вскоре все равно выдаст меня замуж. Но мне бы очень хотелось, чтобы... – она так хотела произнести слово любовь, но в какой-то момент поняла, что Патрисия может не одобрить ее рвения к чувствам. – Матушка, я больше не буду общаться с крестьянами, – произнесла тихо Каролина. – Я хочу быть благонравной дамой.

Патрисия улыбнулась и обняла дочь.

– Я знаю, милая. Ты непременно станешь хорошей женой.

К удивлению Каролины, при их встрече на устах Изольды играла счастливая улыбка. Помимо этого, младшая сестра уловила в глазах сестры какое-то дивное сияние. Герцогской семье стало очевидно, что семейная жизнь благоприятно повлияла на внешность Изольды: она заметно похорошела. И, похоже, что Леонардо даже удалось растопить ее холодное сердце, – к удивлению всех, синьора Брандини заключила в объятия даже «несносную» сестру.

– Матушка, а что с Изольдой? – тихо спросила Каролина, когда осталась с Патрисией наедине.

Герцогиня лишь загадочно улыбнулась:

– Она просто стала женщиной...

– С каких это пор венецианский маскарад стал пользоваться успехом в Европе? – с усмешкой произнес Паоло, когда они с Адриано ехали в карете к палаццо Брандини.

– Что вызывает в тебе удивление? Это празднество уже давно стало популярным. Безусловно, наш февральский карнавал не смогут затмить даже римляне, что там говорить обо всех прочих! Именно Венеция стала источником моды на подобные мероприятия, – с гордостью ответил Адриано. – Полагаю, что костюмированный бал нужен миланцам неспроста. Ведь, как иначе, как не под масками, легче всего собрать в одном зале всех надобных тебе людей – и друзей, и врагов. Еще одно доказательство того, что миланцы – великие хитрецы, если решились на такой шаг.

– Не могу не согласиться, дружище. Посмотрим, какую пользу принесет нам этот карнавал. Скажи мне одно, друг мой, – обратился к нему Паоло, – удастся ли нам избежать внимания со стороны генуэзцев? В прошлый раз, на свадьбе Брандини, нас чудом не узнали – ведь они венецианцев нюхом чуют, как собаки.

– Не утрируй, Паоло, – усмехнулся Адриано. – Тогда генуэзцев можно было на пальцах пересчитать. Поэтому среди миланцев мы и остались незаметными, словно тени в полдень. Теперь же мы будем примечательны для хозяина па-

лаццо по одному признаку: при входе у благотворительного ларька каждому гостю будут прикалывать оранжевую лилию со стороны сердца. Мы же по особой отметке в приглашительном расположим этот прекрасный цветок на другой стороне груди.

– Тогда поясни еще один непонятный мне момент, – не унимался Паоло. – Почему эту встречу нельзя было организовать тогда, когда генуэзцев и близко нет в зоне герцогства? Чем оправдан этот риск?

– А это, мой друг, кропотливая расчетливость миланцев. Посуди сам: генуэзцы и близко не предполагают, что Милан может таить заговор против них. Уж тем более здесь и сейчас, на празднике у так называемой родни, они оставят обсуждение политических вопросов на завтра. Да Верона с Брандини переговорах о своих делах в полной тиши и спокойствии. Сейчас же генуэзцев отвлекут танцевальным шоу в наиболее подходящий для этого час. Но самое главное, что мы сможем изучить повадки каждого приглашенного (а среди них генуэзцев около пяти знатных семей) в глаза. Таким образом будет легче составить их общую характеристику.

– Полагаешь, что это необходимо?

В самом деле, приглашение Брандини, с одной стороны, радовали Адриано, с другой – настораживали. Он – не трус, но разочаровываться в друзьях, бывших рядом с ним многие годы, очень не любил. И, невзирая на недовольства и земельные притязания Милана на венецианские владения, Адриа-

но доверял Брандини, поскольку их семьи в недалеком прошлом имели родственные корни. Сейчас он ощущал острую необходимость убедиться в преданности миланских друзей, и тогда, вполне вероятно, что флаги двух государств сойдутся на одной земле. Но для этого нужно очень хорошо подумать.

– Что я могу ответить, Паоло? Я пока не вижу смысла делать какие-либо выводы. Мы направляемся в Милан именно для того, чтобы уяснить истинные намерения миланцев, и только затем у меня появится возможность дать оценку всему происходящему. Одно могу сказать: аристократы герцогства далеко не глупы, а значит, то, что задумали, должно быть весьма выгодным для них. Единственное, что для меня является непонятным, – это зачем все-таки им понадобилось участие Венеции в этом деле? Как раз это я и намереваюсь узнать.

Из его уст слова «Венеция» звучали с невероятным грохотом, как будто он исходил с самих Небес. Паоло даже несколько завидовал такой неувядающей вере сенатора в могущество своей державы. В каждом его ударе, в каждом слове и звуке при упоминании о Венеции его голос пронизывали гордость и любовь одновременно. Венеция – его душа, любовь, сила, в соитии представляющие собой нечто всевластное и неуязвимое. Именно такая преданность благоприятствовала сенатору на пути к его мечтам и желаниям.

– Когда ты говоришь о Венеции, мой друг, в твоих глазах

загораются страсть, – с улыбкой заметил Паоло.

Адриано лишь улыбнулся.

– Serinissima³... Я безнадежно влюблен в нее, что уж говорить?

– И, наверное, никто не может затмить эти великие чувства? – в голосе Паоло слышалась легкая усмешка. – Хотя... быть может... женщина...

Он с ожиданием ответа посмотрел на казавшегося хладнокровным Адриано.

– Женщина? – усмехнулся тот. – Разве женщина в состоянии научить любить? Женщина может подарить много чувственных моментов, но открыть сердце для любви – это вряд ли, Паоло.

– Солидарен с тобой, Фоскарини! – похлопал его по плечу Дольони. – При таком-то изобилии женского тепла разве стоит брать в голову небылицы о некой любви, которую никто никогда не видел воочию...

– Не могу ручаться за всех: возможно, кому-то и знакомо это чувство! Но не мне! С одной женщиной меня связывал нежеланный брак, а с многочисленными другими я делил ложе в целях укротить неугомонную похоть. Мне неведома любовь к женщинам.

На пути в Миланское герцогство Адриано терзали смятение и некая растерянность: с одной стороны, он тешил-

³ *Светлейшая (итал.) – так называли Венецианскую республику в период Возрождения.*

ся мыслью, что наконец-то сможет принять решение относительно предложения Брандини. Но, с другой, – он не мог себя обманывать, что эта самая другая сторона не принадлежит политике.

С тех пор как он впервые увидел Каролину ДиакOMETTI, прошло уже два месяца, но она часто изумляла своим присутствием его мысли. По необъяснимым ему причинам, он ощущал ликование собственного сердца при одном только воспоминании о прекрасной синьорине. В такие минуты ему казалось, что какая-то неведомая сила движет им. И пораженный Адриано то проклинал себя за то, что позволяет своему разуму терзаться воспоминаниями о юной красавице, то впадал в эйфорию, когда ее очаровательный образ представал перед его глазами. Но, вопреки всем мечтам, он не мог себе позволить такую роскошь – грезить о женщине из Генуи было для него не просто глупостью, но и предательством... А признать свои чувства к генуэзке – для Адриано виделось полным абсурдом и значило раздавить в своем сердце любовь к Венеции, которой он посвятил свою жизнь. Коснись это дело кого-либо другого, он и сам назвал бы это политическим преступлением.

Но что мог поделать он, обыкновенный человек, состоящий из крови и плоти и попавший под власть собственного сердца, обладавшего силой гораздо могущественней силы его твердого разума?

"Забери... укради... спрячь меня"

Когда Каролина в сопровождении сестры и родителей спускалась со ступеней в зал, ее переполняло желание несдержанно воскликнуть от восторга: парадная походила на огромную театральную сцену с множеством ярких персонажей. Колоритные костюмы, в которые облачилась толпа приглашенных, сменяли друг друга перед ее глазами, словно играли красками на мольберте замысловатого маэстро.

Лица гостей покрывали маски: кто-то старался скрыть себя полностью, а кто-то особенно не беспокоился по этому поводу и довольствовался маской на ручке. Перед Каролиной, представшей сегодня в роли ангела, мелькали яркие Вольто и унылые Моретта. Кто-то принимал облик античных богов, а кто-то – обычных простолюдинов. Так или иначе, интригующая обстановка забавляла всех: по залу сквозь мелодичную музыку слышался игривый смех и радостный гомон.

Подоспевшей семье герцога да Верона на левую сторону груди прикололи по небольшой лилии, очевидно, сорванной из прекрасного сада Брандини.

– Эти лилии выращивались намеренно для этого торжества, – шепнула Изольда на ушко Каролине, а та, не привыкшая видеть сестру такой гостеприимной, лишь поразилась ее радушному общению.

Единственным человеком, который таил в себе недоволь-

ство всем этим вечером, казался Лоренцо. Присущие ему жесткость и консерватизм противились участию в подобных праздниках, – внутренне герцог находил в этом сходство с клоунадой. Однако его тактичность и уважение к свату не позволяли обидеть того своим отсутствием на вечере.

Каролину невероятно радовал тот факт, что у отца сложились прекраснейшие отношения с герцогом Брандини. Она видела, как уважительно к Лоренцо относился и сам Луко – почтено встречал, приглашал на беседы к себе в кабинет, где они долго что-то обсуждали, и даже гостеприимно проводил экскурсию по своим владениям, словно хотел вселить в герцога уверенность в своей открытости перед ним. Помимо того, Луко Брандини пригласил Лоренцо на охоту, назначенную на следующий месяц – в самом разгаре лета. Вероятнее всего, их отношения строятся на взаимном уважении.

Мысль о том, что в строгой и алчной Генуе на подобном балу ей побывать не придется, заставляла Каролину с любопытством вертеть головой, дабы уловить каждую мелочь этого прекрасного карнавала. Хотя еще не так давно, когда они находились под властью Франции, Генуэзская республика на какое-то время окунулась в беспечные развлечения на светских раутах. В последние же несколько лет жителям державы пришлось вернуться в привычную для них серость обыденной жизни, уклад которой требовало духовенство. Именно поэтому каждое мгновение, проведенное на маскараде, Каролина желала насытить незабываемо-яркими эмоциями.

Более чем общение на этом празднике могли восхитить лишь танцы. А танцы в толпе пляшущих мужчин и женщин, облаченных в маски, возбуждали еще больший интерес, разжигающий чувства любознательных особ.

Наверное, благодаря этому веселье разбавлялось волнительной интригой. Отмечая это про себя, Каролина не забывала мысленно возвращаться к привычным для нее стереотипам, внушаемым синьорине с самого детства: «интриги – неподобающая страсть для благочестивой синьорины». Но тут же она ощущала, как нечто щекотало ее изнутри и вынуждало признаваться себе: «Именно это заманивает в сети таинственности более всего!»

Адриано не любил танцевать, – считал это бесполезной тратой времени. И уж тем более веселиться тогда, когда явился сюда по делу, ему никак не хотелось.

– Расслабься немного, – произнес Паоло, протянувший Адриано бокал вина, – ты слишком напряженный. Мы еще не на войне.

– Благодарю. Но боюсь, что эта война не наша, Паоло. У меня дурное предчувствие, – промолвил задумчиво Адриано, ощущавший еще с самого утра неприятные чувства.

– И в этом случае, хвала Всевышнему, что твоя предусмотрительность не позволила опрометчиво согласиться на предложение миланцев. А до того момента у тебя остается шанс отказаться от этой затеи.

Адриано переговаривался с Паоло довольно тихо и без

воодушевления, дабы не привлекать внимание толпы, казавшейся довольно насыщенной, чтобы скрыть присутствие двух венецианцев.

Большинство мужчин, как правило, на маскараде не изощрались над изысканностью костюмов: они надевали маски под самый обыкновенный парадный наряд. Адриано, чтобы надежнее скрыть свою фигуру, покрыл себя темным плащом с вшитыми рукавами. Плащу придавал роскошь широкий, расшитый серебром воротник, богато собранный драпировкой и ниспадающий от плеч до самых пят, как это являлось модным в мужской одежде. В костюме смешивались античные элементы с современными, а черная бархатная маска, мелко расшитая серебристой нитью и открывающая один лишь подбородок, прибавляла образу некую мистичность. Когда Паоло впервые увидел его в этом облике, то лишь ошарашенно промолвил: «Дружище, ей-Богу, ты, словно из преисподней». Разумеется, Паоло преувеличил трагичность образа, но некая дивная сила в нем и впрямь присутствовала.

– Позволь поинтересоваться, кого ты ищешь? – спросил Дольони, уловив Адриано на попытках кого-то разглядеть в толпе разгоряченных весельем людей.

Фоскарини не желал говорить правду, поскольку прекрасно мог предугадать реакцию друга.

– Хочу убедиться, что генуэзцы уже на месте.

– Любопытно, как ты их найдешь на маскараде?

– Скорее всего, они будут в компании Луко Брандини, а сегодня его единственного не скрывает маска.

Паоло куда-то отлучился, а Фоскарини долго осматривал гостей, пока не увидел миланцев, пригласивших его сюда: Леонардо и Луко. Тут же сенатор обнаружил при них нескольких гостей – трех женщин и одного мужчину без маски. Узнав в нем Лоренцо да Верона, Адриано внезапно ощутил, как его сердце прерывисто заметалось. Он прекрасно понимал, что рядом с ним должна появиться и его дочь, затмившая разум сенатора своим прелестным обликом. Несомненно, и сейчас она блистала!

Адриано не потребовалось даже всматриваться в линии ее прекрасного стана или пытаться узнать уже вполне знакомые черты в лице, наполовину прикрытом белоснежной маской. Создавалось ощущение, что он чувствовал ее присутствие невидимыми вибрациями. У него сперло дыхание, и, если бы его мужественные черты не скрывала черная маска, многие смогли бы заметить, каким жадным взглядом он впивался в эту милую красавицу.

Она просто ослепляла собой. Адриано не замечал роскоши покроя ее платья: шикарной пышной юбки, эффектно перекачивающейся из стороны в сторону, узкого лифа, облегающего грудь и тонкую талию молодой синьорины, перчаток и прочих мелких аксессуаров одежды. Все, что подчинялось его взору, – это прекрасный стан, облаченный в светящиеся легкие ткани бело-кремового цвета из богатого шелка, рас-

шитого золотистыми нитями.

Утонченные черты ее личика скрывались изысканной маской с перьями, расписанной, словно по иронии, в венецианском стиле. Светло-русые локоны, собранные на макушке, мягко ниспадали на правое плечо. «Стало быть, я не ошибся, когда увидел ее впервые, – подумал Адриано. – Истинный ангел».

Сенатор не спускал с нее глаз, внутренне намереваясь простоять весь вечер в тени, провести переговоры и потом удалиться из этого дворца. Но когда она закружилась в танце, с улыбкой глядя в глаза какому-то моложавому сосунку, у которого «пушок» над губами еще не окреп, Адриано почувствовал нарастающую в нем агрессию и отвел взгляд. Он не желал признаваться себе в том, что ревность овладела его разумом, но будь здесь Витторио Армази, он прокомментировал бы его состояние именно так.

Жажда восхищаться ею заставила Адриано вновь посмотреть на юную синьорину, и его сердце радостно затрепетало, словно бабочка под теплыми лучами солнца. Сенатор едва смог сдержать в себе порыв слабости выхватить ее из рук этого юнца, словно отбирая свое сокровище. Ему удалось замереть на месте... Но лишь на какое-то время. Не заметив, как ноги пронесли его через весь зал, он опомнился, когда очутился у этой пары, учтиво склонил голову перед юношей и протянул Каролине руку.

– Не посчитайте за дерзость, – промолвил с улыбкой Ад-

риано и самоуверенно посмотрел на опешившего кавалера. – Вы позволите?

Тот лишь почтительно склонил голову и отошел в сторону, когда Адриано обернулся к Каролине. В ее глазах даже сквозь маску читалось явное ликование – мужчины соперничают между собой только лишь за внимание к своей персоне.

Адриано на голову превосходил ее в росте, поэтому она смотрела на него снизу вверх, чувствуя себя миниатюрной девочкой. А когда он взял ее за талию и легонько уместил маленькую ручку в своей ладони, она с восхищением ощутила его некую внутреннюю могущественность. Безмолвно они смотрели друг другу в глаза сквозь прорези в масках и смотрели так пристально, что казалось вот-вот... и они смогут узреть души друг друга.

В продолжающемся безмолвии Каролина внимательно осмотрела своего кавалера: в нем все казалось каким-то особенным: выразительные скулы, черные смоляные волосы, слегка завивающиеся вокруг сильной шеи. Она видела глубину его карих глаз, но ей казалось, что они извергают огонь, исходящий из его души. Причем этот огонь не разрушающий, а созидающий... излучающий тепло и заботу. Удивительно и странно, но сейчас Каролина ощущала себя в поразительной безопасности, будто этот незнакомец накрывал ее всем своим существом.

Она почувствовала, как сердце забилося, словно птичка в клетке, желающая вырваться на свободу. Но ей не хотелось,

чтобы он отпускал ее! Больше всего сейчас она боялась, что он это сделает! Бог мой, они уже столько танцуют, а не сказали друг другу даже слова...

Адриано едва подавлял в себе сбивчивое дыхание. Он понимал, что, если заговорит, то выставит себя неуверенным глупцом, – его речь вряд ли будет связной. Нет, он не должен терять самообладания! Он – мужчина, он – воин, он – сила Венеции! Но как бы это ни было странно, он чувствовал себя беспомощным перед хрупкой женщиной.

«Только бы она ничего не говорила... Молчание сейчас так кстати... Только бы она не прервала этот сладкий момент единения душ. Пусть просто насладится этим мгновением», – Адриано смотрел на нее, ощущая желание поглотить ее своим жадным взглядом. Он боялся раздавить ее хрупкую ручку от желания продлить этот дивный момент. И ему стало страшно от мысли, что сейчас ему придется оторвать ее от себя, ведь грядет момент смены партнера. И все же миг расставания настал, и Каролина оказалась в объятиях другого кавалера.

Адриано старался сосредоточиться на своей партнерше, поскольку вертеть головой во время танца – весьма неэтично. Однако Каролина об этом даже думать не желала: оказавшись в паре с другим мужчиной, она тут же стала искать взглядом потерявшегося Адриано. Он был рядом. Он всегда был рядом. Но отчего-то не смотрел на нее.

Каролина ощутила подошедший к горлу ком. Нет! Она не

хочет танцевать с этим «хлюпиком»! Кто придумал эти танцы? Ей немедленно нужен тот, настоящий и сильный... Она растерянно посмотрела на своего кавалера и не то что не удосужилась улыбнуться, а тут же отвела взгляд, словно видеть его не могла.

В какой-то момент комната закружилась перед глазами Каролины и, наконец, появилось такое долгожданное лицо, надежно скрытое черной маской. Уголки ее губ тронула легкая, едва заметная улыбка, но душа просто ликовала от счастья! Адриано чувствовал ее радость, потому как и сам ощущал невероятные чувства от ее близости.

Его глаза скользнули по ее губкам – слегка припухлым и таким манящим, но он совершенно твердо знал, что это недопустимо. Что его манит в ней? Он не понимал. Чистая душа или невинное тело?

Боже, как же она не походит на тех дамочек из общества, которые с присущим им пафосом просто душат в мужчине способность чувствовать! Как же тошнило от их желания показать себя гордой, неприступной и скупой на чувства! Среди женщин общества Венеции, Рима, Милана, Флоренции и даже Испании, ему не приходилось прежде видеть даму с горящим огоньком в глазах – в иных женщинах его высушили общественные правила, поставившие женщину в жесткие рамки. Он знал, она – не такая. Она – другая. И, наверное, единственная. Ему не хотелось вспоминать о долге перед родной и незаменимой Венецией, но он обязан был это

сделать. Только почему-то в данный момент мысли о республике и чести куда-то улетучивались из его одурманенной головы.

Музыканты стихли, зал наполнился ропотом толпы, а Каролина развернулась, чтобы отойти в сторону, всем своим существом подавая посылы своему кавалеру, что она жаждет ощущать его рядом. Адриано не хотелось разговаривать. Но она сумела его заманить. Причем сделала она это одним только взглядом – таким мимолетным, но волнительным.

Совершенно незаметно для себя, не спуская друг с друга глаз, они покинули центр зала и прошли в самый дальний угол у выхода на задний двор.

– От вас исходит сияние, синьорина, – произнес он, с улыбкой глядя ей в глаза, когда они остановились у колонны, украшенной множеством живых вьющихся роз.

Приблизившись устами к ее ушку, он закончил свою фразу:

– Сияние, которое исходит лишь от ангелов...

Каролина почувствовала, как ее щеки загорелись румянцем. В ее душе творилось нечто необъяснимое. Она хотела ответить незнакомцу, но после такого красноречия боялась, что ее фразы останутся пустыми в его памяти. Поэтому она молчала, чувствуя, как глаза вот-вот наполнятся слезами. Слезами восторга! Неконтролируемого восторга.

– *Ecce spectaculum dignum, ad quod respiciat intentus operi*

suo deus⁴.

Каролина прекрасно понимала латынь, и эта фраза просто изумила ее. Но положение в обществе требовало скромности.

– Боюсь вас разочаровать, но я отнюдь не святая, – нашла она и кокетливо улыбнулась, намереваясь пройти мимо Адриано.

Но он остановил ее, нежно взяв за кисть и поднося к своим устам.

– О, нет, вы меня не разочаруете, синьорина. Поверьте мне, ваша красота... она обладает магической силой...

– Как вы можете говорить о моей красоте, когда едва видите мои глаза, а маска скрывает половину моего лица? – Каролина продолжала мягко, но открыто флиртовать, желая вкушать от него комплименты все больше и больше.

– Ваши глаза воистину обладают манящим блеском, но ваше сияние не внешнее, оно идет из вашей души, – с восхищением говорил Адриано, едва сдерживаясь, чтобы не прижать Каролину к своему телу.

Она смотрела на него глазами, наполненными восхищения – такой взгляд, который пронзает душу обожаемого мужчины.

И в небесно-голубых волнах этого взора Адриано готов был утопать вновь и вновь.

⁴ «Вот зрелище, достойное того, чтобы на него оглянулся Бог, созерцая свое творение» (лат.) – Сенека, «О провидении».

– Хотелось бы мне хотя бы на долю соответствовать тому образу, который вы увидели во мне, – изрекла Каролина, и ее уста тронула легкая улыбка.

– Если кто-то говорит о том, что вы недостойны подобных фраз, не верьте, этот человек – лжец, – промолвил Адриано, продолжавший трепетно держать ее за руку.

– А вы... – она подняла на него взгляд – взгляд, полный надежды и доверия. – А вы всегда откровенны и честны?

– В вашем обществе – несомненно, – ответил с уверенностью он.

– Но в моем обществе вы находитесь всего-то несколько мгновений, – промолвила Каролина, со страхом отсчитывающая время, боясь, что еще немного – и эта сказка обернется в золотистую пыль.

– Правда? – тихо и будто разочарованно произнес Адриано. – А мне кажется, что целую вечность...

У Каролины захватило дыхание – ей казалось, что она сейчас выпорхнет из своего тела и поднимется высоко в облака. А все, что чувствовал Адриано, – это отдаленный грохот бияния собственного сердца, которое стремилось вырваться из груди и попасть прямо в нежные ручки этой синьорины.

Она осмотрела кавалера и с подозрением сощурилась, не веря в свою удачу. Неужто это и впрямь тот самый синьор, силуэт которого посещал ее в грезах после свадьбы Изольды? Поразительно, но если убрать маску с его лица, в нем и впрямь можно будет обнаружить некоторое сходство. И го-

лос... до боли знакомый баритон...

– Итак, синьор... – прервала паузу она. – Вы сумели угадать мой образ. Однако я сейчас теряюсь в догадках, глядя на вас. Кто ваш герой?

Ее вопрос ловко привел Адриано в замешательство. А и правда: кто он? Ведь сенатор заказал костюм, совершенно не заморачиваясь на его смысле. «Главное, чтобы эффектно, драматично и скрытно!» – так он велел портному.

– Я? А я – стражник того самого рая, обитателем которого являются подобные вам существа... – нашелся он.

Каролина с недоверием удивилась.

– Прошу простить... но ваш костюм не походит на стражника рая... Скорее всего, этот стражник охраняет иные врата...

Он улыбался ее откровенному, хоть и едва заметному возмущению.

– Правда? Неужто меня обманули создатели этого образа? – с напускным испугом встрепенулся он.

– Ох, синьор, вы смеетесь надо мной! – обиженно сомкнула уста Каролина. – Хочу заметить, что мой образ – ангел, таящий в себе достаточное количество коварства, чтобы ответить вам тем же.

– О, нет! – словно испугавшись, промолвил Адриано. – Я крайне не желал бы этого.

– Вот как? Вас страшит женское коварство? – с удовлетворением спросила синьорина, надеясь на серьезный и от-

кровенный ответ.

– Нет, прекраснейшая синьорина! Гораздо более меня страшит разочарование, которое может настичь меня, если ваш ангельский облик растворится в дьявольском коварстве. Но чтобы избежать этого момента, я впредь обещаю быть более серьезным рядом с вами, – он ей талантливо подыграл, но ее наивная простота не заметила этого.

– О, прошу вас, синьор, извольте избежать осторожности и уж тем более серьезности в своих словах. Вы мне приятны и без этого.

В этот момент Лоренцо, нашедший взглядом Каролину, наконец заметил развернувшуюся на всеобщем обозрении картину. Слышать он ничего не мог – слишком уж далеко от него стояла парочка, но в их общении и поведении Каролины явно ощущался флирт.

– Кто этот юноша? – спросил он у свата.

Луко посмотрел туда, куда указывал Лоренцо, и замер – так они не договаривались. Проклятый венецианец... Так нелепо показаться на всеобщее обозрение...

– Герцог да Верона, в этих масках можно с трудом кого-либо узнать. Вы жаждете знакомства? – Брандини выкручивался из ситуации как мог.

– Пока нет, но закрадываются подозрения, моя дочь совсем потеряла голову из-за этого кавалера. Герцогиня Патрисия, а не пора ли Каролине отдыхать? – спросил он подошедшую супругу.

Патрисия ощущала ясный упрек в свою сторону – дочь вела себя неподобающим образом.

– Я позабочусь об этом, ваша светлость, – произнесла Патрисия и направилась к младшей синьорине, оставив общение со старшей дочерью.

Изольда лишь удовлетворенно улыбнулась, словно ждала этого момента. Глупое семейство – они так надеются, что, став синьорой Брандини, она подобрела. Боже, какая чушь слышать эти восклицания! Она всем сердцем продолжала ненавидеть сестру, и все так же продолжала испытывать отвращение к отцу. Поэтому, когда она поняла, что Брандини замышляют нечто против герцогской семьи, то незамедлительно предложила свою помощь.

В какой-то момент Каролине казалось, что Адриано просто раздавит ее в своих объятиях и затмит окружающий мир таким желанным поцелуем... первым в ее жизни. Но вся эта иллюзия сокрушилась в свете облика хладнокровной Патрисии, внезапно представшей перед ее взором.

Каролина увидела матушку и, присев в реверансе перед Адриано, направилась к ней. Патрисия встретила ее строгим и порицающим взглядом.

– Даме на выданье нельзя столько общаться с мужчинами, а тем более флиртовать. Отец велел отправить тебя в комнату.

– Но как же, матушка? Еще ведь никто не покидал маскарад...

– Это не имеет значения. Тебе известно, что здесь другие порядки, более свободные, чем в Генуе. Немедленно отправляйся в отведенные тебе покои!

Каролине хотелось капризно завопить, затопотать ножками о пол и закричать: «Только не сейчас!». Но она сдержала в себе этот порыв и обернулась в сторону Адриано, чтобы попрощаться взглядом... И он ответил ей, но тут же отвел глаза, и она ясно почувствовала веющее от него сожаление.

– Как же так, матушка, спать ложиться рано, с кавалерами не общаться, а как же искать жениха? – расстроено, но, на удивление Патрисии, не требовательно произнесла Каролина.

– Об этом позаботится твой отец, милая! И поверь, что он найдет тебе достойного мужа, – строго произнесла Патрисия и повела дочь к выходу из зала.

Она лишь ощущала свою беспомощность: внутри нее давно рыдал навзрыд не имеющий права выбора ребенок, много лет претерпевавший пути вокруг своей души, так жаждущий иной жизни. И вот сейчас этот ребенок впервые ощутил себя женщиной, но и ей не суждено жить, а лишь существовать под привычным гнетом.

Он провожал ее взглядом, боясь потерять в толпе... Только бы она не оборачивалась! И только эта мысль посетила его затуманенную голову, как она обернулась и на прощанье одарила его легкой улыбкой. «Забери... укради... спрячь меня!» – молила ее душа, словно этот мужчина стал ее послед-

ней надеждой на спасение. Сильное сердце Адриано содрогнулось, с грохотом заглушая едва остывший от сопротивления сердцу разум. Нет, он ее не услышал! Каролина печально склонила голову и последовала за Патрисией.

Адриано смотрел вслед уходящей Каролине и не мог прийти в себя. Он с трудом мог понять, что сейчас произошло. Но одно он знал точно: этот случай мог обернуться роковой ошибкой... Если этого уже не произошло...

– Ты – безумец! – будто из пещеры услышал он голос Паоло. – Тебе известно, что ты привлек внимание, и твоей персоной заинтересовался Лоренцо да Верона? Брандини велел, чтобы мы незаметно исчезли через черный вход и отправились в гостиницу. Он прибудет туда после бала.

Адриано словно только пришел в себя.

– Дьявол...

– Не вспоминай нечисть, и так все неутешительно...

– Меня словно обухом огрели по голове... – растерянно произнес Адриано.

– Ты забылся, друг мой, – в голосе Паоло чувствовалась нотка упрека. – Ты представляешь, что будет, если он узнает, кто ты на самом деле?

Адриано только вздохнул и стиснул зубы, ощутив на себе все бремя мучительного поручения. На его лице напряглись желваки от мысли, что он мог все испортить по собственной глупости.

– Адриано, ты – сенатор Венеции, а тебя окрутила ка-

кая-то гонуэзская... – начал было возмущаться Паоло, но Адриано его перебил.

– Быть может, представишь меня публике? – с сарказмом отрезал он. – Так... громче... чтобы все оказались сведущи...

– Да, ты прав, лучше продолжить беседу в гостинице...

Они исчезли из миланского общества так неожиданно и в никуда, что те, кто знал об их прибытии, просто стерли из памяти их присутствие на маскараде.

" С ней ты всё потеряешь "

Адриано не желал обсуждать Каролину и произошедшее между ними, поэтому всеми силами старался заговорить Паоло. Однако тот был неутомим в своей жажде уговорить страстные и довольно странные влечения друга.

– Адриано, ты совершенно потерял голову! Тебе ведь известно, как ты рискуешь! Что сделала с тобой эта женщина?

– Я не увижу ее более, Паоло, можно закрыть эту тему, – произнес сухо Адриано.

– Ты ведь сам стремишься к встрече. Сможешь ли ты теперь отказать себе в общении с ней?

– А чем это «теперь» отличается от «вчера»? – спросил Адриано, желая всеми силами убедить Паоло, что подозрения друга в его влюбленности абсурдны и беспочвенны.

– Вчера о ней ты думал меньше, чем сегодня, – усмехнулся Паоло, видевший насквозь Адриано со времен их совместной службы. – Мы ведь друзья. Некоторые вещи я вижу и без слов.

– Паоло, наше общение с синьориной невозможно в принципе. Это абсурдно, поскольку Генуя и Венеция, вероятнее всего, никогда не смогут стать даже союзниками... Надеюсь... Я не удержался, и в том моя вина, – в какой-то момент я ослабел и предался иллюзии, созданной нахлынувшим вождением. Я прошу тебя, дружище, не сомневайся в моей

преданности нашей республике и нашему общему делу. Ты ведь знаешь, что творится в моей душе, когда дело касается Венеции...

– Прости, Адриано, но у меня складывается впечатление, что это было до появления в твоей жизни этой женщины.

– Я говорю еще раз – наше общение невозможно! – повысил голос Адриано, словно убеждал не только Паоло, но и себя. – И я никогда не искал с ней встречи – идея Луко Брандини привела меня к этому случайно.

Какое-то время они сидели молча: Паоло ощущал нежелание Адриано более говорить на заданную тему. Они ожидали прихода Брандини, когда наконец-то раздался стук в дверь.

Адриано пригласил Луко в номер и предложил присесть. Тот был нахмурен, но не терял присущего ему саркастического чувства юмора, стараясь отпустить не совсем уместные для тематики их общения шуточки. Адриано и Паоло лишь сухо посмеивались в такт вылетающим из уст миланца репликам, хотя внутренне крайне желали поскорее покончить с этим безнадежным делом. Последние события предвещали провал, поэтому сенатор Фоскарини внутренне был готов к тому, что сделка не состоится.

– Я бы предпочел перейти к делу, синьор Брандини, – предложил Адриано, считая расспросы герцога о венецианских куртизанках абсолютно неуместными.

– Да, сенатор, – Луко сдвинул седые брови, словно настраивался на деловой разговор. – Вы говорили о нашем предло-

жении сенату?

– Само собой разумеется, иначе меня бы здесь не было, Луко, – улыбнулся Адриано. – Мне велено узнать о ситуации поглубже: Венеция не может что-либо ответить на имеющиеся в ее распоряжении скудные сведения для принятия такого важного решения.

– Адриано, сейчас я вам могу твердо сказать: мы продолжаем готовиться к захвату власти над Генуей. На сегодняшний день план мятежа разработан как нами, так и крестьянами. Я не считаю нужным в это вмешиваться с энтузиазмом, поскольку ненависть низших слоев в Генуе настолько сильна, что у меня нет ни малейшего сомнения в четкости их намерений. Когда план будет введен в действие, приблизительно на протяжении недели правительство Генуи будет использовать свою армию для погашения восстаний в нескольких регионах республики, расположенных друг от друга на достаточно далеком расстоянии. Чем сильнее будут силы восставших, тем больше солдат будет вовлечено в войну. Кроме того, какую-то часть стражи придется снять и с границ Генуи. Усилить восставших мы можем поставкой оружия, в чем, собственно говоря, Милан и надеется на Венецию. Если вы сможете и проконтролировать восстание со своей стороны, будет еще лучше и выгоднее для вас. Правда, мне пришлось сегодня скрывать вас от герцога да Верона, когда вы, сенатор, так открыто флиртовали с его дочерью.

Адриано внутренне негодовал, но внешне старался сохра-

нять спокойствие.

– Я не знал, чья это дочь, – соврал он.

– Полагаю, что это правда. Иначе это было бы нелепостью добровольно отдаваться в руки заклятого врага, – Брандини злорадно улыбнулся. – Что же, вполне может быть, что вы не зря познакомились с этой женщиной, Адриано, – произнес герцог. – Вам будет проще покончить с ней.

– Покончить? О чем вы говорите, синьор? – венецианец просто остолбенел от его слов.

– Не стоит так волноваться, сенатор, – хладнокровно произнес Луко. – Если вы примете активное участие в войне, то сможете получить большую часть торговых точек, которые были отведены Генуе после подписания мирного договора. Вам ведь они нужны?

– А зачем, простите, тогда вам Генуя вообще без этих экономически выгодных объектов? – изумился Адриано.

– Какую-то часть их мы оставим. Я вам говорил: нас интересуют земли. Помимо этого в Генуе располагается самый прибыльный порт из всех имеющихся в ее власти. Не забывайте и о прибыльных колониях державы... Их мы с вами распределим по-честному. Все, что преследует Милан, – это территория и люди. А обеспечить себя владениями можно только в случае, когда ими некому распоряжаться. В нашем случае надобно лишить хозяина и его наследников жизни. А вам необходимо будет проконтролировать убийство герцога да Верона и членов его семьи.

– И тогда? – задумчиво спросил Адриано.

– Убитые крестьянами аристократы будут преданы земле, а все могущественные владения герцога отойдут его старшей дочери Изольде. И таким образом Брандини сделают первый шаг на пути к завоеванию Генуи, а после подтянутся и все остальные.

– Как все четко укладывается в вашей голове... – оторопевший Адриано смотрел, будто сквозь собеседника. – Поразительно...

– Лоренцо да Верона – скользкий тип, лишенный чести, не следует его жалеть, сенатор. К примеру, в начале наших переговоров он обмолвился, что мой сын унаследует его титул герцога. Однако после свадьбы мерзавец уже завел речь о том, что на него будут претендовать два зятя – мужа одной и второй дочери. Так или иначе это привело бы к кровопролитию.

– Извольте, Луко, но это ваши неурядицы, причем семейные. К чему тут Венеция? И все же я не мог даже мысли допустить, что речь пойдет об уничтожении рода, – произнес Адриано, едва удерживая в себе негодование.

– Но это генуэзцы, друг мой, – весело отметил Луко. – Существует версия, что именно от меча людей Лоренцо да Верона был убит ваш отец.

Адриано с удивлением посмотрел на синьора.

– Мой отец... – его глаза растерянно забегали по комнате. В голове шумели беспорядочные мысли: «Что это – прав-

да или провокация?» Слишком невероятно, чтобы быть правдой.

– Я не смею брать на себя ответственность и утверждать это наверняка, – произнес Луко, надеясь посеять в душе Адриано семя жгучего желания уничтожить да Верона, – но я слышал об этом довольно много.

Он врал, но очень искусно. Фоскарини внимательно всмотрелся в глаза Луко, и его проницательность одолела очевидное лицемерие миланца.

– Я так понимаю, это и есть ваш план? – хладнокровно спросил Адриано, стараясь более не углубляться в тему.

– Да, мы должны ослабить державу, сразить власть нескольких патрициев и овладеть именьями. И все это одновременно с тем, как миланские войска зайдут на территорию Генуи.

– Бог мой, это целый заговор! – монотонно произнес Пало.

– Это война! – с гордостью в голосе поправил его Брандини. – И вам решать, принимать в ней участие или нет. Надеюсь, что вас заманит щедрое вознаграждение.

В Адриано вспыхнула ярость. У него создалось впечатление, что в планах миланцев Венеция фигурирует как исполнитель черной работы.

– Я передам ваши слова властям, синьор, – Адриано говорил быстро и четко. – Однако не могу вам пообещать того, что достопочтеннейшие министры и сенаторы пойдут на это

предложение.

– Вы главное поймите, Адриано, мы желаем сотрудничать с Венецией. Раздор и вражда нам не нужны, – говорил Брандини голосом, в котором звучала и фальшивая попытка оправдаться, и желание оставить добрые отношения. – Мы ведь две могучие державы, которые могут завоевать господство во всей Европе. Ну к чему нам эта мелкая и невзрачная Генуя, утратившая свою могущественность еще при Франции?

Адриано слышал в его голосе только скрытую ноту подлости, которую он сумел разоблачить. Он не верил ни единому слову Брандини.

– В любом случае я не имею права самостоятельно принимать решение, – твердо и однозначно произнес Адриано. – Но могу сказать, что мне лестно ваше доверие, Луко.

В его тембре голоса прозвучал однозначный отказ, и Брандини уловил его.

– Как изволите, – улыбнулся он и направился к двери. – До встречи, Адриано. Надеюсь, я вас ничем не смог обидеть.

– Ну что вы... – подыграл сенатор Венеции. – Вы, как всегда, любезны и щедры... До встречи, Луко.

– Хорошего вечера, – ответил тот, заключая Адриано в объятия.

Паоло посмотрел на друга и с сожалением сомкнул губы после того, как за Брандини закрылась дверь.

– Да, Адриано... Общение с этой синьориной явно не

пошло тебе на пользу. Это было лишним моментом в сегодняшнем вечере.

– Паоло, у тебя не создается впечатления, что сейчас есть тема для обсуждения и поважнее? – недовольно буркнул Адриано.

– А что тут обсуждать: при словах Брандини об убийстве объекта твоего вождения у тебя лицо стало серо-зеленого цвета?!

– Да как ты не понимаешь! Я не ожидал, что нас ввяжут в эту грязь, – произнес тот. – А ты ожидал?

– Нет. *Dolus an virtus quis in hoste requirat*⁵?

– Ты витаешь в облаках. Адриано, что с тобой? За какие-то два часа ты сошел с ума... – Паоло уже не возмущался – он был просто поражен.

– Я не знаю, Паоло, такое впечатление, что мне отрезали голову, – я совершенно не слышу своих мыслей, – произнес Адриано, задумчиво потирая лоб.

– Я видел тебя с куртизанками! Мне доводилось лицезреть тебя в обществе венецианских дам, – ты мог сразить сердце любой женщины. Но, чтобы сразили тебя, прости, друг, но это нечто несуразное...

Адриано молчал. Что он мог ответить, если в один вечер он лишился сам себя, – все, что до этого существовало вокруг него, просто потеряло смысл. Но почему? Из-

⁵ «Кто станет разбирать между хитростью и доблестью, имея дело с врагом?» (лат.) – Вергилий, «Энеида».

за нескольких мгновений общения с абсолютно незнакомой ему женщиной?

– Это какая-то нелепость, – сдавленно произнес Адриано и отхлебнул из бокала глоток вина.

– Вот именно! – воскликнул Паоло. – Это наваждение, скорее, вызвано большим количеством информации, усталостью... Я н-н-не знаю, что еще может быть...

– Паоло, я на войне был всего раз, но ты сам знаешь, сколько мы выдерживали на ногах во время сражений. Разве это усталость?

– Адриано, помни одно: ты не должен позволять женщине влиять на себя. Тебе нужно принять решение, и она не должна никоим образом отразиться на нем.

– Паоло, здесь речь идет не о женщине! Ты, как советник, должен знать: Большой совет, сенат да и все правительство нашей республики никогда не пойдет на заказное убийство и непосредственное участие в этой битве. Нам нет резона! Эта война не наша – тут ведь и так ясно! К тому же я утратил надежду на порядочность миланцев. Окончательно!

Адриано задумчиво смотрел в окно и жадно отпивал вино из бокала.

– Но... я надеюсь, ты не думаешь о том, чтобы вмешаться в эту схватку между да Верона и Брандини...

– Я здесь бессилен и никому ничем не могу помочь, – произнес твердо, но с каким-то сожалением в голосе, Адриано.

Паоло находился в не меньшем смятении, чем его друг, –

такого поворота никто не ожидал, но более всего его изумляло такое неуместное вмешательство женщины.

– Адриано, – осторожно произнес Дольони, пристально глядя на друга, – ты же понимаешь, что с ней ты потеряешь всё...

– Теперь я понял, что ничего не имею, – с ухмылкой произнес он.

«А с ней я могу это «всё» обрести», – закончило фразу сердце.

Паоло чувствовал, что закипал. Речи Адриано были безрассудны, а его преданность Венеции теряла всякий смысл перед обликом незнакомой женщины.

– Адриано, она – гражданка Генуи! – сквозь зубы процедил Паоло.

В этот момент он увидел, как тот тряхнул головой, решительно допил вино и с грохотом бросил бокал в закрытую дверь.

– Чертовы миланцы! Я так и знал, что только попусту трачу время на их бесполезные предложения. Им изначально нужно было одно – наша поддержка. А потом они развязали бы войну и против нас, мы даже опомниться бы не успели. Мерзавцы...

Паоло испуганно посмотрел в окно, опасаясь, что их могут услышать с улицы. Затем он продолжил наблюдать за сенатором.

– Зачем я вообще ввязался в эти переговоры? Здесь из-

начально дело пахло весьма неприятными последствиями... Нужно ехать в Венецию, немедленно поведать о бессмысленности затеи и заниматься внешней торговлей. У меня еще курс на Ливорно планируется, на переговоры о сделке.

Паоло ошалел! Только что сидевший Адриано и терзающийся чувствами к женщине воспрял духом и адекватно заговорил о делах!

– Значит так, Паоло, забываем обо всем лишнем, что сегодня произошло. На рассвете отправляемся домой. Необходимо решить много вопросов.

– Вот! Вот мой отважный и разумный друг! – весело хлопнул его по плечу Паоло. – Прекрасно, Адриано. Тебя не может свести с ума женщина! Я верю в это!

– В моем сердце нет места для женщины, – хладнокровно произнес Адриано, как будто до этого ничего особенного не происходило. – Им владеет долг перед Венецией.

Она лежала в темноте с открытыми глазами и бесцельно смотрела в потолок, на который падали холодные лучи лунного света. Единственное, о чем она жалела в этот момент, что не узнала имя человека, который смог похитить ее сердце. Оно бьется? Она прислушалась. О, да! Оно барабанит! Но порой казалось, что она не слышит его.

Но она ведь ничего о нем не знает! Не удалось толком даже не рассмотреть черты его лица. Почему-то до боли знакомые черты... Возможно, она видела его в своих снах? Или

рисовала в грезах, когда мечтала о любви? Да нет же, это наверняка тот самый синьор, с которым она общалась у газебо... Но как же можно быть в этом уверенной, если обе встречи проходили у них за завесой тайны?

Ей незнакомы и непонятны чувства, которые насыщали ее сердце и теребили трепещущую душу. Что за мужчина? Она чувствовала, как внутри нее нечто кружилось всё в том же танце рядом с потрясающим незнакомцем. Ах, как же она хотела сейчас вернуться в тот самый момент – момент неведомых ей бурных и невероятных чувств! При этих воспоминаниях внутри нее словно образовался какой-то огненный ком, тут же превратившийся в ледяной поток, окативший ее тело с головы до пят.

От этого мужчины исходила потрясающая волна безудержных чувств. И ей, Каролине, они прежде были незнакомы. Неужто эти ощущения и есть то, о чем так много изречено в читаемой ею книге о венецианцах? Неужто это и есть та чувственная страсть к мужчине, сковывающая тело и завораживающая разум? Неужто ей довелось испытать это, и на этом все закончится? Причем так же внезапно, как и началось.

В мечтательном порыве Каролина встала с постели и подошла к окну. Луна спряталась за небольшое облачко, проплывавшее мимо нее, а вот звезды продолжили мерцать на небесном покрывале, словно перешептываясь между собой. Каролина настырно не хотела выпускать из памяти то-

го незнакомца и снова мысленно ощутила его прикосновения к ее руке, близость его сильного торса. Ее вновь окатила незнакомая легкая дрожь и, чтобы немного успокоиться, она закружилась вокруг себя, повторяя ритм танца, который они танцевали вместе. Ее сердце радостно трепетало, купаясь в сладких воспоминаниях такого чувствительного момента в ее жизни.

Как ни старалась Каролина стереть из памяти образ незнакомца в маске, стоящий перед ее глазами, словно исчезающее видение, но он упорно продолжал терзать девичью душу. Ее сердце отчаянно желало встречи... еще одной... хотя бы мимолетной...

Неведомость имени, происхождения, да и попросту скудные представления о его внешности заставляли синьорину прийти в отчаяние от неизвестности. В глубине своей души, пребывающей в смятении, она смела полагаться лишь на то, что он сам сумеет найти ее когда-либо. И еще более нахально она рассчитывала на то, что он осмелится прибыть во дворец ее отца, чтобы вновь увидеть ее... Но день за днем, оставаясь наедине со своими мечтами, Каролина все больше убеждалась в наивности своих надежд.

И что истинно удивляло юную синьорину: она обнаружила в себе явные перемены во взгляде на всех мужчин в общем и на каждого в отдельности. Встреча с незнакомцем перевернула в ней все представления о том, что представлял собой каждый представитель сильного пола. И сейчас она по-

нимала, что прежде об отношениях с мужчинами не знала ничего...

И именно по причине этой неосведомленности ранее она никак не могла надеяться встретить того самого, который сможет оказаться настолько нужным, что ей придется едва ли не задыхаться от этой нужды. Тогда Каролина грезилась о любви, но понятия не имела, что это чувство способно собою затмить само солнце и раскрыть смысл собственного существования. Сейчас она не могла быть уверенной, что испытала чувство любви в полной мере всем своим существом. Но она свободно могла признаться, что само солнце молодой человек уже затмил. И теперь ее изводила уверенность, что именно обладатель таинственной черной маски достоин девичьего сердца, так жаждущего любви.

Воспаря в небеса от переполняющих ее мыслей, Каролина продолжала грезить и наделять объект своего вождения невероятными достоинствами. И самое главное предчувствие, которое не покидало ее с того самого момента, как они встретились, – это уверенность в том, что тот самый синьор способен на любовь. Каждый миг их общения, его легких и даже несмелых прикосновений говорил лишь о том, что он всей душой готов преклоняться перед ней во имя продолжения их общения! Она и не могла думать иначе: разве невинной душе могли быть известны мужчины, умеющие искусно околдовывать женщин во имя личных целей?

Любознательность юной синьорины просто не давало ей покоя. Неужто вся замужняя жизнь и впрямь походит на заочение? И все дамы берут на себя эту непомерную ношу? Так, как это сейчас делает Изольда. Уж она-то будет примерной женой. Но неужели ее не угнетает эта отчужденность от жизни? Она ведь, словно кукла, которую посадят – она сидит, поставят – она стоит, на ней будут рвать волосы, ломать ей руки, ноги – и она будет молчать. И Изольда будет молчать, во всем слушаясь своего мужа.

Каролина с детства слышала о том, что женщина подлежит мужской тирании: сначала строгости отца, потом не меньшей строгости мужа. Любая попытка выйти за отведенные ей обществом границы не поощрялась. А эта необходимая черта, как скромность в характере женщины, отсутствие стремления бывать в обществе, а также блистать умом, вмешиваться в политику? Нет, женщина должна довольствоваться четырьмя стенами, устраивать уют у семейного очага, рожать и воспитывать детей.

Каролина отчаянно тряхнула головой, словно отгоняла от себя страшный сон. Ей нужно придумать что угодно, только бы избежать всего этого. Разве может она, свободная сейчас, словно птица, позволить запереть себя в тесной клетке? Вспомнились слова матери, которыми она утешала дочь в тот вечер, когда они с Изольдой поругались. Тогдашняя фраза Каролины: «Я выйду замуж только по любви!» – принуждала юную синьорину к ответственности за громкое обещание.

Ей необходимо сделать все, чтобы выйти замуж за желанного человека! Даже более того, что есть в ее силах!

Тогда она и предположить не могла, что ее страстное желание, полное чувства и воодушевления, словно белоснежная птица, взметнулось ввысь...

"Ох, если бы знал об этом герцог..."

В очередной раз, пользуясь моментом отсутствия отца, Каролина незаметно проникла в библиотеку и вернула на свое место «Фьяметту». С того самого дня, когда она впервые позволила себе тайком посетить эту библиотеку, число прочитанных ею изданий непрерывно росло. И лишь одна рукопись не давала синьорине покоя, однако, она никак не решалась ее взять. Ведь Каролина знала, что эта книга – не просто красноречивый роман о чувственности. Судя по картинке на обложке, она таила в себе столько откровенности, сколько синьорине еще не приходилось познавать. Причем откровенность эта была не столько плотской, сколько душевной. Каролина ясно чувствовала, что, прочитав рукопись, ей станет известно множество вещей, которые смогут пригодиться ей в будущем.

Ее рука, словно по велению волшебства, сама потянулась к толстому переплету и достала тяжелую книгу. Красивая дама на обложке, с оголенными плечами, закрывшая глаза от упоительного поцелуя мужских уст, уже свидетельствовала о порочном содержании, но... именно этим она манила невинный девичий разум.

«Пороки и величие венецианцев» – эта рукопись не раз попадалась синьорине в руки, но осмелиться прочитать ее она никак не могла. Сейчас Каролина посчитала, что уже

просто не в силах терпеть угнетающее любопытство. Она знала, что эта книга не просто запретна для ее глаз и сердца, – она есть символ предательства для ее отца, таившего к венецианцам лютую ненависть.

Поглощенная разгоряченным желанием вникнуть в происходящее за этим толстым коричневым переплетом, девушка присела за стол в комнате, где проходили ее уроки, и всем сознанием погрузилась в чтение книги.

Открывающийся перед ее глазами новый мир породил какие-то странные чувства. Неизвестный автор раскрыл полностью жизнь венецианских дам, в которой Каролина заметила столько сходства с гемуэсками. Но наиболее насыщенной ей виделась жизнь куртизанок: от беспечных веселых дней, проведенных на раутах, за свободным чтением книг, в дискуссиях и спорах с верховенством власти в области интересов, представляющих политику и экономику, до жарких, страстных ночей в постели с любовниками разного статуса и возраста. И при этом жизнь каждой из трех героинь раскрывалась не только со стороны плотских утех, низменных желаний и греховности. За всем этим стояли истинные причины выбора неподобающего образа жизни: нищета, жажда избежать монашества, сокрытие от мужа-деспота.

На удивление Каролины, в Венеции уже прошло время, когда куртизанки ассоциировались с грязью и ничтожностью – в республике становился популярным образ «почтительной куртизанки», который в какой-то степени даже прини-

мался ее властями. Каким бы ни был образ венецианской проститутки, с одной стороны, ее признавали распутницей, с другой – интеллектуалкой.

Теперь Каролине становилось понятно, отчего мужчины так стремятся развлечься с куртизанками, игнорируя при этом верных жен-домохозяек. Это не только плотское удовольствие, но и желание получить от женщины то, чего невозможно получить от супруги, – всестороннего общения.

Ведь и мужчин заковывает в кандалы современный уклад общества. Какой юноша не захочет жениться на желанной девушке, а не по велению родителя, который ищет исключительно свою выгоду от брака сына? Но постепенно этот самый юноша невольно превратится в отражение собственного отца, жаждущего большего достатка и процветания своей династии.

Когда Каролина дошла до момента откровенного описания близости куртизанки с одним из патрициев Венеции, она почувствовала легкий холодок, пробежавший по телу, и мгновенно захлопнула книгу. Тяжело дыша, волнуясь за познание неизвестного, она теперь не решалась снова распаковать издание.

Поглощаясь ранее чтением о платонической любви, она прежде не могла даже предположить, что между мужчиной и женщиной, помимо признаний в любви и вечерних прогулок, может произойти нечто подобное. Для Каролины это была неизведанная тайна. Ведь ни мать, ни кто-либо из дру-

гих родственниц не имел права объяснять девушке, что происходит в брачной постели между молодыми, ибо даже познание это разумом считалось великим грехом для невесты, порочащим ее невинность.

Осторожно, словно опасаясь собственных рук, Каролина открыла книгу и нашла то место, где закончила чтение. Стыдясь и краснея своих познаний, она ощущала смятение, прежде всего от восхищения, имевшего наглость зародиться в ее душе. Восхищения тем самовольством и дерзостью, которую имели куртизанки в своем развязном поведении.

Но самое главное, что существует у этих женщин и чего нет у истинной дамы, – это выбор. Выбор желанной свободы, украденной мужской властью. Выбор желанного мужчины... И даже такая чепуха, как выбор книг на полке.

Теперь у нее не оставалось сомнений, что в этом мире все же существует возможность не стыдиться своей образованности. Правда, способ получить доступ к желанным благам через развратный образ жизни для нее являлся постыдной крайностью, на которую Каролина полагала себя не способной. Однако ей так хотелось достичь этой грани свободы с безволием, дабы хоть на миг насладиться ощущением птичьего полета – необъятного простора, вольномыслия и легкости.

Постепенные выводы, которые зарождались в кипящих мыслях Каролины, превращались в навязчивые устремления, словно ставившие перед ней развязанные цели. Ох, ес-

ли бы знал об этом герцог, то уничтожил бы все книги, находящиеся в его библиотеке. Да-да, непременно разжег бы огромный костер среди двора и проклял все издательства.

Открывающаяся дверь заставила Каролину подскочить. Она только и успела спрятать книгу за спину и возмутиться на себя: как можно было забыть замкнуть двери? В дверях появилась удивленная Палома, не понимающая, что может делать здесь ее хозяйка в это время. Каролина облегченно вздохнула, радуясь, что это не матушка. Однако ее ноги подкашивались от страха за раскрытие своей тайны.

– Синьорина Каролина, извольте ответить, что заставило вас посетить эту комнату?

– Я... искала Псалмы, – ее голос предательски дрогнул.

– Что вы такое говорите? – насмешливо протянула Палома и уставила руки в боки, прекрасно понимая, что синьорина явно обманывает ее, – стало быть, что-то замышляет. – А ну-ка признавайтесь мне, иначе расскажу все герцогу!

– Но я ведь ничего не натворила... – взмолилась та.

– Знаю я такое выражение ваших лукавых глаз, – произнесла Палома и принялась заинтересованно всматриваться за спину, где Каролина прятала свою книгу. – Что у вас в руках? Сию же минуту покажите мне!

Каролина решила, что лучше показать Паломе издание, иначе она и в самом деле все расскажет отцу. Девушка медленно, с очевидной робостью, перевернула книгу обложкой кверху, на которой красовалась злополучная картинка, и, за-

метив покрасневшее от возмущения и стыда лицо своей кормилицы, мгновенно спрятала ее опять.

– Что за книга? – удивилась Палома и, с трудом выхватив ее из рук госпожи, осмотрела обложку. – Синьорина... Каролина... О, милостивый Господи! О, Иисусе Христе! – она задыхалась от возмущения, время от времени хваталась за сердце и крестилась с невероятным страхом на лице, словно отгоняла нечистую силу. – Откуда у вас... книга. Да еще и... эта. Боже... Здесь ведь... полуголая девица...

Каролина испугалась за падающую на диван кормилицу и подхватила ее полные руки, которые всегда ей казались такими мягкими, как сдобное тесто в кастрюлях повара.

– Палома, что с тобой? Тебе дурно? Нужно кого-то позвать... – Каролина бросилась к дверям, но крик Паломы ее остановил.

– Нет! Его светлость убьет меня, когда увидит у вас эту распутную... книгу. Какой ужас! Какой позор, синьорина! Мне конец! Каролину выводили из себя причитания и напрасные слезы Паломы, и ее жалобное выражение лица изменилось на разъяренное.

– Не ной, Палома, ничего страшного в этом нет. Неужели я не имею права узнать сейчас то, что все равно когда-нибудь узнаю? – ее возмущенный тон заставил кормилицу немного успокоиться. – Не причитай, Палома, умоляю тебя.

Но та только со страхом смотрела на книгу, которую Каролина не выпускала из рук.

– Вы представьте, что сделает со мной герцог, когда узнает...

– Но ведь он может остаться в неведении, – промолвила с улыбкой синьорина.

– Вы предлагаете мне лгать? – возмутилась кормилица.

– Ну что ты? Я предлагаю побережь его сердце и свою участь. Ну не говори ничего отцу, Палома! – взмолилась Каролина. – Я ведь живу этими книгами...

– И сколько же вы их уже прочитали? – спросила Палома и тут же пожалела о своем любопытстве. – О нет... нет... не говорите мне, синьорина, иначе я сойду с ума...

– Много, поверь мне, моя дорогая. Но отец не знает об этом, и я сделаю все, чтобы не узнал.

– Не берите грех на душу, синьорина, – умоляла Палома со слезами на глазах. – Бросьте эти занятия, порочащие вашу душу.

– Не причитай, ради Бога! Не узнает об этом отец! Молчи, и не узнает, – тихо произнесла Каролина и помогла подняться Паломе. – Ну вот, а теперь успокойся и занимайся своими делами...

– Как же я вас не доглядела, синьорина? – снова зарыдала Палома и закрыла лицо руками.

– Все, не хнычь, – спокойно велела Каролина и спрятала книгу в юбках своего платья, поддерживая ее с внешней стороны.

И хорошо, что под юбками надежно затерялась.

– Вот и все, Палома, обрати внимание, книгу совсем незаметно. А теперь идем, я тебе помогу. Вот видишь, как все хорошо.

– Не выроните книгу из-под юбок, синьорина, – тихо прошептала Палома, вытирая набегающие слезы.

– Ну, как я могу, дорогая? Это и в моих интересах тоже. Каролине казалось, что она успокаивала плачущего ребенка, но кормилица быстро уgomонилась, и, к счастью, на их пути более никто не встретился.

Удивительно, но напуганная до смерти кормилица даже и не подумала о том, что может заставить синьорину вернуть книгу на место, и поэтому Каролина усиленно заговаривала ей зубы, чтобы та поскорее оставила ее в покое. Насколько бы распутной эта книга ни была, Каролине хотелось знать обо всем, что творится в этом мире за пределами ее невинного сознания.

"Вы мне не неприятны. Вы мне безразличны"

– Каролина, сегодня нам нанесет визит виконт Альберти, – услышала она сквозь свои грезы эхо материнского голоса. – Он присоединится к нам за обедом. Приведи себя в порядок: ты обязана подобающе выглядеть.

Она повернула голову в сторону Патрисии, но смотрела, будто сквозь нее. Вот она, суровая действительность! И матушка также жаждет выдать ее замуж за этого виконта, которого Каролина ненавидела всем сердцем. Но сейчас ей не хотелось перечить.

Ничего не говоря, синьорина уложила полотно с вышитыми ею узорами и покорно прошла в свою комнату, чтобы прихорошиться перед приходом гостя. Палома тут же последовала за ней.

Патрисия взяла полотно Каролины и внимательно рассмотрела его. Неприятие дочерью рукоделия для нее далеко не было секретом, поэтому небрежность в вышитом рисунке явно вырисовывалась. Но еще, что четко смогла рассмотреть Патрисия, – это виднеющаяся среди множества посторонних и абстрактных узоров карнавальная маска...

Сидевший напротив виконт Джованни пытался произвести впечатление на всех членов семьи да Верона либо оказаться полезным – его каждый визит сопровождался каки-

ми-то нелепыми рассказами или важных новостях. Но в его речах Каролине слышались только льстивые комплименты и фальшивое желание угодить, дабы быть одобренным Лоренцо и Патрисией. Герцога такое поведение будущего графа устраивало и даже несколько забавляло. Герцогиня Патрисия лишь изредка улыбалась на его глупые шутки, но Каролина прекрасно замечала, что матушка приветствует Альберти. Только ей, самой Каролине, он почему-то казался самым противным и невыносимым из всех мужчин, которых она знала.

Чем вызвана эта неприязнь? Возможно, в первую очередь тем, что брак с виконтом пытались навязать ее непокорному сердцу! А возможно, и тем, что Джованни в ее глазах продолжал оставаться таким вот слащавым мальчишкой: даже его торс, невзирая на уроки боевого искусства, которые он регулярно получал от лучших мастеров, продолжал оставаться худощавым, и тяжелая серебряная кираса смотрелась на виконте как-то нелепо.

Каролине вспомнился Маттео. Пусть его возраст несколько уступал возрасту виконта, но крестьянин выглядел куда мужественней. Маттео обладал средним по своему сложению телом, однако на его крепких руках ясно прорисовывалась рельефность мышц. А в его сероглазом взгляде Каролина всегда замечала блеск доблести, отваги, решительности, которые в Джованни Альберти вымещались хитростью, малодушием и коварством. Тогда как Маттео выгораживал Ка-

ролину, убеждая людей герцога в том, что она презирает их компанию и обходит стороной, Джованни ябедничал Лоренцо, что та ведет себя неподобающим образом.

«Поразительно, почему я думаю об этом?» – пришло в голову Каролине, которая ранее не задавалась подобными вопросами. А все потому, что встреча с удивительным мужчиной продолжала нести свое отражение во всех и всем, что ее окружало.

– Герцог да Верона, – обратился Джованни к Лоренцо ближе к окончанию трапезы, – могу я осмелиться попросить у вас позволения на прогулку по саду с вашей дочерью?

У Каролины похолодели конечности. Каков наглец: он даже не удосужился спросить мнения у нее еще до самого ужина. Разумеется: разве ему нужно ее согласие, когда герцог непременно все ему позволит?

– Несомненно, виконт, – ответил Лоренцо, и на его лице проскользнула одобрительная улыбка. – Полагаю, что сама Каролина будет не против такого предложения. Я прав, дочь моя?

Она ясно ощущала в голосе отца нотку какого-то подвоха и подняла голову. Мельком синьорина заметила строгий взгляд матушки, означающий «не смей противиться».

– Бесспорно, отец... как изволите, – пролепетала Каролина и снова опустила свой взгляд на стол, где стоял поднесенный подданными свежий десерт.

В ответ на томное согласие Каролины Лоренцо наигранно

рассмеялся.

– Ну что ты, милая Каролина? Это не приказ! Ты вправе от казаться.

Но она прекрасно понимала, что отказ мог повлечь за собой массу неприятных событий. И покорно склоняла голову перед тем, чего от нее негласно требовали.

– Я согласна, отец, – она натянула улыбку до самых ушей и мельком посмотрела на Джованни.

– Прекрасное платье, – произнес Джованни, подавая руку Каролине, когда она выходила из кареты.

– Оно вас благодарит за комплимент, – довольно резко ответила она на такую скупую похвалу виконта.

– Простите, синьорина, – поправился Альберти, ощущая неловкость за неправильно сформулированную речь. – Вашей красоте очень импонирует этот наряд.

– Благодарю, Джованни. А вот эти слова были скорее адресованы мне, чем моему платью, – она ехидно улыбнулась и горделиво прошла мимо него.

– Мы могли бы отправиться в центр, если вам угодно, – предложил виконт, рассчитывающий на более длительное путешествие с прелестной синьориной. – Могли бы полюбоваться дивной родной архитектурой, площадью, съездить на побережье ближе к порту...

– Ох, виконт Альберти, – томно вздохнула Каролина, – не следовало приглашать меня на прогулку, когда вам нужно было в город по делам.

– С чего вы так решили, всемилостивейшая синьорина? – изумился тот.

– С того, любезный виконт, что прогулка по шумному городу, архитектурой которого я насладилась вдоволь за всю свою жизнь, не смогла бы принести усладу. Городские стены и скопление строений будто сжимают мою душу меж камней. А в порту? Бог мой, вонь и суета – вот и вся прогулка.

Виконт гневно сцепил зубы, – ей невозможно угодить, любое его слово она расценивает, словно пустой звук, если вообще не оскорбление.

– Разве можно прогулку по городу, созданному человеческими руками, сравнить с этим художественным шедевром самой кисти Всевышнего?! – восхищенно выдохнула она, оглядывая с высоты холма близ церквушки Санта Марта окружающее их великолепие просторов.

Морское побережье республики насыщалось поразительной живописной красотой, которой могли обладать лишь едва тронутые пригородные местности. Вначале лета в пейзаже этих краёв преобладало буйство красок от фиолетового до красного цвета, словно природа изливала в себе истинную радугу. Цветы благоухали, не успев еще испытать на себе беспощадность солнечных ожогов, а зелень била в глаза, словно одурманивая своей сочностью. Вдали виднелся морской бирюзовый горизонт в соитии с нежно-голубым небом. Несколько купеческих кораблей по изящно ровной линии горизонта направлялись в генуэзский порт, находившийся в

нескольких десятках миль отсюда. Прекрасные, дивные генуэзские берега...

– Прекрасный день, не так ли? – произнес Джованни, с улыбкой поглощающий взглядом прелестный стан своей спутницы.

– Солнечный – да, – ответила та довольно сухо, – но вот прекрасный ли...

Джованни прекрасно знал о неприязни Каролины, но он принимал ее нелестные высказывания в свой адрес за неумелый женский флирт.

– Простите, синьорина, я испортил вам день? – прямо спросил виконт и остановился, ожидая, что Каролина последует его примеру и посмотрит ему в глаза.

Но она продолжила идти, словно не замечая порывов виконта лицезреть ее анфас.

– Не обольщайтесь, виконт Альберти, вы не испортили мне день. Мне пришлось давно свыкнуться с вашим частым присутствием в наших владениях. Но вот предложением прогуляться по парку, буду откровенной, я поражена.

В разговоре она даже не думала поворачивать голову в его сторону, поскольку ей этого просто-напросто не хотелось. Он внутренне сходил с ума от бешенства – такого неэтичного поведения виконт не ощущал себя достойным.

– Вы не желаете присесть на скамью, любезная синьорина? – спросил он и пригласил Каролину присесть возле аккуратно стриженных кустарников рододендрона, цветущих

ярко-сиреневыми цветами.

– Отчего нет? Благодарю, виконт.

Джованни не стал присаживаться, а лишь остановился напротив нее, чтобы посмотреть ей в глаза во время беседы.

– Почему вы обращаетесь ко мне по званию, Каролина? – спросил он, ощущая, как титул непрестанно режет ему ухо.

– Чтобы вы помнили о своем положении, – ответила она и посмотрела в его глаза испепеляющим взглядом.

Все время, проведенное рядом с Джованни, Каролина пыталась найти в нем хотя бы маленькую частичку сходства с незнакомцем, которого она встретила на благотворительном вечере в Милане. Но, чем больше она в него всматривалась, тем большее разочарование постигало ее. Хоть Джованни Альберти и слыл в Генуе довольно завидным мужем – с богатым приданным и внушительным именем, – Каролина не могла найти в нем достоинств, которые смогли бы покорить ее. Ведь в нем отчаянно проявлялись те качества, которые синьорина презирала в своем собственном отце: скупость, сухость, жесткость.

– Прошу простить, прекрасная Каролина, но я дерзну задать вам прямой вопрос: чем моя персона вам так неприятна? – спросил Джованни, которому порядком надоели колкости синьорины.

– Вы мне не неприятны, виконт. Вы мне безразличны.

– И все же... Мы знакомы с самого детства, но я так и не удосужился получить от вас хотя бы скудную горсть уваже-

ния из обширной плантации вашей неумемной души.

Каролина прекрасно понимала, что обманывать Джованни нет смысла, поскольку он не так глуп, как ей хотелось бы.

– Полагаю, виконт Альберти, моя неприязнь по отношению к вам, скорее, вызвана вашим нежеланием познавать душу человека. Вы – материалист, вас интересуют те вещи, которые чуждо принимать моему сердцу прежде всего остального...

– Должно быть, этому вашему сердцу ближе крестьянин по имени Маттео? – с иронией спросил виконт.

– Любой простолюдин способнее на чувства, чем большинство представителей дворянской знати, – промолвила Каролина, невзирая на саркастические замечания Джованни. – Обратите внимание, что там, где нет денег, способна существовать духовность.

– Как по мне, так жизнь без денег ничтожна и бессмысленна, – ответил Джованни, и Каролине показалось, что половину из сказанного ею тот совершенно не услышал.

– Без денег жить и впрямь нелегко... – отвечала она. – Но не невозможно. Но можно ли жить без души?

Виконт зашел в тупик: Каролина взрослеет не по годам. Подобные речи ему ранее не приходилось слышать ни от нее, ни от иных знатных дам.

– Можете не утруждаться, Джованни, в поисках ответа на мою фразу. В конце концов, вы имеете право на личное мнение...

С этими словами она поднялась со скамьи, желая направиться к повозке для того, чтобы вернуться в палаццо да Верона, но Джованни стал на ее пути, не позволяя сделать более и шага. Устремившись своим взором в его глаза, она прочитала в них самолюбивую надменность, жаждущую сдвинуть женское сердце в своей власти.

– Каролина, ты же прекрасно понимаешь, – начал виконт и с наслаждением заметил, как из ее глаз едва ли не посыпались искры от гнева на его бестактность, – что в скором времени твой отец даст согласие на нашу помолвку и тогда, можешь мне поверить, церковь нас свяжет узами брака до конца наших дней.

Она ощутила, как его тело, словно в нетерпении, приблизилось к ней, а уста на ушко нашептывали ей странные речи, воспалявшие в ней еще большую ненависть. И только ком, подошедший к ее горлу, не позволял вымолвить и звука. Ее душили набегающие слезы от осознания того, что все сказанное виконтом может оказаться правдой, но она молчала, дабы не сорваться.

– И после свадьбы будь готовой к тому, – продолжал шептать ей озлобленный Альберти, – что ты будешь выполнять мои прихоти. И можешь мне поверить: любое пренебрежение моими желаниями с твоей стороны будет подлежать моему наказанию. И тогда жизнь в родительском доме тебе покажется раем.

Она ощущала в каждом его слове устрашающий гнев, ко-

торый испускался из него, словно огнедышащее пламя. В этот самый миг ей вспомнился тот огонь в глазах ее таинственного незнакомца на балу, казавшимся ей очагом заботы и нежности. Она смело посмотрела в глаза этому исчадию ада.

– Прошу простить, любезный виконт, но не рано ли вы дали волю своим фантазиям? – с напускной усмешкой произнесла она. – Такому вот грозному и властному, за все время нашего общения вам, Джованни, так и не довелось узнать мою внутреннюю сущность. Так вот, эта самая моя внутренняя сущность хочет обратиться к вашему благоразумию с такими словами: если ваша милость посмеет в будущем причинить мне боль, можете не сомневаться, что во мне довольно презрения и коварности, чтобы отблагодарить вас достойным возмездием. И тогда вам придется жалеть об этом до конца своих дней, – в ее голосе он ощущал ясную ненависть, которую она готовилась выплеснуть из себя, словно кипящую лаву из бурлящего вулкана. – Возможно, я не сумею ответить вам действием, поскольку моя физическая сила в сравнении с вшей – капля в море. Но вот что касается хитрости, то простите, друг мой, – это удел не мужского разума, а женского. И применяя это орудие в своих целях, я заставлю вас жалеть о каждом шаге, сделанном против меня.

В последний момент его глаза пронзила ослепляющая искра презрения, и бесстрашному виконту стало не по себе. Все же он попытался удержать в себе порывы продолжить

дискуссию.

– Не смейте провожать меня в имение! – приказным тоном произнесла Каролина, даже не оборачиваясь к виконту на прощанье.

Джованни не стал настаивать: подобное общение не оставляло в нем ни малейшего желания для продолжения беседы. Он лишь довел Каролину к экипажу, вручив ее под ответственность извозчику да Верона, и отправился восвояси.

"...когда она пребывала на грани между двумя мирами..."

Адриано сжимал лист с коряво и безграмотно выведенным содержанием: «Мне известно о вашем несостоявшемся участии в заговоре. Нам удалось разоблачить намерения миланцев. Решено начать без них и незамедлительно. Просим поддержки у Венеции. Через 10 дней, в четверг, за три часа до заката солнца. В случае согласия ожидаем вашего прибытия в среду ночью. В случае успеха обещаем республике достойное вознаграждение колониальными землями. Маттео Гальди».

Признаться, это письмо стало для сенатора Фоскарини настоящей неожиданностью, повлекшей за собой ошеломление и растерянность. Отчего крестьяне торопились с мятежом, отказавшись от первоначальных замыслов? Что подвигло их на отчаянный шаг, влекущий за собой неизбежный провал? Желание сразить неожиданно, молнией с безоблачного неба? Охраняемую стражниками герцога территорию палатцо и приусадебные участки внезапно, возможно, они и возьмут. Но каким оружием? Что за ребячьи глупости?

Хотя... очевидно, что генуэзские крестьяне оказались не настолько наивными, чтобы безоговорочно довериться миланской знати, и, вероятнее всего, решились действовать са-

мостоятельно. Только вот... довольно странная просьба о поддержке Венеции... Смекалистый юноша Маттео все-таки сумел выяснить о «несостоявшемся участии» венецианцев в этом заговоре. Мальчишка Леон наверняка проговорился об их договоренности, а более грамотные поняли, что разболтали информацию чужакам-венецианцам. А это не есть хорошо... И все же они просят поддержки – странное дело... Какой-то здесь существует подвох.

Провал крестьянского мятежа без поддержки более влиятельных персон вполне очевиден, а упрямство бедняков просто изумляет! Адриано приходилось видеть их план... ущерб государству будет нанесен и без участия кого-либо со стороны – это очевидно. Однако крестьянам явно не хватало оснащения – слишком мало оружия, чтобы одержать победу.

Но все это его мало занимало. Все это в его глазах – лишь опасность, витавшая над палаццо Каролины. О, нет! Неверное суждение. Опасность витала над ее жизнью! И это как раз беспокоило венецианца. К его величайшему сожалению и разочарованию в самом себе.

Адриано сомкнул губы: он ясно понимал, что ее жизнь висит на волоске. Но после того как он ответил отказом на предложение Брандини, все связи оборвались и его перестали уведомлять об исполнении миланских замыслов, что, впрочем, неудивительно. Это усложняло его восприятие содержания полученного письма. Действительно ли Милан отказался от участия в этой заварушке, или здесь все же при-

существует какой-то подвох?

Так или иначе, но существует опасность того, что лучик жизни, ставший таким ярким, всепоглощающим светом в его сердце, может померкнуть, если не угаснуть вовсе...

Какое-то время он всеми силами старался об этом не думать, от себя подальше отгоняя мрачные мысли, да и мысли о Каролине вообще. Весь день он углублялся в свои дела, пытался вникнуть в принесенные ему бумаги, встречался с поставщиками сырья для его фабрики, но его разум совершенно отказывался думать под воздействием упрямого сердца.

И все это потому, что Адриано Фоскарини четко понимал: его осведомленность о предстоящих событиях меняет суть дела – его честь не позволяет ему бездействовать. Но в то же время его происхождение не позволяет предпринимать каких-либо действий. И как же поступить? Стоять в стороне и ждать «черных» вестей из Генуи?

Да, Адриано отдавал себе отчет, что его участие в восстании генуэзских крестьян – глупая и нелепая идея. Но как только он представлял себе Каролину и видел, как сияние от ее души тихонько угасает от чьего-то меча, его сердце почему-то сжималось, перекрывая дыхание.

Ему прекрасно помнились события не так давно подавленного крестьянского мятежа в Тревизо, когда бедняки были настолько рассвирепевшими от давления в условиях созданной аристократами обстановки, что сметали и крушили все на своем пути. Каждого, кто держал в своем подчинении

наемников и арендаторов земель, они подвергали немедленной казни без суда и следствия. Дворянские имения беспощадно сжигались, а целые семьи уничтожались мечом или огнем. И прежде, чем Венеции удалось подавить восстание в этой части земель Террафермы⁶, погибло немало дворян.

Адриано склонил голову. Он вспомнил о поездке, в которую через несколько дней намеревался отбыть в компании Витторио Армази на судне, арендованном у купцов. Его целью являлись переговоры в Ливорно, а вместе с тем и Флоренцией, о будущих контрактах, а также об оптовой закупке лекарственных снадобий и трав для недавно созданного городского лазарета и аптек. Для последней цели Адриано планировал взять с собой Витторио Армази, как ведущего венецианского лекаря.

И больше всего сенатора съедала мысль, что Ливорно располагается в непосредственной близости с Генуэзской республикой – там рукой подать до вражеских земель. Стало быть, ему суждено быть рядом и не суметь оказаться возле нее в нужный момент...

Что поделать, если в нем горит вечным огнем долг перед родной республикой? А отправляться в Геную – глупая и ничем не обоснованная затея.

Но как только он опускал свой взгляд на бумагу, светлый образ Каролины представал перед ним, словно наяву. В который раз он замечал, что становится бессильным перед незри-

⁶ *Терраферма – материковые территории Венецианской республики.*

мым видением, так ясно стоявшем перед его глазами.

Он отказывался понимать себя и все чаще задавался вопросом: как можно вообще думать о женщине, которая является титулованной наследницей вражеского государства? Адриано всю жизнь ненавидел Геную всем сердцем и тешился этой ненавистью! А сейчас Небеса заставляют его принять эту державу в свое сердце только по одной, хоть и прекрасной, голубоглазой причине.

Все это время, после миланского маскарада, он пытался погрузиться в дела, надеясь, что время без возможности ее лицезреть, сможет заглушить в себе всяческие чувства, которые вспыхнули в сердце. По вечерам он проводил время в обществе женщин или же отправлялся в гости к кому-то из старых друзей. Но все приложенные усилия оказывали лишь временное воздействие на его душу, наполняя ее мимолетной усладой.

Он хмелел под действием вина, которое принимал, словно лекарство, способное уничтожить в нем мысли, казавшиеся ему абсурдными. Затем отправлялся в бордель... Затем, охмелевший и умиротворенный, возвращался домой в надежде, что следующий день не начнется с видения, которое посещало его каждое утро – ее глубокий и мягкий взгляд на прекрасном лице, разбавленном изогнутыми линиями женственности и непокорности. И каждое утро он с мучением всматривался в эти прекрасные черты, подсознательно не желая стирать из памяти дивный образ.

Адриано измучился. За это время его словно растерзали чувства к этой странной, строптивой и поразительной девушке. В какой-то момент к нему пришло осознание, что все его достоинства: чувство чести, верная доблесть, преданность, сила духа, твердость сознания, – взбунтовались против его воли, против его разума, против его принципов. И сейчас, когда она пребывала на грани между двумя мирами... когда ее жизнь стала мишенью негодяев, сенатор почему-то предчувствовал, что именно от него зависит, какую сторону жизни она примет: солнечной реальности или вечной темноты...

Итак, необходимо рассудить здраво! Если он отплывет через несколько дней в Ливорно, как и собирался прежде, то сможет посетить Геную лишь тогда, когда уже все закончится. Тогда он сможет освободить себя от терзаний чувствами – в этот момент уже все будет решено, и ему не понадобится участвовать в этом.

Если же он отправится в путь этой ночью, то может успеть прямо к вспышке мятежа... Но если он появится там, где ему не следует находиться, – это может значительно изменить его жизнь... Причем как с хорошей, так и с плохой стороны... А если нет... Каролина может навсегда исчезнуть из его жизни... Да она может вообще уйти в мир иной! Но едва ли она исчезнет из его памяти... Ведь после их общения на карнавале она перестала пребывать в его памяти лишь мимолетным видением, облачившись в прекрасные черты без-

надежной реальности! Но... вдруг миланцы все же осуществят свой замысел? Или же крестьяне начнут уничтожать аристократию?

И что тогда будет с ним? Его жизнь тоже изменится... Неужто она станет еще более опустошенной и бессмысленной?

– Вздор! – буркнул сенатор сам себе и поднялся с кресла. Он подошел к открытому окну и бесцельно устремил свой взор сквозь пространство. До определенного момента ему казалось, что он живет только для Венеции. И в недалеком прошлом он намеревался жениться во имя скрепления связи своей республики и Флоренции – там он присмотрел себе будущую супругу. Но все изменилось: сейчас он почему-то понимал, что незачем растрачивать свою жизнь на действия, ставшие следствием лишь навязанной, внушенной надобности...

Ему вновь вспомнилась Каролина. Ее глаза светились жаждой счастья, неистовым желанием любить. Он вспомнил ее в лесу рядом с Маттео. Разве может позволить себе благовоспитанная дама нечто подобное? Может! Но только если хочет жить, а не существовать!

И тут же он обратил свою память к словам Лауры, верной супруги Витторио Армази, знавшей о вещах, неведомых обычному человеку. И к ней, как к дивной прорицательнице, Адриано нередко обращался за помощью в трудные периоды своей жизни. Так он сделал и сегодня утром, растерянный

содержанием полученного письма.

– Милый Адриано, – изрекла тогда Лаура Армази после проведения какого-то дивного обряда, – тебе нужно знать, что именно от тебя зависит не только ее жизнь, но и твоя судьба. Твои опасения не напрасны: ей и впрямь угрожает опасность. Сейчас ты на распутье, и от твоего выбора полностью зависит исход событий как в твоей, так и в ее судьбе.

– Хочешь сказать, мудрейшая Лаура, что нам суждено быть вместе? – спросил тогда же удрученный Адриано.

– Это будет зависеть лишь от вас обоих, мой друг, – ответила знахарка. – Более ничего поведать не могу.

Адриано судорожно перевел дух. Да, он ясно видел выход из ситуации и давно продумал его в своей голове. Можно опустить флаг судна с государственным гербом, подойти к той лагуне между утесами, которую показывал этот Маттео... и дальше что? Броситься в очаг битвы, где происходит абсолютно не его война? Да, черт возьми!

Адриано решительно встал с кресла и прошел по комнате. В чем он сомневается? Нужно ли спасти жизнь этой женщине? Да, в конце концов, он жаждет лицезреть ее красоту в этом мире! Именно в этом мире! А на Небесах они еще успеют свидеться. Но ведь тогда выходить из порта необходимо немедленно...

– Прошу простить, сенатор Фоскарини, – послышался голос дворецкого, который отвлек его от мыслей. – Мне велели передать, что судно готово отправиться в путь этой ночью...

"Всё, о чем молю я..."

Каролина взяла в руки Библию и задумчиво посмотрела на обложку. Как и прежде, когда она касалась подобных вещей, ее посетили весьма противоречивые чувства. Однако сейчас синьорина почему-то не боялась в этом себе признаться, ибо к ней пришло осознание того, что ее духовность до этого момента таила в себе некую драматичную ложь, так искажавшую человеческое восприятие незримого глаза мира.

Невероятно долго, как для христианки, она противилась мысли, что нежелание покоряться священным учениям развивало в ней противостояние с понятиями, выстроенными в ее сознании лишь требованиями духовенства. И сейчас она понимала, что именно это противоборство повлекло в ней нежелание обращаться к Богу. Причем это нежелание упрямо преследовало ее сердце. Будто ее сознание кричало о том, что христианская вера создана людьми и никакой внечеловеческой силы в себе не таит. О! Эти мысли могли разочаровать многих истинных христиан...

Сейчас ей становилось ясно, что, увлекшись чтением об отношениях мужчины и женщины, в библейские стихи она вникала лишь своей памятью, разумом, но не сердцем. Как раз это стояло на пути ее понимания истинной сути божественной любви и силы. И сейчас Каролина пыталась найти

в себе способы понять религию, как основу мироздания. Как начало начал...

Бесспорно, она молилась, как того требовал режим ее обычного дня, посещала с родителями по воскресеньям церковь, под строгим надзором Паломы прочитывала псалмы... Но при совершении этих действий Каролина безуданно понимала, что решительно не желает их выполнять. И если бы она, хотя бы изредка оставаясь наедине с собой, очищала свои мысли от потока эмоций и упрямых убеждений, то к ней пришло бы ясное осознание, что ее сердце отвергает Бога лишь потому, что любить Его ее принуждают.

Сейчас же, сжимая в руках Библию и созерцая перед собой лики иконостаса, синьорина пыталась собраться с мыслями.

И, несомненно, ей было ясно, что именно оказало влияние на ее великодушное желание уделить внимание Священному Писанию. Дело в том, что совсем недавно, по пути на мессу в Собор Сан-Лоренцо, к семье да Верона присоединились Молинару, с которыми род герцога издавна поддерживал дружеские отношения. Так вот, Каролина нехотя плелась за родителями, свои мечтания отправляя подальше от этих мест, хотя по обычаю, перед входом в церковь, главной обязанностью каждого прихожанина являлось смиренное обращение своего сердца к Всевышнему. Аделаида Молинару-Динарио, возрастом несколько старше Каролины, поведала подруге свою небольшую тайну, которая в скором времени должна была

подлежать огласке.

– Я помолвлена, Каролина, – с сияющим блеском в глазах промолвила она.

К своему удивлению, синьорина Диакометти заметила, что сказано это было на выдохе воспаряющего ощущения счастья. Нужно отметить, что Аделаиду Каролина всегда считала излишне мягкой. Безусловно, считать это пороком было бы грешно, но юная синьорина совершенно не понимала, как можно жить с ощущением утомляющего чувства всепрощения и доброты. С одной стороны, она находила это прекрасным, с другой, – по меньшей мере, скучным.

– Помолвлена? – изумилась Каролина. – И ты рада этому? Рада, что вскоре снова выйдешь замуж?

Возраст Аделаиды достиг двадцати шести лет, а предыдущий брак, в котором она состояла с флорентийским синьором Динарио, закончился плачевно. Несколько лет назад ее супруг скончался от неизвестной болезни, а самой Аделаиде отошло все имущество, управление над которым немедля взял в свои руки ее отец.

– Разумеется, милая, ведь теперь я наверняка буду счастлива в браке, – еще с большим порывом радости сообщила Аделаида.

– Счастлива? – Каролине хотелось горько улыбнуться. – Отчего можно быть счастливой, когда тебя выдают замуж за того, кого не любишь?

Аделаида с разочарованием заметила, что слова прия-

тельницы полны пессимизма.

– Но я люблю, Каролина! – еще более счастливо выдохнула она, а ее большие глаза янтарного цвета едва не испустили две слезы.

Синьорина Диакометти посмотрела на нее и все поняла. Лицо синьоры Молинаро-Динарио и правда светилось от счастья. Каролина раскрыла рот и не смогла ничего вымолвить. Они приостановились, чтобы позволить родителям подальше отойти вперед, а самим иметь возможность свободно пошептаться.

– Мы познакомились недавно на семейном празднике у четы Дониали... – продолжала тихо рассказывать Аделаида. – Он – купец из рода Виотти, дальних родственников графа Фиески. На том рауте Лучиано оказался совершенно случайно. И при одном только его виде мое сердце едва не воспарило от нахлынувших чувств, и, что удивительно, он ответил мне взаимностью! Отец долго противился нашему союзу, ибо хотел выдать меня замуж за советника Гаспарри...

– Пресвятая Дева, он ведь старик... – выдохнула с изумлением Каролина.

– Да, – согласилась Аделаида. – Ему глубоко за шестьдесят, но моего отца это мало занимало. И все же... он изменил решение... Это поразительно, Каролина, но мой суровый отец благословил меня на помолвку с моим Лучиано...

– Но... как вам удалось переубедить его, Аделаида?

– О, милая Каролина, было время, когда я перестала наде-

яться на это счастье. Мое сердце разрывалось от боли, я была раздавлена и потеряна. Мы договорились с моим возлюбленным встретиться на побережье, вдали от человеческих глаз. В этот день я окончательно поняла, что не смогу без него жить. Но и пойти против воли отца – это тяжелейший грех. Поэтому я решила просить милости у Господа. На обратном пути с нашего свидания я заехала в Собор и упала на колени перед Пресвятой Девой Марией, моля ее о своем женском счастье. Я читала молитвы, обращалась к Небесным Силам пощадить мою грешную душу и смягчить жесткое сердце моего отца. Каково же было мое изумление, милая Каролина, когда все изменилось спустя несколько дней! Отец находился в городе, близ торгового ларька моего Лучиано, когда его сразил приступ. А мой возлюбленный оказался поблизости, немедленно доставил его к лекарю, чем спас его жизнь... Он не захотел принимать от отца никаких благодарностей, лишь мою руку и сердце... И ты представляешь, Каролина, отец согласился!

С этими словами глаза Аделаиды засверкали в лучах утреннего солнца, и Каролина всей душой поддержала ее искренние и чистые переживания.

– Я так рада за тебя, дорогая Аделаида, теперь ты будешь счастливой в браке! – произнесла синьорина ДиакOMETTI и в порыве радости схватила подругу за руки.

Но в какой-то момент к ней пришло осознание, что у нее в жизни такого может не произойти.

– Ох, если бы ты знала, как мое сердце жаждет того же, Аделаида, – промолвила Каролина, перед глазами которой встал частый гость ее грез, облаченный в черную маску. – Но мой отец никогда не позволит мне такой роскоши...

– Ну что ты, милая, – произнесла с воодушевляющей нежностью в голосе синьора Молинаро-Динарио. – Проси Господа, и Он непременно поможет тебе.

Каролина с сожалением посмотрела в счастливые глаза Аделаиды. Она никогда и никому не говорила о том, что не отдает должной частички души христианству.

– Аделаида, я не могу делать то, что меня заставляют делать едва ли не под плетью...

– Ну что ты... – в ее лице читался ужас, и Каролина тут же пожалела о том, что сказала. – Ты не желаешь быть христианкой? Не желаешь обращаться к Богу?

– О, дорогая Аделаида, мне стыдно, но мой разум отказывается понять, зачем внушать человеку веру и насильно заставлять учиться Священному Писанию. С детства все святое во мне встречается негодованием: меня под плетью заставляли читать псалмы и обучаться церковным догмам. И моя душа привыкла принимать все это с отвращением внутри себя.

Боясь, что ее могут услышать, Каролина с опаской оглянулась, но увидела в очах Аделаиды блик понимания.

– Это потому, что в тебя вложили знания о Боге, но не вложили любовь к Нему, – тихо прошептала Аделаида, приоста-

навливая Каролину, чтобы позволить родителям еще больше отдалиться от них. – А ведь это так важно – поверить душой! Милая Каролина, твое сердце способно любить Всевышнего! Тебе надобно отбросить все предрассудки, созданные обществом. Если ты прекратишь относиться к молитве, как к обязанности, тогда твоя душа откроется святости. Первое, что тебе необходимо усвоить: хотим мы этого или нет, но в мире существуют духовные, невидимые нашему глазу сущности, создающие и созидающие внешний, материальный мир. И от духовного начала зависит наше физическое продолжение. И без этого духовного не могут существовать ни добро, ни любовь, ни счастье. Ведь истинная ценность заключается в наших душах, а наши души не могут обрести умиротворенность и состояние счастья без Господа в них. Ты поймешь это со временем. Но если твое сердце примет это сейчас, можешь мне поверить, что твоя жизнь приобретет совсем другой смысл.

Каролина с изумлением посмотрела на Аделаиду и потеряла дар речи: то, что до сих пор она отрицала, словно засияло внутри нее золотистым светом.

– Ты хочешь сказать, что тебе помог сам Бог? – с недоверием спросила она.

– Несомненно, милая. Я всей душой молила Пресвятую Деву Марию о том, чтобы она подарила мне долгожданные минуты семейного счастья, и вот такой случай подвернулся моему отцу, чтобы он сменил гнев на милость. И пойми са-

мое главное: истинной любви не может быть там, где отсутствует вера в Бога. Человек, который всей душой любит другого, может сам не догадываться, что служит Господу. А в тебе есть этот свет – всемогущественный свет любви...

Эта беседа с Аделаидой не выходила у Каролины из головы. Бесспорно, она жаждала быть счастливой и во имя этой высшей цели чувствовала себя способной на все. Теперь же ей больше всего на свете хотелось сделать то, что ранее она считала невозможным – поверить в силу Всевышнего и понять, отчего же она противится этому? Ведь ей и самой известно: то, чего она стремится избежать, порой ей более, чем просто необходимо.

Нежелание верить... С чем это можно отождествить? В этот самый момент в разуме синьорины сама по себе провела параллель ее неверия с чувством любви, которое большинство людей знатного мира воспринимают со скептической улыбкой, словно вымышленной сказкой для наивных мечтателей о счастье. Но ведь она, Каролина, всем сердцем верит в существование любви между мужчиной и женщиной! Стало быть, если что-то является невидимым глазу, то совершенно не означает, что этого «что-то» не существует.

К тому же она, Каролина, прочла огромное количество книг, сумевших открыть в ней веру в существование любви к мужчине... И не смогла одолеть до конца лишь одну – о любви к Богу! Но ведь какая это могущественная книга!

Она опустила взгляд на Библию и открыла ее с середины.

Пробежав глазами по некоторым стихам Нового Завета, она тут же вспомнила о тех чудесах, которыми Иисус Христос помогал людям стать добрее, лучше, сильнее. Чтобы укрепить в толпе людей веру, Он совершал на их глазах невероятные вещи. А некоторые из них, чтобы поверить, должны были пройти через тяжкие горести и болезни. Нет, она не желает стать тяжело больной для того, чтобы познать сердцем Бога! Или же, к примеру, познать горести жизни прежде, чем Господь сможет обернуть ее взор на себя! Ведь в такие моменты люди и начинают горячо молиться. Это осознание помогло Каролине возжелать принять Бога сердцем, а не разумом.

Так она приходила несколько дней подряд к иконостасу в молитвенной комнате, брала в руки Библию, освежая в памяти забытые строчки, чтобы сейчас, будучи взрослой, вспомнить их и внять смысл.

И вот в один прекрасный день она ощутила себя готовой к тому, чтобы обратиться к святым с мольбой. Каролина открыла молитву к Пресвятой Богородице и пробежала ее глазами, готовясь начать своей молитвенный монолог. Но в какой-то момент она осознала, что ее сердце противилось написанным в книге словам – ему чужды чужие строки. Ведь молиться нужно душой – наверняка именно так молилась сама Аделаида, сумевшая выпросить у Бога свое счастье.

Каролина вновь посмотрела на кроткую Деву Марию, смиренно соединившую руки в молитвенной позе, стоящую пря-

мо перед ней на поставце. В Ее застывших глазах так ясно отражалась истинная доброта и чистое милосердие, так редко присущее человеку. Образ перед ней словно передавал те беспокойства, которые могли посещать Деву Марию в то время, когда Иисус Христос служил людям. «Вот образец истинной любви, которая способна привести нас к счастью», – вспомнила Каролина слова Аделаиды, когда в церкви они подошли к такой статуе.

Почему-то Каролина ощутила, что книги в руках лишь мешают ей, и она отложила их в сторону. В руках девушка держала свечу, которую намеревалась поставить Богородице.

– Я не желаю читать то, что чуждо моему сердцу, – промолвила Каролина и, словно с осознанием вины, склонила голову. – Прошу тебя, святейшая Дева Мария, простить меня за то, что не желаю обращаться к Тебе со словами, написанными чужими для меня людьми, хоть и признанными святейшей матерью-Церковью. Возможно, моей душой играет гордыня и этим я, бесспорно, виновата перед Богом. Но я жажду читать молитву с сердцем, поэтому и буду говорить о том, что так томит и беспокоит мою душу. Моими предками создан мир, который невозможен для счастливой жизни. Духовенство моей республики создало все условия для того, чтобы человек был подчинен и унижен. Я не смею судить их, но, будучи рабой этих деяний, я понимаю, что они исходят лишь из алчности. Мне ли говорить об этом, когда Ты, Свя-

тейшая Всецарица, видишь все с высоты небес куда лучше меня? Одно могу сказать с прискорбием: все, что так ценно для души, – чувства и духовные желания – сегодня не имеют ценности, и мое сердце сие обстоятельство разрывает на куски. В мире правят деньги, мужчины пользуются властью и слабостью женщин, поэтому осознание таких грехов, как прелюбодеяние, алчность, уничтожение других чуждо нашим беспомощным душам. Жажда власти и корыстолюбие завладело сердцами аристократии, не давая возможности бедным для выбора. Я не желаю их осуждать, но желаю лишь открыть Тебе мое сердце. До недавнего момента я молилась лишь потому, что так требовали от меня, а порой во время молитвы страдала блужданием помыслов о приземленных и порою низких вещах. Я жажду открыть Тебе душу, но по причине своенравия, присущего мне, я не желаю, чтобы мне указывали, как надобно это делать...

На какое-то мгновенье Каролина смолкла, словно пытаюсь собраться с силами. В горле застрял сухой ком, мешавший вырвать наружу то, что созревало в душе столько времени. Мольба... Мольба о помощи и милосердии свыше. И теперь ее сердце наполнялось истинной верой в то, что молитва будет услышана.

Каролина, словно обессиленная, упала на колени, ощутив вырывающиеся из своих уст тихие рыдания.

– Все, о чем молю я, Пресвятая Дева, – это о счастье, которое так безжалостно вырывает из моих рук человек. В моем

сердце все еще тлеет надежда, что по Божьей воле является возможным ослабить путы, сдавившие мое горло и лишаящие права выбора. Мои родители подчинились воле общества и отвергли любовь во имя преобладания над чувствами материальных благ. Мое сердце неспособно насытиться и удовлетвориться этим. Оно упрямо жаждет любви, ибо лишь она станет для меня спасением и смыслом для продолжения жизни. Да простит меня Бог, если согрешаю своими мыслями, но все иное в моем сердце будет обманом: я чувствую себя неспособной подчиниться родительской воле и выйти замуж во имя чего-то иного, помимо любви и искреннего уважения к будущему мужу. Я жажду испытывать его объятия не потому, что к этому принуждает супружеский долг, а потому, что это поможет ощутить меня еще более счастливой. Я всем сердцем хочу стать для своего мужа опорой, вторым сердцем, заботой. Но и в ответ желаю ощущать биение его сердца в унисон с моим. Если я прошу слишком многого или невозможного, молю Тебя, Дева Мария, не гневайся на меня за мое своеволие. Но если на то воля Божья, и любовь все же может появиться в моей жизни, молю каждым вздохом своего сердца: помоги мне, Святейшая, связать свою судьбу с мужчиной, для которого не чужды такие качества, как честь и благородство. Моя душа рвется лишь к одной мечте: провести свою жизнь с человеком, умеющим смотреть на мир не только разумом, но и сердцем...

"Творцы разврата"

Утомленный беспокойным днем Лоренцо явился в палаццо в сопровождении виконта Альберти и двух стражников. Молва о заговоре среди крестьян заставила герцога объехать за день свои владения вдоль и поперек, чтобы по сведениям своих людей и по результатам личных наблюдений судить о поведении простолюдинов в последнее месяцы. А более всего Лоренцо бесил тот факт, что все сплетни продолжали оставаться лишь пустым звуком, отнимавшим потраченное на его прояснение время. Поэтому к очередному злоречию на тему мятежа он относился не с осторожностью, а неким гневом. В какой-то миг герцогу почудилось, что кто-то намеренно выводит его из себя распространением дурных слухов по окрестностям.

По этой самой причине да Верона возвращался домой ближе к вечеру в весьма нехорошем расположении духа. А Джованни, преследующий его, словно тень, вел себя довольно сдержанно и учтиво, боясь еще больше разгневать Лоренцо. Однако даже явное недовольство герцога не стало на пути замыслов виконта начать важный разговор, откладывать который он уже не видел смысла. И, как он и предполагал, передав лошадей конюху, Лоренцо пригласил Джованни немного расслабиться за беседой и выпить по бокалу вина.

В это время Каролина приближалась к кабинету отца, что-

бы вернуть на свое место «безнравственную» и обруганную кормилицей книгу. Окончив ее чтение около недели назад, синьорина все никак не могла найти подходящее время для того, чтобы пробраться в западное крыло палатки и вернуть издание на положенное место. Матушка Патрисия за обедом обмолвилась, что герцога, вероятнее всего, не будет до поздней ночи, поэтому Каролина ощутила свободу для передвижения по имению.

С замирающим от страха сердцем она прошмыгнула в кабинет, но, не успев даже подойти к полкам, услышала приближающиеся звуки и возмущенные мужские голоса. И благо, что говорили они очень громко, иначе сквозь дубовую дверь она вряд ли сумела бы их услышать. Сердце грохнулось в какую-то бездонную пропасть, а по телу пробежал холод от ужасающей мысли, что ее присутствие могут обнаружить.

В какой-то момент Каролина растерялась от внезапности и заметалась по кабинету в поисках места для своего сокрытия. И все же ей удалось в одно мгновение обуздать свой страх: спрятать книгу в свои юбки, придерживая их с внешней стороны, а самой встать за темно-коричневой портьерой у окна.

– Полагаю, Джованни, что это была очередная ложная тревога! – недовольный голос герцога свидетельствовал о том, что он едва сдерживал в себе гневный крик. – Все эти пересуды порождает общество, изможденное скукой и унынием, –

Каролина услышала стук открывающихся дверей и приближающийся грохот отцовских сапог. – Меня пробирает усталость от подобных лжесведений.

– Герцог, мне понятна ваша усталость, – ответил виконт Альберти, – но, полагаю, что нам нельзя расслабляться в условиях, когда с одной стороны нас давит молва о крестьянском мятеже, а с другой – притязания соседей, тайные сведения о которых также не покидают...

– О-ох, виконт Альберти! – негодуяще выпалил герцог. – Будьте благоразумны! Никто из крестьян не осмелится поднять мятеж на господ, имеющих в своем распоряжении лучшее оружие и доспехи. У них нет ни боевого опыта, ни денег на войну.

Джованни едва сдержал в себе нарастающее бешенство за бестактность герцога, так и не сумевшего оценить его разум на достойном уровне. И все же отмалчиваться он не намеревался.

– Прошу простить мою дерзость, – выдавил он сквозь зубы, – я все же осмелюсь вам напомнить, ваша светлость, что не так давно мятежи вспыхивали во многих окружающих нас державах.

– Я не нуждаюсь в напоминаниях, виконт, – непреклонность Лоренцо заставила Джованни смолкнуть, хотя бы для того, чтобы набраться смелости для обсуждения следующей темы разговора, ставшей для него более важной, чем разочарование герцога в своих доносчиках. – Хотя, должен

признать, что среди кучки плебеев могут попасться два-три изворотливых и сообразительных юнца, способных переколотшатить всю республику.

Эта речь немного успокоила виконта.

– Нельзя также забывать, ваша светлость, – добавил он, – в европейской истории много громких имен этих самых плебеев, прогремевших своими деяниями на многие столетия вперед.

Внутренне Каролина согласилась с виконтом, поскольку отцу свойственна горделивость, не позволяющая видеть реальность дальше своего носа.

– И все же, виконт, не стоит переоценивать крестьян! Всех мятежников в минувшие века постигла участь казни. Время движется вперед, и сейчас, имея военную технику и располагая надежной стратегией, армия может уничтожить целое крестьянское селение в два счета. Как ни крути, но необразованность этих глупцов в любом случае сыграет на руку нам. Сейчас же я уверен в том, что бояться нам нечего.

Ах, какую жалость испытывала Каролина, когда слышала отцовские суждения, исходящие из ослепленной собственным самолюбием головы! Ведь он сам не замечал, насколько недооценивает простых людей, не имевших за собой власти, но обладавших невыразимо сильным духом. И спроси герцог у своей дочери мнения, она непременно высказалась бы с душой.

– Ваша светлость, – Джованни как-то неловко прокашлял-

ся и многозначительно посмотрел на Лоренцо, – дело в том, что я хотел уже давно... с вами побеседовать... но никак не попадался удобный случай...

Предчувствуя неладное, сердце Каролины глухо забарабанило.

– И о чем же? – спросил устало герцог, внутренне надеясь, что речь пойдет о чем-то не слишком вычурном – ему не хотелось обременять уставшую голову принятием сложных решений.

– С вашего позволения, речь пойдет о синьорине Каролине. При этих словах у Каролины перехватило дух, а сердце еще сильнее заколотилось.

– Да, эта девчонка давно уже притаилась, – с сарказмом отметил герцог. – Словно чего-то выжидает. Тебе стало известно о ее проделках?

– Нет-нет, что вы? Я просто хотел... уже давно... намеревался... попросить ее руки... и тем самым... породнить наши семьи этим долгожданным союзом, – изрек виконт и с ожиданием посмотрел на реакцию герцога.

От неожиданности услышанного и сразившего ее изумления Каролина расслабила руки и книга, которую она усиленно поддерживала все это время с внешней стороны юбок, скользнула вниз по платью и с грохотом упала на пол. Герцог резко обернулся на звук, а виконт схватился за свой меч. Каролина со страхом закрыла глаза, представляя себе, что ее ждет.

Озадаченный догадками, Лоренцо, дав знак Альберти даже не думать брать в руки оружие, медленно подошел к окну. Аккуратно он сжал край портьеры и резко отдернул в сторону. Догадки герцога оправдали себя, но все, что он смог, — лишь возмущенно открыть рот, желая закричать, ибо охватившее его негодование не позволило издать даже звука.

Каролина закрыла лицо руками в страхе, что отец не просто изольет на нее свой гнев, но и отвесит пощечину. Однако герцог не шелохнулся. Его глаза лишь скользнули на обложку упавшей книги. Узнав ее, он с тяжестью перевел дух и попытался удержать себя в желании ударить дочь. Его лицо побагровело от переполняющего гнева и, сцепив зубы, он грубо схватил ту за руку и потащил к входным дверям.

— Отец, что вы делаете? — закричала девушка, пытаюсь остановить его, оттянув за сильную руку. — Отпустите меня, отец, молю вас!

Она тут же ощутила набегающие на глаза слезы: слезы страха от неизвестности. Впервые за всю жизнь гнев отца заставил ее содрогнуться от ужаса, и виною тому был бездумно совершенный ею глупый поступок. Каролине становилось предельно ясно, что в этот раз терпение герцога явно исчерпало себя, и только Бог знает, что он сделает с ней. И выйти замуж в этой ситуации казалось ей не такой уж и дурной идеей.

Джованни растерянно наблюдал, как герцог да Верона протащил Каролину мимо него, согнувшуюся под натиском

сильных рук, сдавивших ее локоть. Что можно сказать о случившемся, если Лоренцо безоговорочно имеет право покарать виновную дочь? Бросив заинтересованный взгляд на книгу, виконт все же не увидел наименования и, подойдя ближе, взял ее.

– Венецианцы, – пробормотал он вслух и ощутил, как его дыхание на какой-то миг остановилось в представлении о том, что в себе могут содержать эти страницы. – Творцы разврата...

О том, что Каролина могла читать книги из герцогской библиотеки, он не мог догадываться, но это весьма похоже на эту вздорную девчонку. Но даже если бы ему стало известно об этом, смог бы он предположить жанр читаемых ею произведений?.. И что же теперь можно говорить вообще о ее девичьей морали, если синьорина имеет наглость думать о подобных вещах? А, быть может... быть может, ее тело давно потеряло невинность?.. К примеру, где-нибудь в лесу, в объятиях неотесанного мужлана Маттео.

Если опустить этот момент, сославшись на обыкновенное женское любопытство, остается другой вопрос: обуздать Каролину не под силу даже самому герцогу, а что можно будет сказать о нем, Джованни, если они все же поженятся? Не имеет значения! Ведь виконт понимает, что не нуждается в чувствах к ней, как, впрочем, и в ее чувствах тоже. Первое, чего ему безмерно хотелось – это овладеть ее красотой! Его не так волнует ее невинность или покорность голубоглазо-

го взгляда, сколько родственная связь с герцогом, которая обеспечит ему и титул, и богатство, и должность.

Каролина едва успевала перебирать ногами за быстро идущим отцом, даже не смотрящим в ее сторону. Эхо его твердых шагов гроыхало под давлением решительности, наверняка подписавшей ужасающей приговор для участи юной синьорины. Она смотрела на отца снизу вверх, ощущая, что он как-то неудобно держал ее руку, грубо сжимая в крепких ладонях, и Каролина шла, изогнувшись в правую сторону, словно корчилась от боли.

Они вышли во дворик через парадный вход и направились к западной части герцогских владений, где в основном обитала и работала челядь. Эта часть имения находилась в двухстах шагах от особняка, и Каролина даже предположить не могла, зачем отцу вести ее в это место. Ее глаза ослепило заходящее солнце, и, закрыв лицо свободной рукой, она полностью отдалась власти отца, осознавая, что на помилование в этот раз можно не полагаться.

– Папа, отпустите меня, я вас молю! Клянусь, я исправлюсь, отец! – отчаянно кричала в слезах Каролина, но Лоренцо словно не слышал ее.

Выражение его строгих глаз не изменилось, а на лице не дрогнул даже мускул. Мольба дочери была беззвучна, как ночная тишина.

Из аккуратно выстриженных кустарников за происходящим наблюдал Маттео. Он видел, как герцог протащил пла-

чущую Каролину в западную часть имения, к башенке, где не так давно подвергали жестоким и мучительным наказаниям непокорных рабов и прислугу. У Маттео сжалось сердце от жестокости Лоренцо. Даже со своими домочадцами герцог проявлял бездушность. Юноша едва сумел удержать свой горячий темперамент, чтобы не броситься в защиту Каролины. И лишь осознание того, что он может провалить все «дело», заставило Маттео усмириться.

Лоренцо завел Каролину внутрь небольшой башенки, и они поднялись по ступенькам. Так и не проронив ни слова, он подвел дочь к каким-то дверям на самой вершине башни. Даже когда она споткнулась и упала, расцарапав себе ноги, он словно не обратил на это внимания, а лишь со всей силы дернул ее за руку, заставив немедленно подняться.

Герцог резко толкнул дверь, и она со скрипом распахнулась. С какой-то презрительной грубостью Лоренцо втолкнул Каролину в полутемную комнату и оттолкнул ее от себя, словно перед ним стояла не собственная дочь, а какое-то прокаженное существо, заслужившее самого сурового наказания за свой низменный проступок.

– Герцог, простите меня, – выдохнула Каролина, и беззвучно зарыдала.

Безмолвно, словно на прощанье, он посмотрел на дочь, и Каролина прочла в его взгляде в одночасье смешавшиеся искры сожаления, негодования и разочарования. Затем Лоренцо с грохотом захлопнул дверь, оставив ее наедине со своей

совестью.

Услышав, как снаружи задвинулся засов, Каролина вытерла слезы и со страхом обернулась к своей темнице. Тут же ей в нос ударила сырость и какая-то едкая вонь. Из-под соломы, раскиданной по полу, послышался писк мышей и шкрябанье по каменному полу. Маленькое окошко под высоким потолком пропускало сквозь себя скудные лучики заходящего солнца. Осталось не так много времени до того, как на улице стугнутся сумерки. Каролина содрогнулась при мысли, что ей придется провести здесь ночь.

На глаза навернулись слезы от обиды на жестокость отца, но она понимала, что, бесспорно, виновата перед ним. В душе теплилась надежда на то, что в нем проснется жалость и он вернется за ней. Но когда перед ней вновь встал его неумолимо-рассерженный взгляд, Каролина осознала, что ее надежды на его благосклонность тщетны.

Боясь даже пошевелиться в этой жуткой комнатушке, сеньорина облокотилась о стену и медленно сползла по ней вниз, присев на корточки. Что может ждать ее в этом зловонном месте? Наибольший ужас на нее наводил писк мышей. Мысль о том, что какая-нибудь зверушка коснется ее тела, приводила девушку в панику. Едва сумев совладать со своими страхами, Каролина тихо заплакала...

"Я всегда нахожу выход из передрыг"

Лоренцо вернулся в свой кабинет, где его по-прежнему ждал виконт. Чувствуя себя неловко в том, что стал свидетелем неприятной сцены, Джованни с ожиданием посмотрел на рассерженного герцога. Тот лишь присел в свое кресло и в один миг осушил бокал вина. Альберти только видел, как на скулах герцога забегали напряженные желваки.

Их траурное молчание прервали какие-то крики, доносящиеся из парадной и громкие шаги солдатских сапог, приближающиеся к кабинету герцога. Лоренцо и Джованни сорвались с мест, словно заблаговременно почуяли неладное. Вбежавший стражник с выпученными глазами что-то кричал, но понять его мужчины смогли лишь после того, как он перевел дух.

– Ваша светлость! – наконец воскликнул он. – Ваша светлость! На восточном посту убиты надсмотрщики и стража. Крестьяне подняли мятеж!

Герцог и виконт изумленно переглянулись, но оба прекрасно понимали, что на замешательство времени нет.

– Отправляйтесь в город и сообщите властям! – герцог бросился к оружейному шкафу. – Пусть присылают армию в подкрепление. Сколько мятежников?

– Я не могу сказать, ваша светлость. Мне чудом удалось спастись. Мне чудилось, что их сотни...

– Сотни...

Лоренцо бросился к оружейному шкафу, хранившему в себе богатые презенты прибывавших в его владения гостей – изобретения последнего поколения, стрелявшие порохом. Кроме того, здесь хранились мечи и кинжалы, выкованные лучшими европейскими кузнецами. Кое-что из снаряжения он бросил виконту и прибывшему стражнику.

– Сотни... Это не так много. Но они готовились к этому нападению, а моя обедневшая армия совершенно не готова к обороне. Маленькие подонки, они решили, что все-таки смогут подчинить меня, герцога да Верона! – последние слова Лоренцо кричал, бешеными глазами бегая по комнате.

Вооружившись до зубов, они бросились к выходу. Едва переступив порог, надсмотрщик бросился седлать свою лошадь.

– Конюх, лошадей! – крикнул герцог и оглянулся вокруг.

И до него только дошло, что вокруг стояла гробовая тишина. За ним не выскочил управляющий, как обычно, чтобы справиться об отбытии герцога. Два стражника, стоявшие всегда у парадной двери, также исчезли.

– Что за чертовщина? – изумленно воскликнул герцог, оглядываясь вокруг.

В этот самый момент со всех сторон имения, словно мыши из углов, выбежали люди, оглушительным криком сокрушая стены герцогского палаццо. Окруженные виконт и герцог готовились биться до последнего, однако оба понимали,

что западня, спланированная крестьянами, может оказаться началом их последней битвы.

Следом за мятежниками со всех углов имения стремительно сбегались стражники герцога. Однако на фоне черно-серой массы крестьян они казались лишь редкими пятнами бурого цвета.

Казалось, что толпа мятежников, непрестанно бегущая из леса и всех закоулков имения, не закончится никогда. Около дюжины крестьян сразу обрушились на виконта и герцога, но отсутствие опыта в военном деле и весьма скромные доспехи сыграли с ними злую шутку, и некоторые из них пали под мечами дворян. Но это не сломило дух выживших! Казалось, что именно подавляющее преимущество воодушевляет их.

Другая дюжина смельчаков с факелами в руках бросилась вовнутрь палатки через парадные двери и черный вход, обливая на ходу смолой все, что могло гореть.

Подкрепление, на которое рассчитывал герцог, хоть и в довольно скудном составе, не заставило себя долго ждать: армия в доспехах появилась с запада буквально в самом начале горячей битвы. Оглушающие стрельба, истошные крики, мерцающие на угасающем солнце мечи, – и несколько сотен людей превратились в сплошное кроваво-черное месиво.

– Что там видно, Адриано? – послышался голос старого друга Армази, и сенатор только задумчиво уткнулся в подзорную трубу.

Торговое судно со скудным экипажем на борту плавно скользило по морской глади Средиземного моря. Погода радовала солнечным и безветренным настроением, а вот желание сенатора обойти Ливорно, дабы достичь генуэзских берегов, весьма удивило его спутников.

– *In rebus bellicis maxime dominatur Fortuna*⁷, – пробубнил он сам себе. – Посмотри сам. Тебе не кажется, что с земли в небо исходят клубы дыма?

Витторио взял трубу и посмотрел в нее. В условиях опускающихся сумерек видимость происходящего на суше значительно ограничивалась, однако, вдали, и впрямь, показалось зарево с исходящим вверх черным дымом.

– Не знаю даже, что сказать, Адриано. Еще слишком далеко, чтобы рассмотреть пожар, если ты об этом. Как по мне, больше походит на дождевые тучи, сгустившиеся над горизонтом.

Сенатор всмотрелся в трубу.

– Да, дружище, не исключено, что и ты прав. Прости, Витторио, что не смог остановиться в Ливорно – мы испытываем недостаток во времени. На обратном пути мы в обязательном порядке все исправим, и ты сможешь провести с торговцами переговоры о незамедлительной сделке для погрузки лекарств. Они будут ждать нас прямо в порту.

– Ничего, Адриано, мы все успеем. Ведь, очевидно, что здесь ты нужнее, – он кивнул в сторону берега.

⁷ *В военных делах наибольшую силу имеет случайность (лат.).*

– Ты осуждаешь меня?

Старик тихо рассмеялся.

– За что мне тебя осуждать, Адриано? За то, что ты отважился на героический, пусть и рискованный, поступок и жаждешь спасти жизнь женщине? – Витторио улыбнулся. – Мне просто не терпится посмотреть на нее...

– Витторио, я не уверен, что вернусь с ней, – произнес задумчиво Адриано. – Мое присутствие здесь объясняется лишь желанием убедиться в том, что твоя супруга ошиблась в своих неутешительных пророчествах.

– К твоему великому разочарованию, Лаура редко ошибается, друг мой. Честно говоря, Адриано, я плохо себе представляю, что ты будешь там делать в разгар войны. Но раз уж ты так решил...

– Я сам не имею ни малейшего представления, Витторио. Но как я могу сейчас что-либо планировать? Полагаю, что смогу разобраться на месте.

– Не забывай об осторожности! – Армази с беспокойством посмотрел на друга. – Тебе ведь известно, чем это может грозить, узнай сенат о твоём участии...

– Известно, – Адриано сомкнул губы и с сожалением посмотрел вдаль.

– Мне до сих пор странно, как ты все-таки отважился на это, друг мой, – с некоторым восхищением и одновременным изумлением промолвил Витторио.

– Меня окончательно подтолкнул к этому еще один факт

моей никчемной жизни: я всегда нахожу выход из передряг... Даст Бог, повезет и в этот раз.

Но по мере того, как они приближались к берегу, становилось очевиднее, что дальновидность сенатора Фоскарини выглядела, скорее, как пророчество: из нескольких точек обширных земель исходили клубы темного дыма. Посмотрев в подзорную трубу, он ощутил, как его окатило холодом.

– Это пылает имение да Верона, – прохрипел в отчаянии он и посмотрел на Витторио. – Похоже, я опоздал.

Адриано велел подвести корабль как можно ближе к берегу и остановиться в лагуне между утесами, о которой Маттео говорил, что это довольно тихое и спокойное место.

Далее сенатору казалось, что все происходящее вокруг плывет, словно во сне. Стремительность его действий не позволяла даже уделить времени обдумыванию своих шагов. Но так в его жизни бывает нередко.

В одиночестве добравшись на шлюпке к берегу, Адриано ступил на землю и бросился подниматься по скалистому побережью. Направляться к палаццо придется пешком. Дорога бегом через лес в одном направлении и обратном займет не так много времени, но Адриано знал, что вернется на побережье приблизительно за полночь.

Немного отдышавшись на вершине, он четко и ясно продумал свои шаги. Несомненно, сенатор осознавал, что его действия должны быть твердыми, уверенными и решительными. К тому же управиться он обязан как можно скорее,

ибо задерживать надолго судно в генуэзской лагуне нельзя.

Сразу за береговой линией начинался лес, где в минувший раз своего пребывания в этих местах он встречался с Маттео. Адриано плохо помнил дорогу к палаццо, но он четко знал, что ему следует придерживаться северо-западного направления. К тому же, пока ночной мрак не скрыл собой Геную окончательно, сенатор тешился надеждой рассмотреть зарубины, которые он оставлял, когда Маттео вел их через лес. И он хорошо запомнил развилку, на которой ему придется свернуть на тропу по направлению не на север, откуда они тогда шли, а на Запад – к имению да Верона.

Благо, что лесополоса заполнялась сравнительно негустой растительностью, – это придавало уверенности Адриано, что он сможет побереечь драгоценное время. Бесспорно, лишь в том случае, если на пути не доведется встретиться с генуэзцами. Однако у большинства из них сейчас слишком много дел, чтобы тратить бесценное время на прогулку по лесу.

Пустившись бегом, Адриано время от времени изумлялся уверенности своих шагов, словно досконально знал здешние края. Ему довелось пробежать немного. Остановившись, чтобы отдышаться, сенатор прислушался к звукам. Сквозь легкий шорох деревьев и громкое пение встрепёнувшихся птиц, очевидно, слетевшихся со всех сторон Генуи, ему почудились посторонние голоса. Что это? Неужто встреча с врагом неминуема?!

Чтобы удостовериться в своих предположениях, Адриано

пригнулся, всматриваясь сквозь негустую листву. Это был не крик, но будто кто-то кого-то пытался окликнуть. Адриано присел на корточки. Сейчас он понял, что голоса обращались не к нему. И в пространстве они не передвигались. Стало быть, кто-то просто стоит рядом...

Стараясь оставаться беззвучным, Адриано сделал несколько шагов в ту сторону, откуда слышался шум. И тут перед ним замелькал силуэт в бесформенной темной одежде.

– Прости... прости... – слышался негромкий призыв мужского голоса. – Клянусь тебе, я не хотел... я не хотел, чтобы все случилось именно так...

Адриано отогнул ветку, которая закрывала ему дальнейший путь. Разобраться в ситуации и понять, свидетелем каких событий он стал, сенатор смог не сразу. И только потом, всмотревшись, он увидел лежащее в траве тело женщины и сторбленный над ней торс молодого мужчины. Адриано почувствовал, как у него пересохло в горле, и с жадностью глотнул воздух. В мужчине он узнал Маттео. Женщину он видел плохо, но ткань распластанного по траве платья походила на бархат дымчатого цвета.

Адриано не мог ожидать прояснения ситуации. Обхватив рукоятку меча, он смело шагнул вперед...

"Разве ты не видишь над ее прекрасной головкой светящийся нимб?"

...Писк мышей и непрерывное шкрябанье по полу не просто вызывали в Каролине отвращение, но и порядком раздражали. Все, чего она хотела сию минуту, – это немедленно вырваться из этого жалкого плена. Она подошла к двери и со всей силы дернула ее. Тщетность девичьих усилий казалась изначально очевидной, однако Каролина упрямо продолжала расшатывать дверь, надеясь хоть немного сдвинуть засов. Удостоверившись, что она только попусту тратит время и силы, Каролина со злости ударила ногой по двери и присела на корточки, сокрушаясь в рыданиях.

С улицы как-то приглушенно доносился какой-то шум и даже крики, но четко разобрать, что происходит за пределами башенки, она не могла. В мрачных стенах комнатушки совсем стемнело, и она могла различить находящиеся здесь предметы, лишь благодаря тому, что глаза уже привыкли к темноте. Сильнее шорохов, доносившихся до ее слуха и заставлявших шевелиться волосы на голове, – ее угнетала безнадежность. Всеми силами она старалась совладать со своим страхом, поскольку предчувствовала, что ей предстоит провести всю ночь в этом заточении.

Со временем крики на улице стали слышны еще яснее, и девушка поняла, что там что-то происходит. Она прислонилась к холодной стене, но что можно расслышать сквозь толщу камня на высокой башне? Неожиданное гроыхание по ту сторону дверей заставило синьорину подбежать к ней. Несомненно, Каролине вздумалось, что суровый отец смиловился и решил ее выволить. Каково же было ее удивление, когда в дверях показался Маттео: испачканный сажей и грязью, с окровавленным мечом в одной руке и горящим факелом – в другой, безмолвно и огорченно он смотрел на Каролину. В мерцающем свете он прочитал скорбь в ее опухших от слез глазах.

– Маттео! Как хорошо, что ты освободил меня! – воскликнула она, бросившись к нему с объятиями. – Почему ты такой печальный? Идем скорее отсюда! Клянусь, я не расскажу отцу, что это ты освободил меня.

Поспешно синьорина выскочила к винтовой лестнице, ведущей вниз. Но тут, словно во сне, она расслышала душераздирающие крики и пальбу с улицы. Каролина остановилась и с изумлением посмотрела на Маттео. И только сейчас ей стал понятен весь ужас его внешнего вида. Не меняясь в лице, он безмолвно обошел ее и, оказавшись на ступень ниже, продолжил освещать ей путь.

Устрашающий шум с улицы приближался, а Каролина почему-то схватила Маттео за руку и, когда он обернулся, пылливо посмотрела ему в глаза.

– Как ты понял, что я здесь, Маттео? Что происходит?

Каролина прекрасно знала, что он никак не мог разведать о ее пребывании в этой башенке. Но, вопреки ожиданиям немедленных ответов, он не стал оправдываться, а только повел ее вниз по ступенькам. И, чем ниже они спускались, тем страшнее казались звуки, доносящиеся с улицы.

Каролина слышала пальбу, лязг мечей, истошные крики, – и ей становилось ясным, что происходит за дверями. Дойдя до последней ступени, она нерешительно остановилась и посмотрела на друга. Он опустил голову и молчал.

– Это война? – спросила она, и Маттео утвердительно кивнул русой головой.

Каролина только глубоко вздохнула и испуганно посмотрела в дверной проем. В нем клубилась пыль с кусками мусора и непонятных обломков. Из помещения виднелись лишь стремительные движения людей и падающие наземь тела.

– Я тебя уведу отсюда! – уверенно произнес Маттео и крепко сжал ее руку.

Его слова расплылись в грохоте доносящегося снаружи кошмара.

– Я не уйду! – громко воскликнула она, стараясь перекрыть оглушительные звуки. – Здесь моя семья!

– Это опасно, Каролина! – обеспокоено, словно с мольбой в голосе, воскликнул Маттео. – Я все продумал! – он притянул ее ближе к себе, крича ей прямо в ухо. – Мы сбежим, и тогда ты будешь со мной всегда! – в словах Маттео звучала

некая агрессивная власть, и Каролина, с ужасом глядя в его расщепленные глаза, отступила назад.

– Ты все продумал? – переспросила удивленно она. – Ты знал об этой войне... – и в этот самый момент ей вспомнились уже забытые слова незнакомого голоса: «Восстание крестьян – это способ ослабить местных дворян: герцогов и синьоров».

Каролина шагнула назад, изумленно глядя на Маттео, и оказалась в проеме, ведущем в ад: с улицы продолжали влетать какие-то обломки, доноситься крики ужаса и запах крови, смешанный с удушающим воздухом, насыщенным порохом и гарью...

– Ты – мятежник, – пролепетала она, продолжая пятиться назад.

Ей казалось, что все происходит во сне, даже ее шаги, направляющиеся к выходу из башенки, казались какими-то плавающими.

– Нет, стой! Каролина! – крикнул Маттео и кинулся ей вдогонку.

Но синьорина уже бежала посреди поля битвы, которое всего несколько часов назад было ее родным двориком, утопающим в сочной зелени и красоте. Перед глазами мелькали окровавленные тела и пылающий огонь. Едкий дым застилал ей глаза. В воздухе стоял запах гари. С тяжестью упавшее под ее ноги тело заставило синьорину отскочить и вскрикнуть. Нечто до боли знакомое показалось в этом искаженном от

боли лице. Склонившись над ним, Каролина узнала прежде ненавистного ей виконта Альберти. Его блуждающий взгляд устремился на нее и всё, что она могла прочесть в нем, вызвало в девушке ужас: словно и страх, и скорбь, и облегчение сковали его. Джованни истекал кровью – в его груди торчал меч, а значит, и смерть оказалась неминуемой. Его взгляд замер, и Каролина от ужаса закрыла лицо, словно желая каким-то волшебством перенестись из этого жуткого места. Но реальность призывала ее оглянуться вокруг себя.

А вокруг продолжало твориться кошмарное, и девушке показалось, что она попала в преисподнюю: бурая мантия стражников и блекло-серая одежда крестьян смешалась в дымовом столбе, в бликах полыхающего огня ослепительно сверкали щиты и мечи. Истошные крики и падающие тела вызвали у опешившей Каролины потрясение, и в какой-то момент она просто-напросто остолбенела. Пальба пушек оглушала ее, крики, толпа, струящаяся кровь привели ее в состояние шока. Она попыталась сделать несколько шагов в сторону палатки, но едва не оказалась сбитой с ног – пробегающий мимо стражник просто оттолкнул ее. Она оглянулась назад – Маттео сражался с кем-то из солдат.

Каролина вскинула голову и взглянула на палатку. Его восточное крыло уже охватило пожирающее пламя, и она с ужасом осознала, что именно там находились их покои. Надежда о том, что матушка и Палома живы, угасла в ее душе, и от этой мысли девушка почувствовала слабость в ногах.

В этот момент Каролину кто-то резко дернул за руку, и она пронзительно вскрикнула. Маттео озлобленно закричал:

– Ты сейчас же пойдешь туда, куда я скажу! Тебе ясно?

Каролина ощутила откуда-то выросшие в ней силы, толкнула Маттео ногой в пах и стремительно бросилась туда, где предположительно должен быть вход в палаццо, но едкий дым настолько ослепил ее, что Каролина в растерянности остановилась. Ее не покидало ощущение, что весь ужас – это всего лишь сон, который испарится сразу, только она проснется.

Внезапно, совсем рядом она услышала оглушительный грохот взрыва и тут же почувствовала какую-то слабость в ногах, словно неведомая сила тянула ее к земле. Каролина упала на колени, пытаясь всей своей сущностью противостоять тому, что управляло ею. Однако силы совсем покинули ее, и, рухнув ничком на землю, она ощутила жгучую боль в груди.

Сердце Маттео содрогнулось, когда он увидел падающую Каролину, окровавленную и изнеможенную. Откинув свалившиеся перед ним деревянные колья и колесо от повозки, он бросился к ней, закрываясь от летевших в его сторону обломков. Маттео повернул к себе побелевшее лицо возлюбленной, и только по шевелившимся устам смог понять, что она все еще жива.

Юноша оглянулся вокруг себя. В нескольких шагах от него лежал убитый Лоренцо да Верона, тело которого, впро-

чем, он видел еще до того, как вошел в башенку за Каролиной. Дворец позади него полыхал в огне. Все свидетельствовало о том, что Каролина, вероятнее всего, осиротела всего за несколько мгновений.

Маттео бросил взгляд в сторону башни, которая была границей западной части имения да Верона с маленьким прудом и лесом. Сейчас они смогут укрыться за кустами, которые росли вдоль стены палаццо. А там, выйдя на открытую местность за пределы особняка, он наверняка сможет найти лошадь.

Его нога уперлась во что-то тяжелое. Маттео опустил голову. Прямо перед ним лежал распластанный воин из генуэзской армии. В одно движение руки юноша сорвал с него бурый плащ и закутал в него Каролину. Подхватив синьорину на руки, он, что было сил, бросился прочь с поля битвы.

Да, этот поступок наверняка в будущем подлежит осуждению его сторонников, ведь он предательски повел себя, оставив своих в разгар сражения. Но он не мог, да и не желал оставлять ненаглядную Каролину гибнуть. И если пред ним предстанет необходимость, он закроет ее собой, только бы спасти ей жизнь.

Оказавшись за башней, в которой герцог не так давно заточил свою дочь, Маттео укрылся за огромной бочкой – частью насоса, качавшего воду из реки. Ему требовалось немного отдохнуть. Хотя бы несколько мгновений. Маттео посмотрел на Каролину и прислушался к ее груди. Услышав

сердцебиение, он с облегчением вздохнул, собираясь с силами, чтобы продолжить путь.

Пройдя каменный мост, соединявший территорию имения с дорогой, ведущей вглубь леса и на побережье, Маттео поспешил зайти в тень деревьев, дабы укрыться от посторонних глаз. На радость ему здесь паслась лошадь, очевидно, сбежавшая с конюшни, испуганная громоханием войны.

Каролина истекала кровью, и Маттео понимал, что времени у него чрезвычайно мало. Ему ничего другого не оставалось: путь до побережья, у которого его ожидает лодка, приготовленная им для побега, составит несколько миль. Далее он намеревался отправиться в сторону Флоренции, где они с Каролиной могли бы спрятаться у его родни. Однако юноша не предполагал, что все может закончиться так плачевно.

Аккуратно уложив ее на траву, он оторвал кусок материи от солдатского плаща и перевязал истекающую кровью рану. Затем он уложил ослабленную девушку на кобылу. Оседлав лошадь, Маттео облокотил Каролину о себя, придерживая ее одной рукой, а другой держась за узду. Прежде чем скрыться в лесу, Маттео обернулся, чтобы осмотреться, и сквозь редяющие деревья увидел приближающуюся к палаццо многочисленную армию республики. Становилось ясно, что сражение крестьянами проиграно.

Убедившись, что возлюбленная надежно закреплена в седле, юноша погнал кобылу по узенькой просеке, которая напрямиком через лес выводила к Средиземному морю.

Он провез ее столько, сколько смог, но дальше лес становился все непроходимее для большого животного, поэтому Маттео снял Каролину с лошади и понес на руках сквозь гущу леса. Он знал, что до побережья оставалось не меньше мили. Обессиленный тяжелыми днями, в ссадинах и царапинах на лице и теле, Маттео из последних сил пробирался к морю, чтобы спасти жизнь и себе, и Каролине.

Решившись передохнуть, крестьянин остановился и уложил синьорину на пахнущую свежестью траву. Лицо Каролины казалось обескровленным: губы стали земляного цвета, а побледневшая кожа словно свидетельствовала о безжизненности расслабленного тела. Маттео испуганно принялся приводить девушку в чувство: теревить обескровленные щеки, поливать водой из фляги казавшееся безжизненным лицо, но Каролина оставалась недвижимой. Сердце... неужто оно не бьется?

– Умерла... она умерла... – сидя на коленях, Маттео склонил голову ей на грудь и почувствовал, как содрогается от рыданий.

Из его глаз не текли слезы, но он ощущал, как изнутри разрывался от боли.

– Прости... – прохрипел сквозь собственные рыдания Маттео. – Прости... Клянусь, я не хотел... я не хотел, чтобы все случилось именно так...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.